

история/география/этнография

Заложники
Петра I и Карла XII

Галина Шебалдина

Заложники Петра I и Карла XII

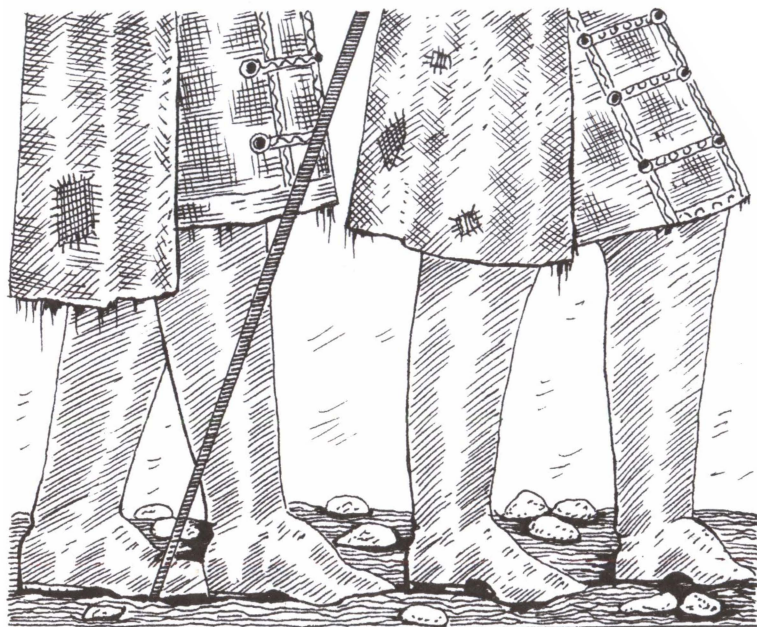
Повседневный быт пленных
во время Северной войны

Галина Шебалдина

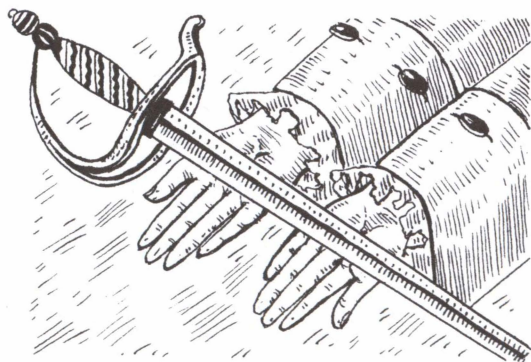
Ломоносовъ
издательство

Галина Шебалдина

Заложники Петра I и Карла XII

Повседневный быт пленных
во время Северной войны

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2014

УДК 94(47).05
ББК 63.3(2)46
Ш36

Составитель серии Владислав Петров

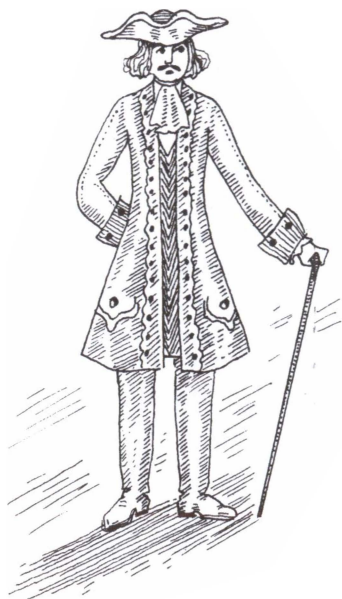
Иллюстрации Ирины Тибиловой

ISBN 978-5-91678-228-8

© Г. Шебалдина, 2014

© ООО «Издательство «Ломоносовъ», 2014

К началу 1700 года одним из самых напряженных регионов Европы стало побережье Балтийского моря. В результате территориальных войн XVI и особенно XVII веков оно практически полностью оказалось под контролем Шведской империи, жители которой называли его внутренним озером. Выстроилась очередь из стран, которые жаждали изменить положение: Дания, Саксония, Польша и Россия. Пристально следили за чересчур воинственным скандинавским соседом Великобритания и Голландия. К концу XVII столетия стало очевидно, что вооруженного конфликта не избежать, и об этом много говорили в политических кругах и писали в европейских газетах.

В результате активной деятельности дипломатических агентов и посланников, личных встреч монархов и тайных переговоров к концу 1699 года сформировался Северный сюз, члены которого договорились о сов-

местной борьбе со шведским королем Карлом XII. Молодому венценосцу, вступившему на престол одной из сильнейших держав тогдашней Европы в неполные пятнадцать лет, противостояли тридцатилетние умудренные опытом противники: король Дании и Норвегии Фредерик IV, саксонский курфюрст и польский король Август II и русский царь Петр I. У каждого из них был свой интерес. Август пообещал польской шляхте завоевать порт Ригу, присоединить Лифляндию¹ и Эстляндию², что дало бы контроль над всем регионом. Дания добивалась возврата господства над областью Сконе и Северной Германией, что позволяло бы ей контролировать Зундский пролив и собирать огромные торговые пошлины. Россия, отрезанная от незамерзающих морей, как в воздухе нуждалась в территориях, потерянных в ходе Смуты и войн XVII века. Карлу необходимо было все удержать, чтобы соответствовать славе отца и своего любимого героя Александра Македонского³.

Сегодня в Швеции, Дании и Польше война 1700–1721 годов называется Великой Северной войной. По своим последствиям для истории шведского и российского народов она в полной мере этому соответствует. И если для Шведского королевства поражение в ней привело к началу крушения эпохи великодержавия и потере имперского статуса, то Россия, одержав в ней победу, не только стала именовать себя империей, но и стала частью европейской политической, экономической и культурной жизни.

На границе

Войну со Швецией начал саксонский курфюрст и польский король, ловкий политик, бонвиван и сибарит Август II Сильный. В соответствии с принятым членами Северного союза планом, саксонские войска под командованием генерал-фельдмаршала графа Якоба Генриха Флемминга в начале января 1700 года должны были перейти границу и осадить Ригу. Но по причине отъезда фельдмаршала на собственную свадьбу наступление задержалось и началось только 11 февраля, о чем русскому царю сообщили срочным донесением в Воронеж, где он наблюдал за строительством новых кораблей. Выразив недовольство тем, что союзники слишком легкомысленно подходят к своим обязательствам, Петр решил взять ситуацию в зоне боевых действий под свой контроль. 24 февраля 1700 года он отправил приказ окольным и ближайшему боярину Ивану Ивановичу Головину в Псков, чтобы тот организовал разведывание того, «что делается у саксонцев со шведами» в Риге, Ругодиве (*швед.* Нарва), Ивангороде, Колывани⁴, Новгороде-Ливонском. Спустя два дня такое же

распоряжение было направлено в Великий Новгород ближайшему боярину князю Ивану Юрьевичу Трубецкому.

Безусловно, никакой специальной разведывательной службы в начале (как, впрочем, и в конце) XVIII века не существовало. Первыми разведчиками Северной войны стали купцы, работные люди и крестьяне, которые волей случая оказались очевидцами событий, например приехали в Ригу торговать или же просто услышали некую информацию от таких же, как они сами, обычных людей — русских или иностранцев. Сведения, доставленные ими, были самого разного происхождения и достоверности: от слухов до «курантельных» (газетных) известий. Ни Головин, ни Трубецкой не проверяли полученные данные: писари в соответствующих канцеляриях все тщательно и аккуратно записывали и высылали в Посольский приказ. Анализ содержания поступающих разведывательных сведений был прерогативой центральных властей. Стоит сразу заметить, что деятельность этих «проведывателей» была настолько активной, что русские власти располагали довольно полной картиной того, что происходило в Прибалтийском регионе, в шведском и саксонском военных лагерях.

Между тем события вокруг Риги развивались следующим образом. Саксонские войска несколько недель простояли на курляндско-лифляндской границе в ожидании возвращения командующего. Благодаря этому рижский гарнизон и жители под руководством «обидчика» Петра I, пожилого генерала и талантливого фортификатора Эрика Йонсона Дальберга, смогли подготовиться к возможному нападению. По словам псковича Петрушки Ременникова и «печеренина» Андрюшки Абрамова, местные жители насыпали дополнительный земельный вал и раскололи лед на Двине, чтобы затруднить неприятелю подступ к городским стенам. Ранее Дальберг строил в городе многоэшелонные укрепления. Именно их в 1697 году очень хотел посмотреть и зарисовать энергичный Петр Михайлов (он же русский царь), а получив запрет, разгневался и затаил обиду, которая в конечном итоге стала одним из формальных поводов для объявления Россией войны Швеции. В ночь на 11 февраля сигнальные пушки предупредили гарнизон и жителей о начале саксонского штурма. Так началась Северная война.

Умелая организация обороны города принесла свои плоды. Взять Ригу внезапной атакой не удалось, и генерал Флемминг вскоре уехал к королю Августу в Польшу, который был занят тем, что безуспешно уговаривал членов сейма дать ему войска. Саксонские отряды отступили, заняли возведенное в XVII веке инженером Коброном укрепление на левом берегу Даугавы — Кобершанц и начали обстреливать городские стены из ружей и легкой артиллерии: поначалу активно (в самом начале одна из гранат попала в генеральский дом и разбила окно), а потом за отсутствием боеприпасов все менее и менее. Уже в конце марта осведомители князя Трубецкого сообщили, что саксонцы «сидят в шанцах и промыслу никакого не чинят». В то же время вокруг города ситуация с каждым днем становилась все более напряженной. Шведские власти даже издали «опасные листы», в которых жителям Рижского уезда запрещалось приезжать к Риге, так как она осаждена войском «польского курфюрста бранденбургского и саксонского». Окрестные крестьяне, которые не смогли укрыться за городскими стенами, бросали свои дома и бежали в Колывань, Юрьев-Ливонский и в Псковский уезд «под печорский монастырь», а по дороге некоторые из них «от зимнего времени и от голоду» погибли. Поступали сообщения о том, что в окрестностях Риги происходят мелкие, но регулярные столкновения между шведами, едущими на помощь городскому гарнизону, и саксонцами, которые совершали малоудачные и опасные рейды по окрестностям для сбора продовольствия и фуража.

С конца марта 1700 года в Москву стали приходить более содержательные сведения, что было связано с тем, что и Головин, и Трубецкой привлекли к разведке тех, кто был более подготовлен к этой работе и имел отношение к военной службе: офицеров, дворян, казаков и т. д. Из их донесений следовало, что для жителей региона начавшаяся война не была чем-то неожиданным. Мало того, они довольно хорошо представляли состав антишведской коалиции и причины участия в ней каждой из стран. Знали они и о том, почему 17 марта датский король Фредерик IV начал военные действия против своего родственника и тезки герцога Гольштейна Фредерика IV, вступив с 16-тысячным войском в его

владения и осадив Теннинген. В частности, житель Ругодива Савостьян Рылтер сказал одному из русских разведчиков, что «у дацкого короля ссора с голстинским князем ранее он у него разрыл шанец а ныне князь хочет строить а король тех шанцев строить не дает. И голстинскому князю свейский король дает для помочи своих воинских людей на датского короля для того что за ним голстинским князем ево свейского короля сестра родная».

Как известно, участие Дании в Северной войне в начальный период закончилось после того, как она столкнулась с активной враждебной позицией ведущих европейских государств. О том, что «договорились голландский английский и французский послы и если они не помирятся (Фредерик и Карл. — *Г. Ш.*), то всех земель короли пойдут войной на датского короля», в Москве стало известно в том числе и благодаря информации новгородского дворянина Муравьева, которого снабжал сведениями городской советник Ругодива Ефим Костфельт. И в действительности, появление объединенной англо-голландско-шведской эскадры на рейде Копенгагена произвело отрезвляющее впечатление на Фредерика. Дания была выведена из войны, официально подписав 7 августа Травендальский мир со Швецией.

Ситуация под Ригой между тем близилась к своему решению. Кратковременный визит Августа II в начале мая в войска активизировал военные действия, так как вместе с ним прибыло пополнение: «войска польского гетмана Сапеги 18 полков — 3000 человек». Произошло несколько столкновений, и в одном из них «саксонцы побили 4000 шведов». Но для продолжения войны срочно требовались дополнительные войска и артиллерия. Посланники Августа в Москве неоднократно просили поддержки у Петра, но он, ожидая со дня на день заключения мирного договора с Турцией, отказывал союзнику. А в это время на помощь Риге из Ругодива спешили шведские войска: 4000 конницы и 8000 пехоты, в число которых, по сообщению русских торговых людей, кроме нарвского гарнизона, вошли саамские и финские отряды. К середине июня под Ригой собралось уже 20 000 каролинов⁵, «но не военных, а из деревенских мужиков», которые активно готовились к переправе через Двину. Саксонцам

в срочном порядке пришлось разобрать ими же ранее возведенный понтонный мост, но и это не могло надолго сдерживать шведов: часть укреплений была отбита в ходе нескольких удачных вылазок.

Временный и недолгий успех вернулся к саксонцам, когда в середине июля в войска вновь приехал Август, который так и не получил поддержки от сейма, не желавшего ссориться с половиной Европы. Он привез с собой несколько пушек и «жестяные лодки, чтобы сделать мосты». Саксонские войска перешли в наступление и взяли штурмом Кокенгаузен⁶. Но после этого успеха военные действия армии Августа практически прекратились. Основная причина этого заключалась в том, что саксонский курфюрст начал стремительно терять популярность в Польше, его позиции в качестве короля пошатнулись и ему пришлось срочно заняться внутренними делами. Польская шляхта, подталкиваемая Англией и Швецией, стала все активнее выражать свое недовольство, а то и неприкрытую агрессию. Именно этим можно объяснить последующие метания Августа: от объявления рижанам ультиматума до внезапного снятия блокады города, ухода в Курляндию⁷ и, в конце концов, начала переговоров о мирном соглашении с Карлом XII.

Но самые большие опасения, а временами и настоящую панику у жителей региона вызывало ожидание вторжения войск русского царя. Уже в феврале они уверенно называли место, где ожидается «великий государь со своими ратными людьми для войны», а именно город Нарву. Действительно, в Посольском приказе с особым вниманием просматривали сведения разведчиков о том, что 8 мая ругодивский генерал Отто Велинг, встав во главе 250 конных драгун, отправился на помощь Риге, а в самом городе «ратных и торговых чинов людей осталось с 500 человек», которым раздали «королевское ружье» и стали учить с ним обращаться. Спустя некоторое время шведские власти стали серьезнее относиться к возможной угрозе. В начале мая Карл XII издал указ, по которому жителям Ивангорода и Нарвы запрещалось покидать место жительства и предписывалось запастись хлебом и дровами, так как они могут пригодиться во время осады и для снабжения войск. Ситуация в этом районе еще более

накапилась после того, как пришли известия о том, что русский царь пообещал прислать саксонцам войска и пушки. Начался массовый отток населения из приграничных районов.

До вступления России в войну оставались считанные недели.

Тем временем в Москве и в Стокгольме

В столице русского государства было немало людей, которые очень внимательно следили за тем, что происходило в Прибалтийском регионе, с настороженностью наблюдая за решениями царя Петра и с тревогой размышляя над тем, станет ли Россия участником конфликта или же предпочтет остаться в роли стороннего наблюдателя. Это были иноземцы и, конечно же, представитель Швеции в России — торговый фактор и резидент Томас Книпер.

Томас Книпер родился в 1650 году в пасторской семье на острове Эзель. Но очевидно, что продолжение богослужбной семейной традиции его мало интересовало, и при поддержке родственников и друзей он стал заниматься торговлей. Довольно рано обозначился его особый интерес к России: как и многие жители пограничных балтийских городов, Книпер включился в активную торговлю в Новгороде, Пскове, Москве. Его успешная деятельность в этом направлении, деловая хватка и связи привели к тому, что в 1689 году шведское правительство поручило ему выехать в Москву и взять на себя руководство строительством нового шведского гостиного двора взамен сгоревшего в 1684 году⁸. Успешно справившись с этим заданием, Книпер в качестве благодарности получил новое задание: остаться в России в должности торгового фактора, основной задачей которого является защита интересов и оказание всяческой помощи подданным короны. К этому времени он уже имел большую семью (жену и шестерых детей), авторитет, экономические и личные связи в Немецкой слободе и среди представителей русской знати.

Деятельность Книпера как фактора в отсутствие официального дипломатического представительства была очень разнообразной, но самым важным направлением был сбор разведывательной информации обо всем, что происходило в России, тем более что жизнь в Московском государстве в последние два десятилетия XVII века была чрезвычайно насыщена событиями. С особым вниманием в шведских канцеляриях изучали сообщения о деятельности молодого и энергичного царя Петра, справедливо полагая, что в недалеком будущем, несмотря на подтверждавшиеся из раза в раз мирные договоры, Россия захочет вернуть потерянные территории и выход в Балтийское море. Что касается самого Книпера, то, судя по всему, русский царь вызывал у него явную симпатию, и, вероятно, на определенном этапе эта симпатия была взаимной. Петр Алексеевич довольно регулярно посещал его дом, с интересом расспрашивал о шведских порядках, об устройстве армии и флота и т. д. Хорошие отношения между ними распространились и на старших сыновей шведского фактора: Питер и Томас были включены в состав Великого посольства, которое в 1697–1698 годах совершило путешествие за границу.

К 1699 году Книпер стал одним из самых авторитетных членов иностранного дипломатического корпуса в русской столице. Его успешная деятельность была по достоинству оценена в Стокгольме — он получил дворянский титул и фамилию Книперкрона, а статус повысился до уровня полномочного комиссара и резидента. Функции его остались практически те же, но ответственность возросла, тем более что русско-шведские отношения стали к этому времени довольно напряженными. Русские власти до последнего момента пытались держать в тайне все переговоры с послами Саксонии и Дании, сам факт и содержание подписанных соглашений о совместной борьбе с Карлом XII. Появившиеся слухи, неясные отголоски и упоминания в европейской прессе и, наконец, начавшаяся осада Риги могли бы помочь шведскому резиденту сложить все детали в единое целое и по меньшей мере задуматься о позиции России. Поразительно, и это было отмечено многими, что Книперкрона проявил странное равнодушие и предпочел остаться в заблуждении, слепо

доверяя уверениям царя и руководителя Посольского приказа, своего знакомого ближнего боярина Федора Алексеевича Головина в том, что Россия не готовит никакого злоумышления против «своего брата и друга» Карла. В оправдание шведского резидента можно отметить, что и другие шведы, бывшие в это время в России, в том числе члены полномочного посольства под руководством барона Ю. Бергенгельма, вернувшиеся в Стокгольм в феврале 1700 года, не отметили в своем отчете никаких подозрительных приготовлений.

Тем временем в Москве полным ходом шли приготовления к войне со Швецией; уже было определено место первого удара — Нарва, которую Россия потеряла в ходе Ливонской войны Ивана IV. Выбор этого города объясняется его стратегическим положением: овладев им, можно успешно продвигаться вдоль Финского залива и взять под контроль всю Ингрию. То, что Август II «застрял» в Риге, и то, что войска Карла XII направлялись именно туда, тем самым ослабляя другие районы, лишь укрепило Петра в правильности выбора места для начала вторжения. В начале марта 1700 года начались сбор и переброска воинских сил. Петр отправил в Нарву инженера и сержанта Преображенского полка Василия Корчмина для того, чтобы тот под видом закупки пушек⁹ провел тщательную рекогносцировку городских укреплений.

Вероломность, как говорил впоследствии Карл XII, русского царя проявилась в том, что одновременно со всеми приготовлениями он через шведского резидента известил Стокгольм о том, что готовится ответный визит русского посольства для подтверждения Кардисского, Плюсского и Московского договоров во главе с ближним боярином князем Яковом Федоровичем Долгоруким. Это известие было воспринято шведскими властями в Стокгольме с энтузиазмом, о чем Книперкрона известил боярина Ф. А. Головина, присовокупив пожелание как можно быстрее узнать о сроках отъезда великих послов, «дабы подготовить достойную имени и чести великого царя встречу». Этой уловкой на некоторое время, вопреки опасениям более осторожных шведских политиков, удалось усыпить внимание короля Карла. Свою роль сыграла и последовательность, которую проявил Петр, заявивший, что для подготовки приезда послов он отправля-

ет в Швецию на резиденцию своего ближнего стольника князя Андрея Яковлевича Хилкова. Конечно, шведы не могли знать того, что было поручено Хилкову, иначе все могло быть по-другому. В действительности главной задачей, которая была поставлена перед князем царем, был сбор стратегической информации о событиях в Прибалтике и в самой Швеции, об обстоятельствах и планах действий не только потенциального врага, но и союзников: Саксонии, Польши, Дании и Бранденбурга, а также прочих европейских стран, имевших свое представительство в Стокгольме. Строго предписывалось по мере передвижения посольской колонны высылать сведения о крепостях, переправах, ландшафте, настроении населения, состоянии шведского флота, по прибытии в Швецию — о внутреннем устройстве, о придворных делах, о действиях английских и французских дипломатов. Хилков должен был стать, по сути, «оком государевым» в стане врага.

Андрей Яковлевич Хилков родился в 1676 году и принадлежал к старинному княжескому роду, который вел свое начало от удельных князей Стародубских. Сверстник Петра, рано оставшийся без отца, он был приближен ко двору и впоследствии стал участником сначала забав, а потом и первых преобразований молодого царя. Вместе с братьями Юрием и Михаилом и еще несколькими князьями и боярами он в 1697 году был отправлен в Венецию для изучения морского дела под руководством знакомого царя Петра, капитана Марко Мартиновича из Пераста¹⁰. Но уже в октябре следующего 1698 года новоявленные студенты понадобились царю для усмирения стрелецкого мятежа и вынуждены были вернуться в Россию. Князь Андрей привез с собой не только «венецкое» платье и парики, но и определенные знания, светскость манер и, что важно, свободу и раскованность в общении, чему в немалой степени способствовало то, что он понимал и немного говорил на латыни и по-итальянски (шведы, кстати, считали, что и по-немецки). Эти качества, а также личная преданность стали основанием для Петра при выборе князя в качестве резидента. Возможно, свою роль сыграл еще и тот факт, что Хилков принимал участие во встрече и проводях шведского посольства барона Ю. Бергенгельма и довольно близко общался с ним.

25 апреля 1700 года, во время обучения солдат-новобранцев на Старом Денежном дворе, князю Хилкову вручили царский приказ о срочном отъезде в Швецию. Сборы были стремительными; он простился с женой Марией Васильевной, урожденной Еропкиной¹¹, недавно родившей дочь-рю Ириной, получил в приказе государеву и свою «верущую» грамоту «к السويدскому королю», проездные документы; из Ратуши ему выдали жалование на полгода — 666 рублей 23 алтына 2 деньги, кормовые и прогонные деньги, а также меха для раздачи в качестве подарков «кому положено». В состав штата русского резидента вошли: подъячий Малороссийского приказа Василий Богданов, подъячий Владимирского приказа Иван Чередыев¹², в Новгороде к ним присоединился переводчик Вилим Абрамов¹³. И уже 9 мая 1700 года князь Хилков со свитой, в которой были также «духовная особа» Алексей Федоров и домашние слуги, на 30 подводках покинули Москву и отправились на резиденцию в шведскую столицу Стокгольм.

Между тем царь Петр Алексеевич, вернувшись 16 мая из Воронежа, навестил Томаса Книперкрону. Во время визита произошел весьма примечательный инцидент. Петр попенял жене резидента Барбаре за то, что она написала дочери в Воронеж, предупреждая о том, что скоро русские начнут войну и всех шведов в России ждут очень тяжелые времена. При этом царь настойчиво повторил, что ни при каких условиях не будет разрушать мир с «братом Карлом» и не стоит об этом больше беспокоиться. И вновь Книперкрона, а также его корреспонденты в Стокгольме проявили непонятную доверчивость.

Очевидно, что Карл XII не хотел войны с Петром I, какими бы презрительными словами он ни говорил о «русском медведе, вышедшем из болот»¹⁴. Доказательством этого служит не характерный для молодого самолюбивого монарха шаг: прислушавшись к совету осторожного и дальновидного политика, противника столкновения с Россией президента Государственной канцелярии графа Бенгта Оксеншерны, он отдал приказ о расследовании дела трехлетней давности, связанного с пребыванием Великого посольства в Риге. Любопытно, что до этого момента шведские власти, ссылаясь на

разные обстоятельства, игнорировали жалобу Москвы на то, что рижский губернатор Дальберг во время посещения этого города посольством в 1697 году неуважительно обошелся с русским царем. Но сейчас ситуация изменилась: было проведено серьезное следствие и 23 мая король собственноручно подписал письмо в Посольский приказ, в котором были изложены все обстоятельства трагического недоразумения. В частности, указывалось, что не высокомерие губернатора, а лишь нездоровье, обострившееся под влиянием трагических семейных обстоятельств, помешало Дальбергу лично засвидетельствовать почтение и уважение русскому посольству. Поочередно отвечая на все обвинения, король выразил сожаление, что случившееся «царское величество на гнев привели», и подтвердил готовность сделать все, чтобы остаться «в соседстве, в любви и в дружбе». Но, как показало дальнейшее, маховик войны уже набрал обороты, и ход событий нельзя было изменить.

В это же самое время русская делегация Хилкова, миновав Клин, Тверь и Новгород, вышла к российско-шведской границе, где их встретил шведский отряд сопровождения. Недалеко от Нарвы был разбит лагерь, и 26 июня состоялась торжественный вход в город и прием у коменданта Геннинга Рудольфа Горна. Через три дня, в день Петра и Павла, князь Хилков устроил роскошный обед по случаю тезоименитства государя, за которого обе стороны «пили многожды». Он произвел на шведов очень приятное впечатление: воспитанный и светский молодой человек, умеющий поддержать беседу. В то же время от военного человека Горна не укрылось и то, с каким интересом русский князь осматривал городские укрепления и подступы к городу.

Спустя некоторое время русская делегация погрузилась на корабль, который, дождавшись попутного ветра, вышел в Балтийское море и 15 июля встал на рейде Стокгольма. После трехдневного ожидания на корабле состоялась официальная встреча. Резидента Хилкова со служителями и всем имуществом перевезли на роскошные королевские яхты, которые под ружейные и пушечные залпы пристали к пристани. Делегацию разместили в специально подготовленном доме на Йотегата, принадлежавшем вдове графине Маргарете

Суп, урожденной Оксеншерне¹⁵. С первых же часов на шведской земле князя сопровождало несколько человек, которые, как показало время, будут рядом долгие годы. Добрым приятелем станет королевский церемониймейстер и ученый-лингвист Юхан Габриэль Спарвенфельд, а недругом — переводчик, а впоследствии один из главных цензоров русской корреспонденции Петер Линдман.

Между тем шведский король в это время находился в военном лагере вдалеке от столицы, и 31 июля русская делегация отправилась в Мальмё, где должна была состояться аудиенция. И вновь зоркий глаз резидента тщательно высматривал все, что могло бы заинтересовать Москву: качество дорог, медные рудники, королевские крепости, укрепления и пр. Уже в дороге пришло известие, что король со штабом переехал в Данию, и Хилкова на адмиральском корабле переправили в королевский лагерь на полуострове Шеланд. 19 августа в 2 часа после полудня состоялась долгожданная аудиенция у Карла XII, во время которой русский резидент вручил царскую грамоту и свою «верущую» грамоту. Вечером в присутствии высшего генералитета и королевских чиновников был дан торжественный обед.

В ожидании ответа короля Хилков несколько дней провел в шведском лагере. Любопытно, что шведы нарочито продемонстрировали русским гостям стоящие в Зундском проливе английские и голландские корабли, справедливо полагая, что князь сообщит об этом в Москву. 30 августа состоялась ответная аудиенция, на которой было объявлено королевское решение о дозволении Хилкову остаться в Швеции «на резиденцию». Это решение было дано при уже изменившихся обстоятельствах, о которых сам князь ничего не знал, — к этому времени Россия уже объявила Швеции войну.

18августа¹⁶ 1700 года в Москву пришло известие, которое так долго ждал русский царь: делегация Емельяна Украинцева после трудных многомесячных переговоров подписала мирный договор с Турцией. На следующий же день Петр объявил, что он разрывает с Карлом XII все соглашения и объявляет войну, и уже 22 августа выехал в Новгород. Через месяц он был уже у стен Нарвы, чтобы согласовать план штурма.

Первые пленные

Как и бывает в начале любого военного конфликта, первыми его жертвами становятся представители посольств и те, кто, будучи далеки от политики, не вовремя оказались на территории другого государства. Речь идет о купцах, моряках, студентах и просто путешественниках. Всех они, по сути, являются заложниками «большой политики», и не в их воле что-либо изменить.

Уже в день объявления войны — 18 августа — к шведскому резиденту Книперкроне пришел дьяк Посольского приказа Борис Михайлов и объявил, что по указу государя он должен либо выехать в Швецию, либо остаться на «свейском дворе за арештом». Через несколько часов шведская резиденция, находившаяся между Тверской и Никитской улицами¹⁷, была взята под охрану прибывшим из Преображенского приказа отрядом из 26 солдат. Некоторое время Книперкрона думал о предложении русских, но главным препятствием было то, что по условиям сделки он мог взять с собой только одного сына. Жена с остальными детьми должна была остаться в качестве гаранта того, что он не будет вести антирусскую деятельность, а, напротив, займется освобождением русских пленных. После получения соответствующих указаний из Стокгольма он заявил, что остается в Москве, так как его знания и связи принесут большую пользу задержанным шведским подданным: купцам, ремесленникам, студентам, путешественникам, всем тем, кто был в это время на территории Московии.

В Швеции о начале военных действий узнали 20–21 сентября. Эта неприятная новость стала полной неожиданностью не только для властей, но и для русского резидента Хилкова, который узнал о ней сразу после возвращения в Стокгольм после аудиенции у короля. Чуть ранее, судя по всему, он уже заподозрил что-то неладное, так как из России перестали приходить письма. Да и в Москве, как выяснилось позднее, получили только одно его письмо, которое он отправил из Копенгагена 4 сентября «кружным» путем через Андрея Артамоновича Матвеева, русского посла в Гааге.

Судьба русского резидента и его свиты решалась на заседаниях Королевского совета 24 и 25 сентября, но определенного решения так и не было принято — все ждали королевских указаний. Хилков посетил опытного и влиятельного графа Б. Оксеншерну, которому рассказал о своих симпатиях к Швеции и, отрицая очевидное, уверял, что происходит какое-то трагическое недоразумение и мир будет сохранен, что речь идет только об отправке вспомогательного войска, которое царь ранее обещал королю Августу. Он попросил разрешения послать своего курьера к Петру, чтобы предостеречь от начала войны, но получил отказ. Трудно сказать, поверил

ли умудренный политик русскому резиденту, но вполне вероятно, сам князь верил в то, о чем говорил.

Утром 9 октября в Стокгольм пришли распоряжения Карла XII о том, что резидент со своими сотрудниками, как и все прочие русские, которых война застала на территории шведского государства, должны быть арестованы, а их имущество конфисковано. Копии приказа разослали губернаторам приморских провинций и комендантам приграничных крепостей. Аресту подверглись три русских корабля с командами, которые стояли в столичной гавани, и те семь, что уже успели выйти в море. Задержанных в Стокгольме и ближайших окрестностях русских подданных: матросов, купцов, служителей и всех прочих — свозили на Русский двор (Рюсгоргден)¹⁸ и в полуподвальные помещения городской Ратуши. Всего по подсчетам Хилкова интернированных таким образом было 111 человек. Общее количество задержанных русских на территории всего Шведского королевства установить трудно, но речь может идти примерно еще о 50–60 человеках.

Князь Хилков узнал о королевском решении от бургомистра Нильса Хансона, губернаторского фискала Хала и своего московского знакомого — королевского церемониймейстера Ю. Г. Спарвенфельда. Ему было разрешено остаться в прежнем доме, но нельзя было выходить на улицу. Кроме того, в каждой комнате (даже некоторое время в спальне) днем должна была находиться охрана. По заступничеству Спарвенфельда через несколько дней караул вывели из комнат. Из свиты при нем оставили переводчика, священника, «камалера»¹⁹, повара и несколько слуг. Все имущество посольства, в том числе личные вещи князя, было конфискованы властями. «Я считаю, что именно так и надо с ним поступать», — написал молодой король совету 20 октября.

Нарва и Полтава

Нарва и Полтава стали ключевыми точками в истории русского и шведского плена Северной войны, и для такого утверждения есть все основания.

Как известно, с осады Петром I в конце сентября 1700 года древнерусской крепости Ругодив, шведской — Нарвы, началась Северная война. Столкновение превосходящего по численности, но по большей части устаревшего русского воинства с армией Карла XII, одной из самых совершенных в то время в Европе, закончилось сокрушительным разгромом и серьезными потерями. Но это не сломило Петра, а, напротив, привело к осознанию необходимости реального и кардинального реформирования государства. А со шведским королем Нарва сыграла злую шутку: он, возможно по молодости лет, настолько уверился в слабости «русского медведя», что следующие несколько лет провел на территории Саксонии и Польши. Его самоуверенность не смогла поколебать из года в год усиливающаяся сила русских даже после того, как он стал терять свои опорные пункты в Прибалтике: Шлис-ельбург (1702 год), Нарву и Дерпт (1704 год).

Нарвский разгром 1700 года стал определяющим фактором в положении русских пленных на протяжении всей Северной войны. И причина этого заключалась не столько в том, сколько человек оказалось в шведском плену (по разным подсчетам от 1500 до 6000), а в том, кто оказался в плену. Среди нескольких десятков старших офицеров во главе с главнокомандующим русскими войсками фельдмаршалом герцогом де Круа²⁰ было несколько человек, потеря которых была особенно чувствительной для царя. Это: дипломат, глава Военного приказа, генерал князь Яков Федорович Долгорукий, генерал-фельдцейхмейстер имеретинский царевич Александр Арчилович Багратиони, автор «Военного устава» 1698 года генерал Адам Адамович Вейде, генерал-майор Иван Иванович Бутурлин, генерал от инфантерии Автоном Михайлович Головин, стольник, генерал князь Иван Юрьевич Трубецкой. Это были верные сторонники Петра в борьбе за власть и активные участники его первых преобразований и реформ. Шведский король прекрасно понимал, какая это была потеря, и поэтому был категорически против их обмена или выкупа. Именно на нарвских пленных выстраивалась вся система содержания военнопленных в Швеции. Параллельно в противостоянии с мерами, которые предпринима-

ли шведские власти, формировалась и русская практика содержания военнопленных.

О том, какими были первые недели и месяцы нарвских пленников, известно мало: сохранились лишь разрозненные данные, которые не дают возможности создать полную картину. Например, торговец из Нарвы Яков Мейер в одном из своих писем упомянул, что у него в доме были размещены генерал Вейде, полковники Лефорт и фон Делден и они, как он писал, «имеют от меня таково сколько дом мой может». От него мы узнаем, что к началу декабря «генеральская рана (Вейде. — *Г. Ш.*) уже вне страха, но полковникова (фон Делдена. — *Г. Ш.*) еще сумнительна». А чуть ранее, 26 ноября, он же в письме к жене писал, что русские генералы находятся в бедственном состоянии и что «кроме рубах на себе ничего не имеют». На материальные трудности жаловался и генерал А. М. Головин. В декабрьском (1700 год) письме к двоюродному брату, главе Посольского приказа Федору Алексеевичу Головину, он сообщил, что вместе с Александром Милославским и Сергеем Водорацким живет в Нарве в доме купца Ефима Костфельта, который им многим помогает, и испытывает большую нужду в деньгах.

Любопытно, но эта история имела продолжение. В 1702 году из Стокгольма пришло письмо от Хилкова, в котором он просил Головина оказать протекцию сыну того самого Ефима Костфельта Ивану при покупке льна и пеньки. В качестве основания он указал, что «милость его и отца его к нашим людям известна тебе от брата твоего Автонома Михайловича, который был в Ругодиве в доме отца его», да и сам Иван, «который ныне в Стокгольме и к нашему народу со всякой любовью является».

В январе 1701 года большую часть русских пленных отправили в Ревель, где их материальное положение стало еще более тяжелым. Опасаясь, что их прошения не доходят до Москвы, пленники писали по самым разным адресам, в том числе русским дипломатам в Европе. Русский посол в Дании Андрей Петрович Измайлов 24 июня 1701 года сообщил канцлеру Ф. А. Головину, что он получил от генералов из Ревеля уже четыре «грамотки», в которых они жалуются на без-

денежье. Многие пленные, в первую очередь иностранные офицеры, жаловались на жестокое содержание²¹, но в то же самое время Карл несколько раз указывал губернатору графу А. Ю. Деллагарди на его излишнюю благосклонность к противнику.

В Ревеле пленные находились четыре месяца. 27 апреля 1701 года пришло распоряжение короля о переводе большей их части в Стокгольм, и уже 17 мая семь кораблей вышли в Балтийское море и направились к шведским берегам. Через девять дней 134 пленника, в основном русские и иностранные офицеры со своими слугами, прибыли в столицу королевства. На корабле «Стораген»²² находились царевич А. Имеретинский, генералы А. М. Головин, И. Ю. Трубецкой, полковники Андрей Гулиц, Петр Лефорт, подполковник Иван Балсырь, капитан князь Александр Милославский, дворянин Трошкин, прапорщик Николя Сергер, лекарь Эммануэль Гроссман и шесть слуг. Всего 25 человек. Генерал князь Я. Ф. Долгорукий и генерал-майор И. И. Бутурлин приплыли на корабле «Карл Берг»²³. На кораблях «Нептунус»²⁴, «Святой Иоанн»²⁵, «Юлиана»²⁶ и «Венскален»²⁷ находились преимущественно иностранные офицеры и специалисты (бомбардиры, музыканты, инженеры), а также их денщики и слуги. На корабле «Стенбакен» в числе 25 пленных был генерал Адам Вейде. Колония русских пленных пополнилась 10 генералами, 9 полковниками, 3 подполковниками, 6 майорами, 18 капитанами, 3 поручиками, 4 прапорщиками, адъютантом, 2 сержантами, 2 трубачами, 2 секретарями, 8 дворянами, 8 бомбардирами и подкопщиками, 6 врачами, 7 боцманами, 45 слугами.

Прибывших пленных разместили особым образом. Высокопоставленным русским пленным шведские власти позволили самостоятельно снять дома для проживания²⁸. В частности, генералы Долгорукий, Головин, Трубецкой вместе с несколькими дворянами и сослуживцами заняли дом, которым владела Кристина Мария Фалкенберг. Несмотря на тесноту и очень скромные условия, им разрешили держать при себе двух поваров и прачку, которые их обслуживали. Шведская охрана со временем стала писать в отчетах о том, что русские ведут веселый образ жизни, веселятся и гуляют

с женщинами. В тот же дом был помещен генерал И. И. Бутурлин, но в определенной изоляции от других. Ему выделили комнату в полуподвальном этаже с зарешеченными окнами, в которой постоянно находилось два охранника.

Особое положение Бутурлина было связано с его жестокостью по отношению к фенрику²⁹ С. Д. Барону, которого русские захватили в плен в сентябре 1700 года под Нарвой. Бутурлин лично пытал шведа, принуждая дать ценную информацию. По сообщению шведских источников, Бутурлин даже пил кровь противника, заслужив тем самым одобрение русского царя, который якобы сказал, обращаясь к шведу: «Раньше ты ходил в шведскую школу, а теперь в русскую»³⁰.

Царевич Александр Имеретинский снял дом обер-инспектора Пауля Стерндаля, а Адам Вейде занял дом Юхана Куперса. Генерал Ланг с сослуживцами разместился в особом доме, как, впрочем, и полковник Блюмберг со свитой. Для содержания рядовых пленных городские власти предоставили Северную и Южную ратуши. Но скоро стало ясно, что они не приспособлены для этих целей, и после нескольких побегов большую часть русских перевели в Барнхусет (Сиротский дом). Это место уже было хорошо известно русским, так как там содержались купецкие и посадские люди, и у него была дурная слава. Места содержания пленников круглосуточно охранялись городской стражей и охранниками, выделенными магистратом.

Вскоре по приказу короля для жителей Стокгольма было проведено развлекательное мероприятие: 28 и 31 мая пленных под охраной рейтар, пехотинцев и купеческой стражи провели по центральным улицам столицы вместе с прочими трофеями — знаменами и пушками. Спустя еще некоторое время была поставлена финальная точка в этом, по выражению саксонского генерала Л. Н. фон Алларта, «спектакле» — выпущена памятная медаль в честь победы шведского оружия под Нарвой, на которой был изображен бегущий и плачущий царь Петр.

В ходе войны в Швецию будут регулярно поступать русские военные и гражданские пленные, но именно «нарвский полон» станет ядром колонии русских пленных в Швеции. Генералы князя Долгорукий, а затем Трубецкой по распо-

ряжению Петра будут выполнять важнейшие функции по поиску, получению и распределению денежных средств среди пленных, а Долгорукий и Хилков контролировать порядок их содержания. Впрочем, большая часть пленных генералов и офицеров будут помогать своим однополчанам и соотечественникам на протяжении всего плена, нередко жертвуя тем немногим, что имели сами.

Для шведского государства и общества столь же значимым событием Северной войны стала Полтавская битва 27 июня 1709 года. Несмотря на отсутствие единства среди исследователей в оценке количества потерь, большая их часть уверена в одном — под Полтавой и Переволочной Карл XII лишился целой армии опытных и преданных воинов во главе с их военачальниками и представителями придворной аристократии. Среди них были: первый походный министр короля граф Карл Пипер, фельдмаршал граф К. Г. Реншельд, генералы А. Л. Левенгаупт, К. Г. Крейц, Х. Ю. Гамильтон, В. А. фон Шлиппенбах и пр. Около 1000 офицеров, цвет шведской армии, — все они на долгие годы оказались далеко от родины и испытали все трудности и лишения плена.

Первым испытанием на долгом пути пребывания полтавских пленников в России стало их участие в качестве «живых» трофеев в грандиозном шествии в Москве. Петр задумал его, чтобы показать своему народу и всему миру силу и мощь новой русской армии. Для реализации царского плана в середине декабря военнопленных стали собирать около Москвы, в Серпухове, Коломне, Можайске и прочих подмосковных городах.

Грандиозное, как никакое другое ранее, празднество произошло 21 декабря (22-го по шведскому календарю) 1709 года и состояло из нескольких частей: парада лучших полков русской армии, иллюминации, костюмированных сцен, аллегорических картин и, конечно, шествия поверженного противника. Сценарий праздника был разработан самим царем. Первыми шли музыканты — трубачи и литаврщики. Далее в синих мундирах следовал гвардейский Семеновский полк. В середине полковой колонны размещались полевая артиллерия, знамена, штандарты и пленные, взятые в битве у деревни Лесной. Далее вниманию публики была представле-

на комическая сцена, которая по мысли создателей должна была унижить побежденных. В санях, запряженных оленями, ехал шут — француз Вимени, который был назначен «королем ненцев», следовавших следом на 19 санях. Шутовской король и его свита символизировали сумасбродство шведского короля, решившегося на завоевание России и свержение Петра с престола.

Полтавскую часть шествия открывал гвардейский Преображенский полк, за которым шли офицеры, плененные под Полтавой. В промежутках между колоннами везли взятые у шведов трофеи, а замыкали ряды пленных шведские генералы во главе с фельдмаршалом Реншельдом и графом Пипером. Все участники шествия проходили под специально сооруженными семью триумфальными арками.

У первых ворот царя встречали сановники, у вторых — московский градоначальник князь М. П. Гагарин, у третьих — дворянство, у четвертых — именитейшие купцы, у пятых — духовенство, у шестых — вдовствующая царица и царевны, а у седьмых — остальные горожане. Ворота были покрыты многочисленными аллегориями, карикатурами и девизами на латинском языке. В частности, на одной из арок был изображена колесница бога солнца, место которого занимал сам Петр. Над ним были изображены знаки зодиака Рак и Лев для обозначения месяцев июня и июля. Это означало то, что, когда солнце вступило в знак рака, то есть июнь месяц, был жестоко посрамлен шведский лев и, отступая, пятился назад, как рак. Над колесницей были изображены богиня Правды в виде молодой прекрасной девы, с весами в руках, и вера христианская в виде девы с крестом в руках. На заднем плане виднелась Москва, а над ней парящий орел, на спине которого сидел царевич Алексей Петрович. Смысл этой аллегии заключался в следующем: царственный отрок всеми силами помогал мужественным защитникам, посылая из столицы молнии в виде собранного в Москве войска.

Все действие, длившееся с утра до вечера, сопровождалось пушечной стрельбой и колокольным звоном. На балконах домов и вдоль улиц было много зрителей с восторгом приветствовавших победителей и ругавших шведских военнопленных, самочувствие, которых было ужасным: униженные

и оскорбленные, они весь день провели на ногах, не получив ни кусочка хлеба.

Устраивая столь грандиозный и дорогой праздник, Петр расчетливо добивался своей заветной цели — признания России великой державой. Имперским амбициям соответствовали и введение в 1698 году первого российского ордена св. апостола Андрея Первозванного и строительство в Санкт-Петербурге собора Петра и Павла. В этом смысле триумфальные шествия, ведущие свое начало с Древнего Рима, как нельзя лучше отвечали царским планам. И действительно, когда весть о победе русских под Полтавой достигла Европы, очень многое изменилось. В частности, были восстановлены союзы с Польшей и Данией и успешно закончились долгие переговоры о браке сына Алексея с дочерью герцога Вольфенбюттельского Шарлоттой и племянницы Анны с курляндским герцогом Фридрихом-Вильгельмом. Надо упомянуть и о том, что выпущенная в честь победы медаль завершила картину событий, столь похожих на те, что сопровождали нарвской победе Карла XII.

Особая роль Полтавы и Переволочны (а именно там, в районе одноименных реки и деревушки, были принуждены к сдаче основные силы шведской армии) заключалась в том, что после них произошла корректировка положения военнопленных с обеих сторон. Причина была очевидной: очень много каролинов, знатных и самых простых, оказалось в русском плену.

Численность пленных и география плена

Кроме Нарвы и Полтавы, в течение двадцати одного года Северной войны было около тридцати более или менее крупных столкновений, не считая мелких вылазок, штурмов крепостей и сдачи «на аккорд», в результате которых увеличивалось количество «полоняников» с обеих сторон. Назвать точное количество русских и шведских пленных практически невозможно. Но пренебрегать разрозненными и отры-

вочными данными было бы неправильно, так как даже они позволяют увидеть определенную тенденцию.

Чаше всего те или иные сохранившиеся цифры имеют ярко выраженную событийную привязку. Из тайных писем резидента Хилкова, например, известно, что к началу 1705 года в Швеции было «русских и иноземцев» около 400 человек, а среди них 80 офицеров «с генерала до сержанта». Он же в отчете за 1706 год указал, что после разгрома русско-саксонских войск при Фрауштадте³¹ (2 февраля 1706 года) в Стокгольм привезли еще 10 офицеров и 260 рядовых, которых тут же раздали крестьянам, получившим распоряжение кормить их за выполняемую поденную работу. Некоторые цифры появились на свет в результате подсчетов, выполненных по распоряжению шведских властей. Известны как минимум три попытки произвести подсчеты общей численности русских пленных в Швеции: в 1708, 1711 и в 1715–1718 годах. В 1711 году по шведским данным русских пленных было 1180 человек. Проведение последних подсчетов были связаны с трагическими событиями на острове Висингсё, где умерло от голода и болезней несколько сот пленных различного подданства. В сводной ведомости за 1718 год губернатор Йончёпинга указал, что на острове в этот момент находилось 1623 пленных, из которых 1351 русские.

Столь же отрывочны данные о количестве шведских пленных в России. Есть данные, что в 1701–1704 годах в Москву было прислано 2547 пленных «шведской породы». К этому же времени относится донесение от фельдмаршала Б. П. Шереметева о том, что во время сражения под Нарвой (август 1704 года) было взято в плен 1950 человек. Цифры, безусловно, интересные, но они не создают общей картины, а лишь сообщают некоторые фактические и фрагментарные данные.

К сведениям, которые сообщались в военных рапортах, как выясняется, надо относиться с большой осторожностью. Наглядный пример — битва под Полтавой и пленение у Переволочны. Не только в энциклопедиях и ученых трудах признанных историков содержатся разные цифры потерь³², но и в первоисточниках, например в текстах победных реляций, поступавших Петру, присутствуют расхождения в ци-

фраха. А они, в свою очередь, отличались от тех данных, которые пришли в Москву сразу после победы. Численность оказавшегося в русском плену шведского воинства в первые недели после сражений активно менялась, например, за счет того, что русские «вылавливали» каролинов в окружающих лесах и болотах или они выходили и сдавались сами. Препятствовало установлению окончательных цифр также массовое и одиночное бегство пленников. Дополнительные сложности, причем не только для русских властей, но и для самих пленных, возникли после того, как под Переволочной все документы походной канцелярии по приказу шведского командования были сожжены. На сегодняшний день принято считать, что в русском плену оказалось около 30 тысяч человек, из которых лишь около 60 процентов были собственно военные. Оставшиеся составляли практически еще одну армию — армию некомбатантов, сопровождавших шведскую армию (как и армии многих других стран того времени). В плену оказались не только те, кто обслуживал воинов, но и большое количество женщин, детей, музыкантов, актеров, маркитантов и пр.

Последующие события затронули всех шведских пленных в России и, к сожалению, не внесли большей точности в цифры их численности. Черета событий после Полтавы: осмотр и размещение по разным местам в Центральной и Юго-Восточной России, сбор к концу 1709 года в Москве для участия в царском параде, затем снова высылка по городам и весям, а с начала 1711 года беспрецедентное массовое перемещение пленных на Урал и в Сибирь — не давала никакой возможности ни русским, ни шведским властям собрать хоть сколько-нибудь полные данные. И если количество офицеров и места их пребывания более или менее отслеживались, то численность и размещение рядовых военных и гражданских пленных можно установить с большими трудностями.

Надо сразу отметить, что русские власти активно использовали рядовых пленных на всех «великих» стройках государства. Благодаря Полтаве в распоряжении Петра оказалась многотысячная армия достаточно квалифицированной рабочей силы, и он не замедлил ею воспользоваться. Уже в середине июля 1709 года 3000 пленных было отправлено на

строительство крепости и верфи на реке Середка около Воронежа. В августе около 1000 человек привели в Москву и привлекли к фортификационным работам по укреплению Земляного города. В 1710 и 1711 годах почти 2000 каролинов было послано на верфи у Иван-озера и т. д. По данным отчета, составленного губернатором П. М. Апраксиным, к 19 января 1710 года в Москве и других городах «на корму государевом» находилось 12 762 пленных, из них 7000 в Воронеже, и 2000 в Казани. Известно, что шведские военнопленные работали и на строительстве новой царской столицы — Санкт-Петербурга, и количество их там с каждым годом все увеличивалось.

Одним из главных источников сведений о численности пленных с обеих сторон являются финансовые отчеты о распределении денежных средств между ними. Составляли их специальные уполномоченные лица из числа пленных старших офицеров и титулованной знати, и от того, насколько им удавалось организовать работу, во многом зависела степень полноты и достоверности данных о количестве пленных. Необходимо учитывать и некоторые обстоятельства. Например, то, что шведские отчеты были более полными и профессиональными, так как технической стороной занимались те же лица, кто выполнял такую работу в армии: кригс-комиссары разного уровня во главе с Яковом Меландером и Отто Тунингом. Русские уполномоченные не имели такого опыта и соответствующих кадров, о чем наглядно свидетельствует ситуация, в которой оказался князь Трубецкой в 1715 году, когда выяснилось, что он, не имея никакой практики и навыка, не уделил сбору и фиксации данных должного внимания. Он попросту не проконтролировал отправку ведомостей, а возможно, и вообще этого не сделал. Из Санкт-Петербурга тогда пригрозили, что вычтут недочеты из его жалованья. Но даже скрупулезные шведские ведомости не могли дать полных сведений, так как в них, например, не учитывались те, кто не имел оснований для получения жалованья с родины или содержания от вражеского правительства. А это были, например, слуги, находящиеся «на корму» у своего господина, или члены семей. Последнее было особенно актуально для пленных каролинов, которых часто на войне сопровождала семья.

К сожалению, нет точных данных и о количестве пленных, как русских, так и шведских, вернувшихся из плена домой. Соответствующие ведомства просто не справились с большим потоком желающих вырваться на свободу. Можно лишь строить догадки об их общем количестве, наткнувшись, например, в отчетах на данные о том, что 13 октября 1721 года из Санкт-Петербурга и его окрестностей на родину были отправлены 1472 каролина.

География размещения военнопленных всегда подчиняется определенным условиям, в первую очередь необходимой удаленностью от границ и обеспечением безопасной обстановки для своих граждан. Важную роль играют физические возможности населенных пунктов, так как в XVIII веке не строили специальных изолированных лагерей для военнопленных. Оказавшихся в неволе представителей вражеского государства размещали в казенных или общественных зданиях: замках, казармах, монастырях и пр., а если таковых было недостаточно или не было вовсе, селили в домах местных жителей. Сами же пленные были чрезвычайно заинтересованы в том, чтобы остаться в крупном, столичном или торговом городе, так как там всегда можно было получить какую-нибудь помощь, быстрее связаться с родными и просто иметь возможность общения с соотечественниками и товарищами по несчастью. Вместе с тем с ростом их количества местные власти и горожане неминуемо начинали испытывать неудобства разного рода: от возложенных на них обязанностей по охране пленных до физического отсутствия подходящих свободных помещений.

Первыми с этой проблемой столкнулись власти шведской столицы. После того как в августе—сентябре 1704 года из Выборга привезли большую группу (210 человек) русских пленных, бургомистр обратился в Королевский совет с заявлением, что у города нет возможности их разместить и обеспечить охрану. Было принято решение о высылке 198 посадских и служивых людей в другие города. Это событие стало началом последующей регулярной практики высылки русских пленных в провинцию.

Москва довольно долгое время справлялась с потоком пленным, но к концу 1709 года в город и ближайшие села для участия в триумфе Петра I привели около 18 тысяч каролинов, и это значительно усложнило ситуацию. Потребовалось принять несколько указов и несколько месяцев, чтобы «освободить» Москву от шведов. Особенно быстро «пристроили» рядовых солдат, которых отправили претворять в жизнь великие замыслы царя-преобразователя.

И все же важнейшим фактором, определившим географию мест содержания пленных, была безопасная удаленность от границ. Именно этим было продиктовано крупнейшее перемещение пленных в истории Северной войны — высылка каролинов в Сибирь в 1710–1711 годах. Безусловно, и до этого времени шведов отправляли за Урал, но эти случаи были единичными и имели адресный характер. Например, в холодную и страшную Сибирь ссылали тех, кто, по мнению властей, совершил действия, заслуживавшие особенно сурового наказания. Подполковника Арвида Кульбаша сразу после Полтавы отправили в Сибирь за его тесные отношения с клятвопреступником гетманом Иваном Мазепой. Та же участь постигла драгунского капитана, итальянца по происхождению Адалберта де Сакса, сбежавшего ранее с русской на шведскую службу. И до 1710 года небольшие группы шведских пленных работали на сибирских заводах — Верхотуринском и Алапаевском. Но массовой сибирская ссылка стала только весной 1711 года, когда из разных мест Центральной и Юго-Восточной России двинулись за Урал колонны шведских пленных. В чем же причина столь серьезного изменения, а в действительности ухудшения положения каролинов?

Долгое время причиной высылки каролинов в Сибирь считался раскрытый заговор о побеге в Казани и Свияжске в феврале 1711 года. Обстоятельства его возникновения таковы. К концу осени 1709 года в Казани и в крепости, расположенной на противоположном берегу Волги, — Свияжске были размещены солдаты и офицеры трех немецких драгунских полков, которые после Переволочны перешли на царскую службу. Кроме них там находились и другие пленные.

Часть наиболее активных офицеров составила план, предусматривающий побег либо через Украину в Польшу в лагерь шведской армии, либо в Крым, где можно было найти помощь у турок, на территории которых находился Карл XII. В заговор было посвящено около 150 человек. Но в результате предательства некоего адъютанта по фамилии Бринк планы были раскрыты, и власти жестоко наказали организаторов. Безусловно, эти события могли привести к началу высылки каролинов в Сибирь, если бы не одно обстоятельство. Приказ о срочной отправке шведских военнопленных из юго-восточных районов страны был отдан Петром I раньше; губернатор Апраксин получил его 30 декабря 1710 года. Следовательно, были какие-то другие причины.

Скорее всего, главную причину надо искать в сложившейся политической ситуации, в которой оказалась Россия после того, как 20 ноября 1710 года Турция, не без активного вмешательства Карла XII, объявила ей войну. Положение русских даже после столь поразительных побед над шведами было весьма непрочным. Государство было истощено, и по большому счету противопоставить мощнейшей турецкой армии было нечего. Начавшиеся военные действия развернулись в опасной близости от мест, куда ранее по царским указам было направлено много шведских военнопленных, в частности, в районах Азова и Воронежа. Только в Воронеже, как известно, к марту 1710 года было около 7000 каролинов. Да и в Азове пленных военных и гражданских было немало, так как туда их отправляли с начала войны. Для того чтобы не усложнять и без того непростую ситуацию в южных приграничных областях присутствием потенциальной «пятой колонны», нужны были решительные и быстрые действия. И вот тут-то последовали царские указы казанскому и воронежскому губернаторам о массовой высылке пленных в другие, более безопасные места, в первую очередь за Уральский хребет. Кстати, дальнейшие события показали, что меры предосторожности были приняты вовремя, так как, например, Азов вообще перешел в руки противника по условиям русско-турецкого мирного договора 12 июля 1711 года.

Таким образом, в конце 1710 — начале 1711 года география размещения шведских пленных стала стремительно расши-

ряться. До этого момента основная часть каролинов и депортированных жителей Прибалтики содержалась в следующих городах центральной и юго-восточной части русского государства: Москва, Санкт-Петербург, Азов, Арзамас, Архангельск, Астрахань, Владимир, Вологда, Воронеж, Дмитров, Зарайск, Казань, Касимов, Кашира, Козлов, Коломна, Козьмодемьянск, Кострома, Муром, Новгород Великий и Нижний Новгород, Переславль, Свияжск, Тула, Чебоксары и пр. В духе русской исторической традиции часть пленников, прежде всего высокопоставленная знать, была размещена в монастырях, так как их толстые стены давали властям надежду, что убежать оттуда они не смогут. Это были Троице-Сергиев монастырь, Борисоглебский монастырь в Дмитрове, Ипатьевский монастырь в Костроме, Ефимовский монастырь в Суздале, Воскресенский монастырь в Угличе, Саввино-Сторожевский монастырь около Звенигорода, Кирилло-Белозерский монастырь.

Сибирская география шведских пленных сложилась не сразу. Ограниченные возможности сибирских городов привели к тому, что количество мест ссылки значительно увеличилось по сравнению с первоначальными указаниями. Избыток пленных при ограниченном количестве свободных мест для их проживания нередко приводил к тому, что «лишних» стали отправлять в другие, как правило, более отдаленные местности. Подобная ситуация сложилась в 1712 году, когда в Сибирь попало наибольшее количество каролинов. В результате губернатор Гагарин получил указание от Петра, разрешающее ввиду «немалого количества пленных в ближних сибирских городах» отправлять их в «дальние».

В дневнике лейтенанта Андэша Пильстрема зафиксировано, как судьба разбрасывала пленных шведов по городам. Так, группа из Вятки, состоявшая из 101 офицера, пришла в Тобольск 26 августа 1711 года. Из них пятнадцать отправили в Томск, двоих — в Хлынов, одного — в Верхотурье, двоих вернули в Москву. Симбирская группа появилась в Тобольске 15 сентября 1711 года. Из 97 человек четыре погибло в дороге, трое отстали, одиннадцать отправили в Верхотурье, четверых — в Хлынов, четверых — в Томск, двоих — в Соликамск.

Наиболее полный список мест, где размещались пленные каролины, включает в себя практически все мало-мальски крупные населенные пункты Сибири того времени: Томск, Кузнецк, Енисейск, Туруханск, Красноярск, Иркутск, Нерчинск, Якутск, Селенгинск, Илимск, Киренск, Вятка, Соликамск, Чердынь, Кай-городок, Яренск, Тюмень, Туринск, Пелым, Верхотурье, Сургут, Нарым, Березов, Тара. Большое количество рядовых шведских военнопленных трудилось на металлургических заводах и шахтах Невьянска, Алапаевска, Верхотурья.

География плена русских невольников была не столь обширной, так как размеры обжитой части Шведского королевства были гораздо меньше, чем русского царства. После того как исчерпались возможности размещения пленников в Стокгольме, высылка в разные районы страны стала обычной практикой и со временем коснулась всех, даже генералов и резидента Хилкова. Русских размещали в городах вокруг столицы — в Упсале, Вестеросе, Нючёпинге, Норчёпинге, Линчёпинге; в центральной части государства — в Эребру, Арбуге, Йёнчёпинге, Карлстаде, Мариестаде, Муре, Фалуне; на юге — в Кальмаре, Карлскруне, Гётеборге; по побережью Ботнического залива — в Евле, Сундсвасле, Питео, Умео, Лулео и еще некоторых местах.

Примечательно, что со временем высылка русских — в первую очередь это относится к высшим офицерам и резиденту — проводилась исключительно по политическим мотивам. Шведские власти перестали ссылаться на исчерпанные возможности столицы, а стали использовать удаленную ссылку как средство давления или наказания, которое могло быть вызвано не только действиями самих пленных, например противозаконной перепиской с Москвой резидента, но и действиями русских властей по отношению к каролинам. Например, после того, как в 1705 году в Стокгольм пришли известия о высылке резидента Книперкроны с семьей и части офицеров из Москвы, князя Трубецкого отправили в Эребру, генерала Головина в Арбугу, генерала Бутурлина в Вестерос, генерала Вейде в Евле, царевича Имеретинского в Линчёпинг, а резидента князя Хилкова в Йёнчёпинг. В Стокгольме был оставлен генерал Долгорукый, так как он

получал и распределял денежные средства для пленных. Со временем и русские власти стали использовать эту практику давления на противника. Коменданту Москвы Ивану Измайлову в середине декабря 1714 года было поручено выслать из города пленных шведских генералов, так как «шведы наших пленных держат врозь и за караулом».

Уполномоченные представители России и Швеции пытались отслеживать, куда и в каком количестве перемещаются их соотечественники. Иногда им на помощь приходили сами пленники. В частности, некоторые каролины вели записи, в которых фиксировали данные о том, кого из их однополчан и куда отправили. Русский резидент Хилков не единожды жаловался шведским и русским властям на то, что он не имеет никаких сведений о местонахождении тех или иных пленных. В 1706 году он сообщил в Москву, что почти два года назад из Стокгольма были отправлены русские подданные на пяти «шкутах»³³, но у него имеются известия только о тех, кто был на двух из них. Что стало с остальными: «отправили далеко в Лапландию или в мире пропали», Хилков не знал, как не знал и того, как долго продлится и чем закончится его собственное пребывание в шведском плену.

Статус пленного

В начале XVIII века, как, впрочем, и в предшествующем XVII веке и большей части следующего, XIX, не существовало общеевропейского законодательства, регулирующего положение военнопленных. Статус пленного впервые был прописан только Гагскими конвенциями 1899 и 1907 годов. В предшествующие столетия каждая из стран в основном руководствовалась традициями, накопленными в ходе исторической практики ведения войн, и так называемым «правом войны». И Швеция, и Россия не были исключением из этого правила. Пленники и власти с обеих сторон постоянно ссылались на действующий «европейский» или «воинский» обычай.

Вместе с тем некоторые принципы содержания военнопленных были зафиксированы отдельными законодательными актами. В России, например, этим вопросам были посвящены несколько статей «Артикула воинского» (1715 год)³⁴.

Основу статуса пленного составляли ограничения всякого рода: в свободе передвижения, обмене корреспонденци-

ей, выборе занятий и пр. Все они были продиктованы задачами демонстрации силы перед поверженным противником, с одной стороны, и создания безопасной для своего населения обстановки — с другой. Нет никаких оснований говорить о том, что режимы содержания пленных в Швеции и России принципиально отличались друг от друга: обе стороны широко пользовались христианскими лозунгами всепрощения и добродетели, что, однако, не мешало им придерживаться политики «око за око». Пожалуй, именно этим стремлением дать идентичный ответ (даже если приходилось на время забыть о религии и морали) чаще всего определялось положение пленных.

Несмотря на то что каждая из стран имела достаточный опыт содержания военнопленных на своей территории, властям понадобилось некоторое время, чтобы приспособить его под конкретные условия Северной войны. В течение 1701 года принципы размещения, охраны, быта, материального содержания и переписки пленных в основном были утверждены, но их корректировка в соответствии с меняющимися обстоятельствами происходила все последующие годы.

Ограничение свободы передвижения было важной частью режима содержания военнопленных. Охрана была обязательным спутником не только проживания на местах, но и любых перемещений. При этом количество охранников и соответственно степень изолированности от окружающего мира различалась в зависимости от обстоятельств и конкретной ситуации. Например, удаленность Сибири от границ государства способствовала тому, что именно там русские власти стали практиковать отказ от обязательной охраны на местах. Она была заменена «порукой» или «паролем», которыми связывали пленников. Власти следили за тем, чтобы пленные возвращались на место к установленному сроку, а если этого не происходило, наказывали тех пленных, которые ручались за нарушителя. Вместе с тем охрана оставалась обязательным элементом при организованном перемещении из одного места ссылки в другое.

Состав охраны также менялся в зависимости от обстоятельств. С поля боя и при перемещении из одного населен-

ного пункта в другой группы пленных сопровождали отряды военных. На местах проживания охрана формировалась из других источников. Частью это были служащие в местных гарнизонах старые солдаты и инвалиды или городская стража, а частью — вооруженные горожане и крестьяне, выполнявшие таким образом обязательную повинность. Время от времени местное население, которое было обязано не только размещать, частично содержать, но и охранять военнопленных, выражало свое недовольство, иногда направляя его против самих несчастных пленных, как это было, например, в Тобольске в конце апреля 1712 года. Тогда жители города, измученные несколькими пожарами подряд и не имевшие физической возможности выполнять обязанности по охране пленных, обратили весь свой гнев против каролинов, обвинив их в поджогах.

Из дневника лейтенанта Кага: «29 апреля 1712 г. ночью в татарской части города произошел пожар. Денщик или слуга князя Гагарина по фамилии Черепцов стал звонить в большой колокол, и русские, поднятые по тревоге, принялись избивать шведов. В результате лейтенанты Линдберг, Круз, корнеты Дикман, Эмпорагиус, один капрал и слуга корнета Энгельгардта были убиты. Кроме того, пострадало 96 офицеров и рядовых».

В Шведском королевстве ситуация была во многом схожей. Обязанности контроля за пленными были возложены на городские магистраты, распределявшие нагрузку по охране между городской стражей и местными жителями, которые время от времени открыто показывали свое недовольство.

Стоит отметить, что происходившие время от времени столкновения пленных с местными жителями, как в России, так и в Швеции, во многом, были спровоцированы непониманием и неприятием «чужой» культуры. Не случайно такие случаи происходили, как правило, не в столицах, где было много «инородного элемента», а в провинциальных городах. Надо отметить, что власти обоих государств пытались отслеживать все случаи конфликтов и преступлений, тем или иным способом наказывая виновных.

Лейтенант Андэш Пильстрем в своих записках с удовлетворением отметил, что тобольские власти подвергли пор-

ке хулиганов, которые напали на него на городском рынке, а разбойники, ограбившие и убившие в 1720 году капитана Ульфсакса, были пойманы и казнены. Не менее показательны и «шведские» эпизоды. Например, 3 сентября 1716 года городской суд Йёнчёпинга вынес приговор по делу драгуна Фагерстрёма, который, столкнувшись однажды вечером на рынке с неким русским пленным, ранил его шпагой в корпус и руку. Суд приговорил его к оплате расходов русского на медикаменты. Но особо впечатляет решительность и строгость короля, который настоял на проведении суда над губернатором все того же Йёнчёпинга Паткулем в 1718 году после того, как всему миру стало известно о гибели по его вине на острове Висингсё сотен пленных.

Одним из важных ограничительных мер плена является контроль над перепиской военнопленных. Исторической практикой предусматривалась перлюстрация (просмотр) писем для того, чтобы предотвратить передачу сведений разведывательного характера и жалоб на тяжелое положение, так как это могло бы повлечь за собой карательные меры для их визави. Просмотром писем шведских пленных в России занимались служащие Посольского приказа, а затем Коллегии иностранных дел. В Швеции аналогичные функции выполняли служители Штатс-конторы и Почтового ведомства во главе с Ю. Шмедеманом.

Порядок проверки и отправки корреспонденции в обеих странах был примерно одинаков. Уполномоченные лица в установленные сроки (раз в неделю, раз в месяц) приходили к главам колоний³⁵ или старшим офицерам за письмами, которые отправлялись в соответствующую канцелярию. Там их переводили и составляли краткие экстракты, на основе которых более высокие чиновники принимали решение о лояльности содержания и перспективах отправки. В России функции перевода и оценки выполняли разные люди.

«Противного ничего не найдено» — так писали переводчики со шведского языка в русской канцелярии. После вынесения положительного или отрицательного резюме вышестоящие чиновники принимали решение об отправке почты по адресу.

В первые годы после начала войны этой работой занимался Петр Койет. Но в 1706 году в Москву пришло письмо Хилкова, в котором он недвусмысленно выразился, что этому человеку верить нельзя. «А в Койете мы сомневаемся», так как именно он «пропустил в Стокгольм грамотки книперовы», в которых было много жалоб. А это повлекло за собой многие репрессии для русских. Со временем работу по анализу писем возглавил Венедикт Шилинг.

«Венедикт Густавов сын Шилинг» был среди пяти «волонтеров и канцеляристов», которые приехали в Москву с посольством барона Ю. Бергенгельма. В ноябре 1699 года они пришли в Посольский приказ и заявили, что король велел им два года оставаться в России для изучения языка, не представляя, насколько долгими окажутся эти «два года». С началом военных действий он был интернирован, а через два года поступил на русскую службу в Посольский приказ.

В Швеции переводом, анализом и отправкой писем занимались одни и те же люди: Юхан Шмедеман и инспектор Русского двора Петер Линдман. Позднее к ним присоединился Энох Лильемарк.

Энох Лильемарк имел высокую квалификацию и перед войной служил переводчиком у губернатора Ингерманландии. В 1703 году в армии генерала Мейделя стал обер-аудитором, но вскоре его вернули в королевскую канцелярию, назначили секретарем и поручили заниматься переводом устных и письменных прошений русских пленных. Но этим он не ограничился и впоследствии стал главным специалистом по работе с тайнописью русских. Именно он пытался расшифровать шифр резидента Хилкова. Видимо, неслучайно он получил у русских прозвище «ишейки».

Процедура перлюстрации занимала довольно много времени. Учитывая условия военного времени, а в России еще и отсутствие регулярной почтовой службы вкуче с физической удаленностью некоторых мест ссылки пленных, не вызывает особого удивления тот факт, что письма как частные, так и официальные шли до адресатов несколько месяцев, в особо запущенных случаях — несколько лет. Русские и шведские уполномоченные представители регулярно писали жалобы на задержку писем, которую они считали пред-

намеренной. Одним из надежных способов ускорить прохождение почты была передача ее с нарочным, но этот способ был недоступен большинству пленников.

Основным содержанием писем были просьбы о присылке денег и векселей. При этом категорически запрещалось жаловаться на условия жизни в плену. Та корреспонденция, которая содержала подобные жалобы, задерживалась и навсегда оседала в недрах канцелярий. Так, резолюция «удержано» была поставлена русским секретарем на письме капитана Ионы Телберта (искаж. от Табберта), отправленного из Сибири в Стокгольм в 1714 году. Власти не могли допустить, чтобы информация о том, что «многие из нижних и высших офицеров принуждены у мужиков работать, также от нужды женились графы и бароны на старых финских бабах и их дочерях только для того, чтобы добыть себе хлеба», стала известна в Швеции, так как это усложнило бы и без того непростое положение русских пленных. Еще свежи были воспоминания о том, что произошло в конце 1711 года, когда в Швецию попало письмо графа Пипера, в котором сообщалось, что русские отправили в Сибирь подполковника Кульбаша и капитана Сакса. Ответной реакцией Королевского совета тогда стала высылка всех знатных русских пленных из Стокгольма. Кстати, узнав об этом, Петр пошел на аналогичные ответные меры, и в итоге все закончилось значительным ухудшением положения пленных с обеих сторон.

И все же пленники не оставляли попыток сообщить на родину о своих трудностях, справедливо полагая, что гласность может изменить ситуацию. Самой распространенной уловкой была отправка записок «под конвертом» писем нейтральных лиц. Особенно преуспели в этом каролины, активность которых привела к принятию специальных распоряжений русскими властями. В частности, 1 января 1716 года был опубликован царский указ «О запрете переписки жителей Эстляндии и Лифляндии и шведских пленных со Швецией», во втором пункте которого был специально оговорен запрет на помощь шведам. Ситуация для властей еще более усложнилась в 1714–1718 годах, после того как уроженцы прибалтийских провинций, ставшие в результате завоеваний из шведских русскими подданными, стали «выходить»

из плена и уезжать домой. Они довольно часто соглашались передать письма своих бывших товарищей. Стоит отметить, что такую услугу оказывали каролинам многие иностранцы, находившиеся в это время в России, в том числе дипломаты, что было зафиксировано Именным указом от 17 июня 1718 года, грозившим карательными мерами всем, кто тайно помогает шведам.

У русских пленных были свои «каналы». Первыми и, пожалуй, самыми активными передаточными инстанциями оказались армянские купцы. Со временем к ним присоединились иностранные торговцы и банкиры, а также дипломаты, в частности представители бранденбургского курфюрста³⁶. Но в целом у русских пленных было меньше возможностей для передачи корреспонденции, и поэтому они дорожили каждой из них, несмотря на несколько показательных разоблачений, устроенных шведскими властями. Так, попытка передать в январе 1703 года через майора Андрея Пиля письма генерала Автонома Головина закончилась тем, что самого майора на несколько месяцев посадили «под Ратушу под караул», а в дома Головина и Хилкова поставили дополнительный караул. Узнали об этом власти случайно и при весьма трагикомических обстоятельствах: письма просто забыли в одном из стокгольмских трактиров, а кабатчик передал их в полицию. Хилков особо отмечал мужество Пиля, который ни одним словом не обмолвился о тех, кто им помогал, понимая, что это станет для этих людей смертным приговором.

Материалы допросов русских по этому делу содержат весьма интересные сведения: в частности, генерал Я. Ф. Долгорукий сказал, что они обязаны выполнять поручения царя, в том числе вести тайную переписку, иначе им отрубят голову. Это долг всякого подданного.

Как следствие этого дела был опубликован специальный указ короля, в котором категорически запрещалось передавать письма русских пленных и обещана смертная казнь тем, кто его нарушит. Хилков в письме, поступившем в Москву через Копенгаген в конце 1703 года, жаловался, что «стекольнская почта пресеклась», так как из-за этого указа они потеряли своего корреспондента. Но прошло время, и русскому резиденту и генералам удалось восстановить старые

и найти новые каналы, так как от этого зависела жизнь и здоровье всех русских пленных. Иногда эти каналы были довольно предсказуемы. Например, в 1714 году Головин получил письма из Стокгольма от князя Трубецкого, которые он отправил с «казацким полковником» зашитыми в его сапоге.

Несмотря на преимущественно практический характер содержания писем, иногда в них встречается очень любопытная личная информация. Так, генерал Росс в письме от 19 сентября 1717 года из Казани поздравил сына со вступлением в брак. Фельдфебель Линдберг 17 декабря 1717 года из «Истийского»³⁷ железного завода сообщил брату в Стокгольм, что женился, и просил прислать китайского шелка, возможно, в подарок жене. Патрик Гриссбах из Казани призвал родных позаботиться «о его наследии после смерти матери». «Московский» пленник, королевский секретарь Й. Цедергельм, не только успевал следить за европейскими политическими событиями и решать хозяйственные вопросы, но и занимался заочным воспитанием сына. Наставлением сына был озабочен и генерал Автоном Головин, испытывающий, судя по всему, особую тоску по своим домашним и большую нежность к жене Василисе Григорьевне; он обращался к ней — «Подруга моя, Васенька»³⁸.

Время о времени у некоторых пленных появлялась возможность передать на родину подарки. Так, Яков Долгорукий в письме брату Луке от 15 ноября 1705 года написал, что отправил через Измайлова «дочери своей шкатулку костяную, оправленную серебром, да семь наволоков и простыней с кружевами». В другом письме он уточнил, что эту шкатулку получил у своего должника.

В условиях вынужденной изоляции и оторванности от дома огромную роль играло религиозное единение пленных, позволившее им сохранить культурную идентичность и психологическую устойчивость в условиях иноверческого окружения.

Одним из важных свидетельств, подтверждающих движение Европы к гуманизации положения военнопленных в период позднего Средневековья и раннего Нового времени, является соблюдение их права на свободу религиозных ве-

рований и ритуалов. Это право поддерживалось и странами-участниками Северной войны, но применительно к каждой из них можно обнаружить свои специфичные черты.

Религиозность (даже склонность к экзальтации и мистицизму) шведского короля оказала определяющее влияние на его воинов, которые считали Карла героем и гением. В походах и в плену, в снег и под палящим солнцем каролины аккуратно соблюдали все обряды и традиции. Многие из них писали впоследствии, что религиозная сплоченность помогла им не просто только выжить в православном окружении, но и активно приспособиться к новой действительности.

Вместе с тем очевидно, что этот защитный механизм мог и не сработать, если бы не религиозная толерантность Петра I, который неоднократно за годы своего правления законодательно подтверждал объявленную им в манифесте от 16 апреля 1702 года свободу вероисповедания иностранцев, которая в полной мере распространилась и на пленных каролинов. Столь явная толерантность вполне объяснима с точки зрения практицизма, который был присущ главному преобразователю России. Царь Петр на определенном этапе стал относиться к пленникам не как к воинам вражеского государства, а как к специалистам и просто грамотным людям, которые обладают более совершенными трудовыми навыками, чем его подданные. И в этих условиях объявленная им свобода вероисповедания становилась мощным козырем при приглашении каролинов на службу. Русским пленным в этом отношении повезло меньше: Карл XII, а вслед за ним центральные и местные власти на всех уровнях очень настойчиво относились к желанию перейти в лютеранство, считая это проявлением исконно русского коварства и стремления во что бы то ни стало вырваться на свободу. Вместе с тем каких-либо целенаправленных действий по ограничению права пленных на свободу вероисповедания шведские власти не предпринимали, и известно около двух десятков случаев принятия другой веры.

Затруднения с соблюдением декларируемой религиозной толерантности время от времени возникали и в России, и в Швеции под влиянием конкретных обстоятельств. Надо отметить, что в России, прежде всего в столице и порто-

вых городах, к началу XVIII века сложились довольно благоприятные условия для регулярного исполнения религиозных служб иноверцами. В частности, в Москве в Немецкой слободе уже было как минимум две кирхи и несколько пасторов. Небольшие приходы были и в других русских городах, в которых традиционно жили иностранцы, например в Новгороде и Пскове. Резидент Томас Книперкрона в письмах в Стокгольм никогда не жаловался на то, что каролинам негде исполнять службы, или на то, что нет священнослужителей. Можно было бы ожидать появление этих проблем после того, как пленных начали отправлять в Сибирь и на Урал в небольшие и совсем маленькие города, но этого не произошло. Во-первых, проблема кадров служителей была решена каролинами за счет собственных резервов, так как среди них было довольно много военных священников. Во-вторых, русские власти охотно откликались на просьбы пленных о присылке пасторов к их месту пребывания. Иногда они сами инициировали поиск, как это сделал комендант Москвы князь М. П. Гагарин в 1710 году, отправляя группу военнопленных в Соликамск. Правительствующий Сенат в 1717 году, отвечая на прошение финских пленных из Санкт-Петербурга, распорядился прислать из Чебоксар пастора Ягана Павиандера, знающего финский язык.

Знаковым событием в жизни каролинов в Сибири стало строительство кирхи в Тобольске, что было бы невозможно без согласия и поддержки властей. Она открыла свои двери в 1713 году, дважды горела, но отстраивалась заново и действовала до отъезда каролинов на родину после окончания войны. В новой столице империи Санкт-Петербурге шведские пленные в 1719 году также построили кирху.

То, что религиозные чувства каролинов нашли в России если не поддержку, то сдержанную терпимость, показывает содержание дневниковых записей батальонного священника Андэша Вестермана. Из них следует, что в колониях ссыльных шла активная религиозно-обрядовая жизнь, что, несомненно, было бы сопряжено с большими проблемами в случае активного противостояния местного населения.

Письма и прошения русских пленных из Швеции показывают, что они оказались в более затруднительном поло-

жении, чем их визави. В первую очередь это касалось, как писали шведы, «ортодоксальных русских», то есть православных. В течение всей войны они в большей или меньшей степени испытывали затруднения в исполнении религиозного долга.

В Стокгольме с начала XVII века при русском гостинном дворе существовала часовня для купцов и прочих православных людей, так же как в Ревеле и Нарве. Именно в ней, как изначально планировалось, должен был проводить регулярные службы священник Алексей Федоров, который ехал в свите русского резидента князя Хилкова в Стокгольм и вместе со всеми прочими оказался в плену. Жесткая позиция шведских властей, разделивших и изолировавших пленных друг от друга, привела к тому, что в первые годы плена лишь некоторые офицеры и резидент могли пользоваться его услугами. Особенно тяжело было в первые годы плена: к 1702 году Хилков и генералы неоднократно просили Королевский совет разрешить им проведение православных служб в доме Фалкенберга, где жили Долгорукий, Трубецкой, Головин и несколько их сослуживцев. Не выдержав напора, советники все-таки обратились за официальным разрешением к королю, сообщив ему, что Книперкроне в Москве разрешено посещать церковные службы в Немецкой слободе. Карл не торопился с ответом и члены Совета самостоятельным решением позволили священнику А. Федорову посещать пленников. При активной поддержке церемониймейстера Спарвенфельда в одной из комнат в доме генералов была оборудована домовая церковь Покрова Богородицы, которую освятили в день Петра и Павла 10 июля 1702 года.

Но даже эта небольшая победа не решала проблему для большинства русских пленных, которые по-прежнему не имели возможности участвовать в церковных службах. И Долгорукий, и Хилков регулярно писали властям на всех уровнях, настаивая на том, чтобы к рядовым и гражданским «допустили» священника, а то «многие без покаяния умереть могут». Писали они и в Москву с просьбой прислать священнослужителей. Проблема была настолько острой, что в конце мая 1705 года Хилков попросил шведские власти не освобождать из плена иеромонаха Симона и дьякона Арсения, а от-

править их в Стокгольм, где они могли бы окормлять свою паству.

К 1706 году ситуация несколько стабилизировалась. Во-первых, царевичу Александру Имеретинскому удалось добиться разрешения на приезд в Швецию своего домашнего священника отца Панкратия, который, как писали в документах, «прибыл с Руси своей волею». Он сразу же стал активно проводить службы для остальных генералов и офицеров. Во-вторых, в русской колонии появилось еще несколько церковнослужителей, которые оказались в плену в результате боевых действий на приграничных прибалтийских территориях. Скорее всего, решение шведских властей привезти их в Стокгольм было продиктовано стремлением снять напряжение и избавиться от недовольства «московитских» пленников.

Участь церковнослужителей, оказавшихся в плену, была столь же тяжела, как и всех остальных пленных: они испытывали голод, холод и унижения. Вернувшиеся из шведского плена в 1710 году офицеры Зиновьев, Водорацкий и Лихачев рассказывали, что вместе с ними в Евле находился священник, которого, как и всех прочих, на протяжении девяти месяцев никуда не выпускали из деревянной избы, на окнах которой были железные решетки. Судя по всему, речь шла о Василии Прокофьеве, которого спустя некоторое время обменяли на шведского коллегу. Уже упомянутый А. Вестерман, преодолевая с соотечественниками все тяготы и перипетии плена, находил время для того, чтобы фиксировать все события в жизни шведской колонии в Соликамске, в частности, он писал о церковных службах по поводу помолвок, свадеб, рождений и смертей. Воодушевлять и поддерживать одних, хоронить других — вот задачи, которые решали священнослужители, находившиеся в плену.

Но иногда они выполняли особые, не свойственные священникам в обычной жизни, функции. И это грозило им смертельной опасностью. Со временем и русские, и шведские власти обнаружили, что именно священнослужители — та тонкая ниточка, которая связывает пленных между собой, а всех их с внешним миром. Это стало для них очень неприятным открытием, так как приводило к утечке недозволенной,

а то и секретной информации. Шведские власти, пытаясь бороться с этим, стали обыскивать православных служителей до и после религиозных служб или посещения больных. А резидент Хилков в своих письмах в Россию особо предупреждал Головина, что необходимо приставить к каролинам специального человека, знающего язык, чтобы он присутствовал на службах в кирхах, так как «они там обычно обсуждают противные дела». Безусловно, что и русские пленники пользовались точно такой же практикой; уже в 1704 году к ним прикрепили «переметнувшегося толмача» Полукарпа Герасимова, которому было поручено следить, чтобы «про шведов ничего не говорили». Впрочем, судя по записям шведских властей, через некоторое время Герасимов попал под влияние русских (в частности, любил играть с ними в карты) и стал выполнять их просьбы, например помогать с передачей писем. Судя по всему, ему доверял и генерал Трубецкой, так как при отъезде у него оставил часть своих вещей.

Безусловно, ситуация с соблюдением права пленных на свободу вероисповедания и в России, и в Швеции не была идеальной. Кроме объективных причин, затрудняющих выполнение объявленной свободы вероисповедания, большую роль играли субъективные факторы. Например, посещение церковных служб рассматривалось властями, как в России, так и в Швеции, как привилегия, которую при необходимости можно использовать для шантажа и наказания пленных. Особенно часто этим инструментом пользовались шведские власти, при всякой возможности ограничивая религиозные права противника, как православного, так и других вероисповеданий. А поводы могли быть самыми разнообразными. Так, после побега однофамильцев полковника и майора Гордонов в конце мая 1702 года русским пленным было запрещено ходить «до церкви» девять дней. В условиях информационной изоляции пленники довольно часто даже не представляли причины наказания. Лютеранин генерал Вейде не сталкивался с трудностями православных пленных, но и он в 1703 году пожаловался в Королевский совет, что «без всякой причины и душевности» ему и его товарищам запретили посещать кирху и они уже «по полугоду дом Божий не посещали».

Пожалуй, самыми резонансными и массовыми случаями нарушения религиозной свободы были насильственные действия царских подданных по перемене вероисповедания рядовым пленным и депортированным. В Швеции хорошо знали о подобных эксцессах, а полномочные представители шведских пленных в России регулярно писали во все властные инстанции и самому царю с просьбой прекратить подобное «варварство». Иногда казалось, что их активность может дать реальные результаты. Например, довольно сильное впечатление на русские власти произвело прошение генерала Адама Левенгаупта от 30 октября 1717 года, в котором он жаловался, что с пленными обращаются, «словно это бессловесные твари и неодушевленные вещи», и что ни в одной христианской стране недопустимо такое поведение по отношению к военнопленным. Ответом стал сенатский указ, запрещающий среди прочего насильственное крещение. Но не прошло и нескольких месяцев, как выяснилось, что действенной силы запрет не имел, так как массовые нарушения свободы вероисповедания по-прежнему активно происходили на частном уровне.

Субъектами таких действий в первую очередь становились депортированные жители прибалтийских провинций, которые с негласного согласия властей рассматривались в качестве законной «добычи войны». Их положение было по-настоящему бесправным.

В Москве и Новгороде на некоторых рынках существовали специальные места, где торговали пленными «свейской» или «чухонской породы». В Москве этот торг шел на Ивановской площади. Резидент Книперкрона часто сообщал царю и московским властям конкретные случаи, как, например, в 1703 году, что некий «грек по имени Заб... купил 2 женщин, Марью и Варвару, и 3 девок, Елену, Анну и Софью, и намерен в турецкую землю и вечное порабощение провести». Он же в 1707 году сообщил, что, несмотря на запреты, «персидский купец уже 20 шведских пленников держит на своей службе и хочет увезти с собой».

Факт насильственного крещения стал особенно заметен после подписания мирных кондиций в Ништадте и начала возвращения пленных на родину. Тогда, по требованию

шведской стороны, Сенат распорядился предоставить подробные росписи депортированных и военнопленных, находящихся в частном владении. Оказалось, что большая их часть уже стала православными и за истечением лет доказать насильственность перевода их в православную веру практически невозможно: многие были вывезены в малолетнем возрасте и ничего другого уже и не помнили, их дарили, продавали, передавали по наследству. В конечном итоге получив при крещении русские фамилии, они быстро и бесследно растворились в море Ивановых, Петровых или в лучшем случае Шведовых.

Не вызывает особого удивления то, что часть иностранцев обеих армий, оказавшись в плену, не только принимали новую службу, но и меняли религию. Так поступили в начале войны несколько человек из свиты главнокомандующего русскими войсками при Нарве герцога де Круа. Уже в 1704 году они перешли в лютеранство и, по словам Хилкова, «уволены из аресту и службу ищут». Довольно много прибалтийских дворян после того, как Петр взял Прибалтику, поступили на русскую службу, а некоторые даже сменили вероисповедание³⁹. Следует отметить, что власти обеих стран очень строго оценивали решение соотечественников о перемене веры. «Изменивший своему королю и отечеству» — так писал один из шведских мемуаристов. Примечательно, что царь Петр учел это и, приглашая каролинов на службу, не настаивал на обязательном переходе в православие.

Смена вероисповедания между тем была одним из немногих законных способов выйти из статуса военнопленного. В России дальнейшее положение таких пленных было более благополучным и перспективным, чем в Швеции. Доброволец, выразивший желание поступить на царскую службу, не только получал жалованье больше, чем у русских равночинцев, но и имел право выбора службы. Например, некий Эрик Друандер, который в 1717 году принял православие и женился на русской, первоначально был определен сборщиком дани, но в 1720 году он попросил перевести его на службу по военной части, что и было удовлетворено вышестоящими инстанциями.

Добровольно принимали решение о смене вероисповедания те пленные, которые пытались защититься от каких-ли-

бо неприятностей. Так поступил, опасаясь мести товарищей, адъютант Бринк, донесший русским властям о крупном заговоре в Казани, после чего многие из его однополчан провели несколько лет в тюрьме в кандалах, на хлебе и воде. «Плут и бездельник» крестьянин Филипп Никитин, причинивший, по словам Хилкова, немало бед русским купцам, также из страха перед разоблачением и наказанием сбежал на шведскую территорию, чтобы стать «за королем и перенять веру».

И еще один любопытный факт. Религиозная толерантность русских властей способствовала распространению среди пленных каролинов сравнительно нового течения — пиетизма. Последователями взглядов профессора Франка из немецкого города Галле были многие офицеры. Особо активную деятельность пиетисты развернули в Сибири. Капитаны Врех, Страленберг, Крейц, лейтенант Пальм вели регулярную переписку с Галле. Особую актуальность и популярность среди сибирских пленных получили идеи необходимости испытаний как средства приближения к Богу и обязательной практической деятельности. Эти постулаты создавали основу для поддержания духа, столь необходимого в тяжелейших условиях многолетнего плена. Не стоит забывать и о щедрой материальной помощи, которая приходила из Германии. На присланные 2 195 рублей 79 копеек в Тобольске были построены кирха, школа и больница, которые стали заметным явлением в жизни не только пленных, но и самих сибиряков.

С кафедры открывшейся в ноябре 1713 года в Тобольске кирхи проповедники призывали приспособливаться к условиям плена, активизировать все резервы для того, чтобы выдержать ниспосланное свыше испытание. И каролины искренне старались выполнить указания. Пытаясь войти с местными жителями в контакт, они не препятствовали тому, чтобы их дети играли с русскими детьми, учились вместе в новой школе. Многие военнопленные с благодарностью принимали помощь и охотно делились своими знаниями. За годы плена появилась не одна русско-шведская семья, родились дети. Вступили в брак с русскими женщинами секунд-лейтенант Гертель, капитан фон Хаакен, лейтенант фон Вит-

те и другие. Любопытно, что вступление в брак шведского пленного с русской подданной не влекло за собой обязанности по перемене им веры. Но выходявшая замуж русская женщина и дети, родившиеся в этом браке, считались православными. Данное положение было закреплено синодским указом от 23 июня 1721 года и специальным посланием Святейшего Синода к православным «О беспрепятственном их вступлении в брак с иностранцами». Законодательно оформленные ограничения привели к тому, что после заключения мира во многих смешанных семьях происходили трагедии, вызванные тем, что жены с детьми не могли уехать из России вместе со своими мужьями.

Фридрих Вильгельм Берхгольц в своих мемуарах описал историю молодого гвардейского прапорщика по фамилии Тернер, который во время плена женился на русской и у них родилась дочь. Он был очень опечален фактом того, что по царскому приказу его семья не могла с ним уехать в Швецию. Только многократные просьбы тайного советника Бассевича, обращенные к князю Меншикову, помогли тогда благополучно разрешить ситуацию. Но история Тернера была скорее исключением, так как большинство шведских мужей оставляли своих русских жен, уезжали на родину, где вскоре женились на соотечественницах.

Противоположной была ситуация в Швеции, где власти обязывали пленного менять вероисповедание при вступлении в брак. Кстати, с 1716 года для заключения такого брачного союза требовалось личное разрешение короля.

Материальное положение

Материальное положение пленных в России и Швеции в годы Северной войны было очень непростым, а временами совершенно непереносимым, так как часто приводило несчастных к болезням, а то и к смерти. Фундамент их материального положения составляли несколько правил, которые были традиционными для всех европейских войн, как

предшествующего Средневековья, так и текущего — Нового времени.

1. Офицеров и высших статс-служителей, находившихся при армии, должно содержать их собственное правительство путем перевода им жалованья (как правило, половины).

2. Рядовой и унтер-офицерский состав пленных находился на попечении «принимающего» государства путем выплаты им кормового содержания.

Безусловно, эти правила не были догмой; время и конкретные обстоятельства вносили свои коррективы. Это очень хорошо заметно на примере положения русских и шведских пленнх в годы Северной войны.

Правительствам России и Швеции понадобилось несколько месяцев после начала войны для того, чтобы активизировать историческую практику и регламентировать порядков материального содержания пленнх. Петр I сделал все чуть быстрее, а Королевский совет потратил несколько месяцев на согласование с Карлом XII. Одним из первых важных шагов по организации материального снабжения было назначение уполномоченных лиц из числа пленнх. С русской стороны обязанность получения и распределения денег последовательно выполняли резидент А. Я. Хилков, князь Я. Ф. Долгорукий, а после его бегства в 1711 году — князь И. Ю. Трубецкой, затем, после отъезда Трубецкого на родину в 1718 году, — майор Григорий Фустов.

Со шведской стороны решением материальных вопросов занимался резидент Книперкрона; после 1704 года к нему присоединился нарвский комендант генерал-майор Геннинг Рудольф Горн, а после Полтавы все перешло под контроль специально созданного по приказу короля органа, Фельдт-комиссариата, во главе которого были походный министр граф Карл Пипер и фельдмаршал граф Карл Густав Реншельд. Когда умер Пипер в 1716 году и был обменен Реншельд в 1718-м, Фельдт-комиссариат ненадолго возглавил генерал Адам Людвиг Левенгаупт, а после его смерти в Москве в 1719 году руководство перешло к генералу Карлу Густаву Крейцу. На местах пребывания крупных групп шведских пленнх этим вопросом занимались утвержденные королем

старейшины — ольдерманы. Такая четкая структура, по сути, была копией системы шведской армейской централизации и помогла многим шведам выжить в плену. В функции таких старейшин выходили сбор и передача писем каролинов, наблюдение за порядком жизни колоний и соблюдением прав пленных. Но главное — получение и распределение денежных средств. Со временем шведские уполномоченные получили разрешение приезжать в Москву для того, чтобы ускорить процесс получения пленниками денег. У русских пленных не было такой четкой структуры, но князь Долгорукий, а затем и Трубецкой использовали другую схему. Якову Федоровичу удалось создать целую сеть из своих доверенных лиц, которые по его доверенности получали деньги для пленных «москвитов».

Один из таких случаев был зафиксирован властями и стал предметом специального разбирательства. Князь Долгорукий, проезжая Евле в феврале 1711 года по дороге к русско-финской границе, куда его везли для запланированного обмена, дал местному пастору Шэферу денег с просьбой передать их русским пленным в Евле и Упсале. Власти беспокоились, что некоторые из таких помощников могли передавать какие-то запрещенные сведения.

На протяжении всей войны и российское, и шведское государства столкнулись с большими трудностями, выполняя обязательства по содержанию своих подданных — попавших в плен офицеров и статс-служителей. Их положение, как известно, напрямую зависело от того, насколько оперативно будут поступать деньги с родины. Какова была технология самого процесса поступления и распределения денег? Безусловно, никто не возил через границы коробки и чемоданы с деньгами. В Европе уже довольно давно существовали банки и торговые дома, а в России активно работали их представители. Именно купцы и банкиры прежде всего иностранного происхождения стали посредниками, через которых происходило движение денежных средств. Установить имена тех, кто участвовал в этом процессе, довольно просто, так как сохранилось большое количество выписанных векселей, кредитных договоров и отчетов.

В отчетах князя Долгорукого названы имена тех, кто участвовал в переводе денег по векселям для русских пленных; это, в частности, английский консул К. Гутвель, голландский банкир Д. Гутман, голландский купец Д. Артман, гамбургский банкир М. Поппе. Переводами для шведских пленных в России активно занимались шведский банкир Густав Харделоф, английский банкир в Стокгольме Роберт Кембел и его поверенные.

Большинство переводов проходили через Амстердам и Гамбург, банковские столицы тогдашней Европы, а основным инструментом таких финансовых операций были векселя. Конечно, кредиторы шли на определенный риск, но с лихвой компенсировали его, получая проценты по займу, да и стоимость самих векселей все время росла.

Стоит сразу отметить следующее: с начала войны до 1709—1710 годов (то есть до Полтавы) более сложным было материальное положение русских пленных, а затем, вплоть до 1721 года (Ништадтского мира), с большими трудностями столкнулись шведские пленные. И дело тут было не только в увеличившемся в десятки раз количестве пленных. Основным препятствием на пути своевременного и достаточного финансирования стало тяжелейшее состояние экономики Швеции. Затянувшаяся война бесконечно требовала новых людских и сырьевых ресурсов.

Кстати, об этом прекрасно знали в Москве, в частности, из сообщений Хилкова. Он уже в самом начале войны писал, что шведское «государство от податей разорилось» и у многих приходится брать деньги в долг. В частности, «у голландцев взяли в долг 200 000 рублей».

То, что в шведской казне катастрофически не хватает денег, скоро ощутили на себе пленные каролины, которые годами не получали денег с родины. Этот факт подтверждается не только их многочисленными письмами и прошениями, но и сделанными позднее подсчетами. Пленный секретарь Иоаким Дитмер, через которого проходили деньги в Сибирь, писал, что более или менее регулярно деньги из Швеции поступали только в 1712, 1714, 1715 годах. В 1716 и 1717 годах их вовсе не было.

Составленные по возвращении капралом Бруром Роламом отчеты в получении жалованья во время плена свидетельствуют, что в 1709, 1711, 1713, 1719 и 1722 годах он не получил ни одного эре, а полученные в остальные годы крохотные суммы могли обеспечить лишь убогое существование. Жалованье его за все годы плена должно было составить 960 далеров, а получил он чуть более 374. Подробный отчет, составленный лейтенантом Упландской кавалерии Олофом Хордом, позволяет выяснить, что общая сумма полученных им с 1708 по 1721 год денег от шведского правительства составила 15,01 процента от тех средств, которыми он располагал в эти годы. Капитан Карл Фридрих Толь, попавший в плен под Переволочной, подсчитал, что за проведенные им в плену годы он должен был получить не менее 1000 далеров, а получил всего 179 далеров 18 эре.

Ситуация с материальным положением русских пленных развивалась неоднозначно. С одной стороны, финансовые отчеты о переводимых суммах показывают постоянный их рост. По сохранившимся, хотя и не совсем полным, данным в 1704 году из России в Швецию переведено 11 853 ефимка, 28 белых⁴⁰. Далее идут более регулярные записи и, возможно, переводы: за 1707 год — 8300 рублей, за 1708 год — 9056 рублей 16 денег, за 1709 год — 9796 рублей 16 денег, за 1710 год — 11 317 рублей, 23 алтына 2 деньги, за 1711 год — 17 642 рубля, за 1713 год — 1253 человекам «в Свею» было переведено 13 338 рублей, за 1714 год — 1226 человекам — 13 625 рублей 15 алтын 2 деньги. В то же время прошения о материальной помощи, поступавшие в русские инстанции от бывших пленных, свидетельствуют о сложности положения тех, кто зависел только от жалованья с родины.

В челобитной одиннадцати русских пленных, освободившихся из шведского плена в 1720 году, сказано, что в 1714, 1715, 1717 и 1718 годах «жалование» им давали неполное или вообще его не было. Каптенармус Веригин не получал жалованье девять лет, а сержант Малышев, находившийся в плену с 1713 года, получил жалованье из Москвы только на полгода в 1713, 1716, 1719 годы.

Многократно увеличившиеся после Полтавы трудности в материальном снабжении своих соотечественников заста-

вили шведские власти вернуться к практике взаимозачетов. Взаимный зачет противниками выданных денежных средств пленным практиковался с самого начала войны. Доказательства этого встречаются начиная с 1701 года. Предполагалось, что этот способ должен был избавить несчастных пленных от многомесячного ожидания денег, а казну от переплаты процентов посредникам. Инициатива могла исходить как от властей, так и от самих пленных. Как правило, это были представители состоятельных и аристократических фамилий. Например, полковник Г. Эншельд и ротмистр Р. Ливен, попавшие в плен при Эрестфере в 1701 году, практически сразу обратились к шведским властям с просьбой о выдаче денег князю Долгорукому в Стокгольме, чтобы они смогли бы получить столько же в Москве для удовлетворения насущных нужд. При этом власти с обеих сторон строго следили за тем, чтобы деньги для визави выдавались вовремя и в том же количестве, иначе столь важная финансовая артерия могла прерваться. Князь Долгорукий, оповещая Москву в письме от 7 декабря 1704 года о том, что взял «королевских денег» 2460 ефимков, так как «многие пленные воду пьют, даже квасу купить не на что», настойчиво просил выдать такую же сумму резиденту Книперу, чтобы «слезы шведских невольников на него не пали».

И все же довольно скоро обнаружилось, что практика взаимозачета не дала ожидаемого ускорения в процессе выдачи денег: обе стороны регулярно жаловались на многомесячные задержки — и поэтому ею стали пользоваться все реже. Но после Полтавы Россия предприняла попытку к ней вернуться: 9 февраля 1710 года министры (сенаторы) Его Царского Величества направили через Пипера и Реншельда письмо королевским советникам, в котором выразили готовность выдавать деньги из царской казны в том количестве, которое потребуется пленным каролинам. Несмотря на очевидную привлекательность этого предложения, шведские власти отвергли его. Причиной этого стало основное условие сделки: русским пленным в Швеции надо было бы выдавать такую же сумму, что было неприемлемо, так как шведов в России к этому времени было в несколько раз больше, чем русских в Швеции, а это автоматически влекло за собой

неравенство в выдаче средств. Тогда же Петр, пытаясь заставить графа Пипера как главу Фельдт-комиссариата согласиться с предложением, на несколько месяцев запретил проводить любые финансовые операции со шведами, но это не дало желаемого результата. В конечном итоге каролины стали искать другие источники финансирования.

Обычный перевод денег как государством, так и частным лицом был довольно длительным и затратным делом. Наглядно это видно на таком примере. В 1717 году русские власти отправили через Амстердам вексель в Швецию на 7120 рублей. Но после того как был сделан перевод денег из одной валюты в другую, оплачен сам вексель (в документах «за вычетом Кембела»), 1125 пленным должны были выдать в качестве жалованья за 1716 год всего 6799 рублей 22 алтына 4 деньги. Но даже эту сумму, по сообщению Трубецкого, им выдали только в марте 1718 года.

Очень часто получение пленными денег зависело от субъективных факторов. Например, от добросовестности и лояльности чиновников разного уровня. Иногда проблемы удавалось решать на месте своими силами, как это сделали каролины в Соликамске в 1710 году, дав взятку «немецкими чулками» местному воеводе, который всячески затягивал выдачу денег. Но нередко приходилось обращаться за помощью в более высокие инстанции. Хилков в июле 1705 года написал специальный мемориал в Королевский совет с жалобой на полковника Гамильтона, который своим бездействием препятствовал получению денег. В 1705 году вексель Книперкроны на 2000 ефимков, который предъявил Долгорукий, шведские власти отказались оплатить, так как случайно или умышленно резидент не поставил на него личную печать. А в начале 1703 года русские генералы, получив письмо из России о переводе 10 000 рублей, несмотря на острую потребность в деньгах, задержали их раздачу и попросили прислать дополнительные указания, как распределить эту сумму.

Очевидно одно: деньги поступали весьма нерегулярно и их всегда не хватало для того, чтобы купить еду в достаточном количестве, необходимую одежду и платить за жилье.

С 1705 года шведские власти поставили русских офицеров в Стокгольме перед дилеммой: либо самим оплачивать

проживание, либо быть готовым к переселению в провинцию. Стоимость аренды была довольно большой. Русский канцлер Ф. А. Головин несколько раз порицал своего двоюродного брата генерала А. М. Головина, что тот снимает, как ему казалось, слишком дорогое жилье. Хилков в качестве ответной меры просил русские власти ввести оплату жилья для шведских офицеров, что, кстати, не было сделано.

Не стоит забывать и о том, что поступающие с родины средства распределялись неравномерно. Например, в поступившем в 1712 году в Сибирский приказ вместе с денежным переводом предписании от Фельдт-комиссариата было велено выдать «подполковникам и майорам по 3-месячному содержанию, остальным за 2 месяца». Да и русские генералы в Швеции получали переводы более регулярно, чем их товарищи ниже рангом. Во многом это было оправданно, так как они оплачивали аренду жилья, в котором вместе с ними проживали их однополчане.

Определенные материальные проблемы, особенно в первые годы плена, испытали иностранцы, заключившие контракт на военную службу в русской армии и не имевшие собственности, а часто и родственников в России. Их жизнь и жизнь их семей зависели только от жалованья, которое они получали. Некоторые не выдерживали тяготей плена и вновь меняли место службы. Остальные же надеялись на помощь. Русским уполномоченным приходилось неоднократно брать деньги в долг для оказания помощи именно этой категории пленных. Несколько раз небольшие суммы выдавали соотечественникам английский и голландский резиденты в Швеции, но денег все равно не хватало.

«Окажи милость, призри жену и детей... живучи на бархатовом дворе⁴¹ от незнаемых разбойников все свое имение потеряли» — такими словами описал Петру I положение своих родных в Москве Леонард фон дер Стам⁴². Иногда, для придания прошениям большей действенности, пленники обращались за поддержкой к дипломатическим представителям своих стран в Москве. Так, в апреле 1702 года прусский резидент Г. И. фон Кейзерлинг ходатайствовал перед Ф. А. Головиным о том, чтобы власти ускорили перевод денег для плененного под Нарвой артиллеристского капитана

Альбрехта де Кордеса и его подчиненных. Это возымело действие, и спустя несколько дней по распоряжению царя Кейзерлингу было выдано из Новгородского приказа 300 рублей для перевода в Швецию.

С 1703 года русские власти стали выдавать иноземцам «полное» жалование, часть которого оставляли в России для их семей, которые не меньше своих кормильцев нуждались в деньгах. Любой сбой в этой практике грозил обернуться для них большими проблемами, как это случилось, например, в 1706 году. Тогда в Посольский и Челобитный приказы поступило несколько прошений от родственников пленных, которые жаловались на то, что жалование за предшествующий год полностью ушло в Швецию, а они ничего не получили и им пришлось закладывать «дворы и животы».

В результате в следующем 1706 году по приказу Головина не выплаченные ранее деньги получили родственники иноземцев: «за полковника Иваницкого — жена Варвара, Петра Лефорта — тетка, жена генерал-майора Франца Лефорта Алена, дочери полковника Фон Делдина — Катерина, Марья и Александра, жена Вестова — Алена, жена Александра Гордона — Катерина, жена Гулица — Анна, жена Фандервиуса — Александра, жена Гордона — Акулина, жена Балсыря — Варвара, за Менезиуса — мать, вдова Марья, за Якова Гордона взяла тетка, жена полковника Гордона Катерина, за Эленгузена — дядя золотарь Яган Коллер, за Базиря — жена Алена, за Гомона — мать вдова Анна, за Петра и Матвея Абрамовых — отец».

Опасаясь неприятного резонанса от невыплат денег для «иноземцев», русские власти стали особо внимательно относиться к их переводу, иногда даже ущемляя интересы русских пленных. Например, в соответствии с отчетом Военной канцелярии за 1712 год, жалование было выдано только офицерам-иностранцам, а русские его не получили совсем.

Еще одна категория оказавшихся в плену требовала особого внимания властей — прежде всего шведских. Речь идет о вдовах, которые даже после гибели их мужей, офицеров и рядовых, продолжали оставаться в военных обозах. Особенно много их оказалось в плену после Полтавы. Именно о них беспокоился граф Пипер, направляя в совет и само-

му королю просьбы об оказании им государственной поддержки. В результате вдовы стали получать небольшие суммы вплоть до того момента, пока в Фельдт-комиссариат не приходили известия об их новом замужестве. В этом случае поддержка немедленно прекращалась.

В соответствии с практикой войн того времени расходы по содержанию большей части унтер-офицерского и рядового состава пленных ложились на государство, которое держало их в плену. В Швеции и России пособие, выдаваемое им, называлось по-разному: «кормовое содержание», «корм», «кормовые деньги», «королевское» или «царское» жалованье и т. д. В зависимости от конкретных обстоятельств, как объективного, так и субъективного свойства, размер пособия менялся. Так, если каролины в России до 1709 года получали от 4 до 3 денег на день, то после Полтавы, когда их количество выросло в десятки раз, кормовое содержание сократилось до 2 денег на день. Русские пленные, напротив, сначала получали от 3 до 4 копеек, а после — от 5 до 8 копеек в день. Тем не менее это вовсе не означало, что материальное положение русских пленных было лучшим; постоянная нужда была вызвана, например, более высокой стоимостью продуктов питания в Швеции, чем в России, а тем более в Сибири.

Регулярное поступление кормового содержания для рядовых пленных было предметом постоянного внимания со стороны уполномоченных. На протяжении всей войны и русские и шведы обвиняли своих оппонентов, что выплаты для их соотечественников поступают нерегулярно или не поступают вовсе, а размер их не соответствует принципу взаимности. Их озабоченность вполне понятна, так как для пленных, которые в большинстве своем не получали переводов из дома и не могли брать деньги в долг, пособие было жизненно необходимым.

Примечательно, что в первые годы войны в России и в Швеции такое государственное пособие получали не только рядовые, но и часть офицеров. В условиях, когда жалованье с родины поступало крайне нерегулярно, это давало дополнительный, пусть небольшой, но реальный шанс выжить. В 1702 году, по записям русского резидента, шведские власти стали давать кормовое содержание тем офицерам, ко-

торые не получали помощи из дома. Речь идет, судя по всему, об иностранцах на русской службе. После Полтавы состав тех, кто получал содержание из шведской казны, вновь расширился: в него вошли некоторые русские капитаны, поручики и адъютанты. Такое послабление было попыткой помочь своим соотечественникам в России. Увеличился и размер содержания для русских пленных, достигнув пяти, а для некоторых шести денег на день. При этом у рядовых размер королевского пособия был больше, чем у офицеров.

Любопытно, что после Полтавы русские власти стали присылать деньги и для рядовых пленных, хотя и не в тех же объемах, как для офицеров. В частности, в предписании, отправленном князю Долгорукому в 1711 году вместе с переводом 6898 рублей 16 алтын, было указано раздать «офицерам за полный год, а унтер-офицерам и рядовым за полгода».

Третьей группой лиц, оказавшихся в плену, были гражданские лица, большинство из которых случайно оказались втянутыми в эту страшную историю: купцы, студенты, работные люди, крестьяне и матросы. Именно их положение было наиболее уязвимым и требовало принятия специальных решений властями России и Швеции. Решение шведского короля было более категоричным: в начале 1701 года Карл прислал в Стокгольм четкие указания, что русские подданные могут рассчитывать на деньги от шведских властей только в качестве платы за определенный труд. Русский царь был не так строг: всех шведских подданных переписали, поставили на учет и разрешили жить под поручительство известных лиц в своих или съемных дворах. Со временем они смогли довольно свободно заниматься своими делами и перемещаться в рамках определенного населенного пункта. Многие из них обосновались в Немецкой слободе в Москве и активно помогали соотечественникам-военнопленным.

Несравненно более тяжелым оказалось положение русских купцов и работных людей, которым пришлось тяжело трудиться, чтобы получать содержание от шведского правительства. Работы, на которых были заняты пленные, были самые неквалифицированные: разгрузка и погрузка в порту, строительство крепостных стен и разработка каменоломен. Хилков неоднократно сообщал в Москву, что они «каждый

день работают и зело много мрут»⁴³. Те из них, кто грузил шведские корабли зимой 1700—1701 годов, работали «в одних рубахах, а морозы великие». В конце декабря 1701 года Хилков написал, что из 70 гражданских пленных, находящихся в Выборге, 40 умерло от голода, потому что в сутки им дают «полфунта сухарей и воду».

Необходимость тяжело трудиться особенно угнетала тех, чье имущественное положение до войны было более чем благополучным. Речь идет о состоятельных купцах, которых новость о начале войны застала в Швеции или в Балтийском море по пути домой. По указу короля их товары и все имущество, включая иконы и одежду, было конфисковано. В результате положение «купецких людей» быстро стало критическим, несмотря на помощь Хилкова, который время от времени передавал им небольшие суммы и одежды из собственного гардероба. Ситуация стала меняться к лучшему только с 1703 года. К этому времени сами купцы, воспользовавшись своими связями в торговом и банковском мире, не только поправили свое материальное положение, но и стали помогать русскому резиденту и генералам в переводе денег. Скоро финансовое состояние некоторых из них улучшилось настолько, что они решили отказаться от королевских денег, то есть от физической работы. В 1703 году 46 наиболее авторитетных купцов подписали соответствующее прошение на имя короля, которое, к слову сказать, было удовлетворено.

В переписке знатных русских пленных особенно часто фигурирует купец Анисим Исаков. Судя по всему, он был особенно близок к Хилкову и даже занимал для него деньги у шведов. Кроме того, шведские власти считали его причастным к планируемому, но так и не состоявшемуся бегству царевича Александра Имеретинского в 1707 году.

Большая часть рядовых русских пленных, конечно же, не могла себе позволить отказаться от единственного источника существования — платы за труд, который временами был очень тяжелым. Начиная с 1703 года русские подданные были заняты на строительстве нового королевского дворца (взамен сгоревшего в 1697 году) под руководством известного архитектора Никодемиуса Тессина-младшего. А он, как неоднократно жаловался Хилков, был «зело жесток чело-

век к русскому народу» и равнодушно относился к тому, что «невольники» работают в лохмотьях и в преддверии зимнего времени не имеют никакой теплой одежды. Ситуация была настолько одиозной, что королевский церемониймейстер Спарвенфельд обратился к королевским советникам со специальным посланием, в котором обвинил Тессина в отсутствии человеколюбия. Кстати, именно ему в 1724 году Петр I заказал проект Андреевской церкви в Санкт-Петербурге. Через год проект был сделан, но так и не был воплощен в жизнь из-за смерти русского императора.

То, что именно рядовые и гражданские пленные находились в самом тяжелом положении, подтверждается статистической болезнью и смертей среди них. По сообщению Хилкова, только к 1703 году от безденежья и непосильной работы умерли 30 человек из гражданских пленных, а 80 тяжело болели. Что касается пленных каролинов, то наибольший процент смертности был среди рядовых воинов, которых в массовом количестве русские власти отправляли на большие стройки, рудники, верфи и т. д. Тяжелый труд, плохие условия жизни, эпидемии стали причиной гибели нескольких тысяч пленных, в частности, при строительстве верфи в крепости Серда около Воронежа.

Все вышеуказанное однозначно свидетельствует, что пленные обоих государств испытывали большие затруднения при получении государственных средств, будь то жалованье с родины или кормовое содержание от противника. Основная проблема заключалась в отсутствии регулярности, а это, в свою очередь, грозило самыми серьезными проблемами, влекло за собой голод, страдания и даже смерть. В этих условиях приходилось надеяться на помощь родных и, что еще более вероятно, на частные займы.

Брать деньги в долг пленные начинали практически сразу после пленения. Например, русские генералы, оставшиеся после Нарвы без имущества и денег, неоднократно обращались за помощью к состоятельным жителям Нарвы, в частности к уже упоминавшемуся Ефиму Костфельту, а оказавшись позже в Ревеле, к Ягану Лантингу⁴⁴. Граф Пипер после Полтавы занимал деньги для своих соотечественников, ока-

завшихся в такой же ситуации, у киевского губернатора князя Василия Голицына.

Кто становился кредитором пленных? К услугам каролинов были практически все иностранцы русского государства, прежде всего жители Немецкой слободы. Среди них были не только представители торговых и банковских фирм, но и обычные ремесленники и служители. Список кредиторов полковника А. Бойе дает наглядное представление о том, кто принимал участие в судьбе пленных. В нем упомянуты купцы Киссель, Миллер, Моросин, Валберг, лекарь Фихт, кузнец Стратор, повар Раулт и даже дворецкий генерала Бутурлина. Помощь как возмездная, так и безвозмездная приходила со стороны иностранных послов: известно о материальной помощи английского посла Чарлза Уитворта.

Русские пленные в Швеции были не столь благополучны, хотя аристократия и высокопоставленные военные без труда находили желающих одолжить им деньги. Чаше всего это были те же самые банкиры и купцы, которые помогали шведам. Их заинтересованность можно объяснить не только прямой материальной выгодой, но и возможностью установления или укрепления связей с Россией. Списки кредиторов русских пленных, в первую очередь генералов, также были довольно длинными — как, например, у князя Трубецкого, который к 1710 году задолжал несколько тысяч рублей более чем тридцати человекам.

Понятно, что кредитоспособными в первую очередь были представители офицерской и чиновничьей аристократии. Большой удачей также было, если пленник или его родственники имели связи в банковском и торговом мире. Неслучайно именно русские купцы со временем, восстановив свои связи, смогли оказать помощь русским генералам в переводе денег и передаче писем. То, что отец попавшего в русский плен королевского драбанта Карла фон Роланда был преуспевающим купцом, позволило ему достаточно регулярно получать денежные переводы. Так же повезло Иоакиму Дитмеру, отец которого был уважаемым человеком в Нарве. Еще более известным, и что важно — в Москве, был его дядя — ювелир и купец Александр Клерк. Эти обстоятельства и соб-

ственные личные качества позволили Дитмеру стать весьма успешным и состоятельным человеком в плену. Во время пребывания в Сибири у него занимали деньги соотечественники и местные жители, и он был одним из немногих, кто имел свой собственный дом.

Со временем система займа денег была хорошо отработана и реализовывалась в двух основных видах. Нуждающийся в средствах пленник выписывал вексель на определенную сумму и отправлял через купца или банкира родным или знакомым, которые оплачивали его. После этого он получал деньги от кредитора. Второй способ был более быстрым: в ряде случаев можно было получить деньги сразу после составления векселя. Подобная практика была доступна знатным и состоятельным пленникам.

Также для получения кредита необходимо было заручиться гарантиями авторитетных для кредиторов лиц: как правило, это были все те же высокопоставленные и знатные пленные. Но и этот фактор не гарантировал им быстрого получения своих денег и прибыли обратно. Этот риск с лихвой окупался процентами с долга, которые все время росли, в отдельных случаях достигая десяти в месяц. Да и сам вексель также имел определенную стоимость. Все это затрудняло заемные операции, а для большинства пленных делало и вовсе не доступными.

С большой надеждой пленники ждали писем с родины, в которых среди прочего сообщалось, когда, сколько и через кого были отправлены деньги и векселя. Но не всех пленных радовало их содержание. Напрасными были надежды полковника Бова, которому жена написала в 1718 году, что не может оплатить его вексель «по скудости своей». Генерал Росс получил известие от жены, что в связи со свадьбой их дочери она затрудняется с переводом векселя и т. д. Вместе с тем даже те, кому писали о переводе денег на вексель, вынуждены были запастись терпением.

Для того чтобы ускорить получение денег, состоятельные пленники стали использовать практику взаимозачета на частном уровне. Так, королевский ассессор Самуэль Йоте 6 декабря 1703 года написал Книперкроне в Москву, что он выдал его жалованье Долгорукому и Хилкову и «они обеща-

ли, что эти деньги тебе отдадут». Годом ранее Йоте выдал жалованье ротмистра Врангеля генералу Вейде, а ротмистр получил такую же сумму в Москве. В 1718 году племянник полковника А. Юленкрука написал ему из Стокгольма, что он может получить деньги по векселю в домах Трубецкого и Головина. Это означало, что родные полковники уже выдали такую же сумму в Швеции упомянутым русским генералам. Но и эта практика не была беспроблемной. Так, мать шведского пленного ротмистра Кнута Курка выдала 9 рублей 20 алтын русскому ротмистру Олимпию Толбузину, отпущенному в 1710 году на размен 48 каролинов, с тем чтобы такую же сумму получил ее сын в России. Но, как выяснилось в 1722 году, русский ротмистр не выполнил свое обещание.

В ожидании финансовой помощи с родины уполномоченным лицам и высрочно поставленным пленникам не раз приходилось занимать крупные суммы денег для того, чтобы хоть как-то поддержать своих товарищей. Так, граф Пипер, помогая своим соотечественникам, которые потеряли после Полтавы и Переволочны все свое имущество и остались в одних рубашках, взял в долг под гарантии шведского правительства 30 000 рублей и раздал их. При этом он столкнулся с отказом банкиров и купцов оплачивать векселя, выписанные им на шведскую казну. Представители банковских фирм и прочие иностранцы не хотели иметь дело со Штатс-конторой, но охотно давали деньги под залог средств самого графа⁴⁵. Конечно, предполагалось, что со временем стокгольмские власти вернут долг жене графа. Но содержание писем Кристины Пипер к мужу свидетельствует, что Штатс-контора не торопилась выполнять свои обязательства. В частности, в письме, полученном графом 20 ноября 1712 года, она сообщила, что «вынуждена была продать медали и золотые вещи, в свое время подаренные министру королем», для того чтобы оплатить очередной вексель, и при этом решила уехать в поместье, так как жить в Стокгольме не может «из-за нужды».

Кстати, эта история имела свое продолжение. В начале августа 1715 года шведские власти арестовали князя И. Ю. Трубецкого, требуя с него подписать вексель на эти 30 000. Его поместили в страшную тюрьму, где ранее находился извест-

ный весельчак майор Пиль, который, по словам княгини Трубецкой, «сшел с ума», так как там все завалено человеческими костями и испражнениями. Ирина (Арина) Григорьевна Трубецкая, решившая разделить плен с мужем и прибывшая с детьми в Стокгольм, сообщила все эти подробности, отправив 17 августа несколько пространных писем: брату С. Г. Нарышкину, деверю Ю. Ю. Трубецкому, сенатору М. М. Голицыну, Карлу Пиперу. Репрессии коснулись и ее с детьми, так как им запретили выходить из дома. Судя по всему, удивительная была женщина⁴⁶.

С русской стороны столь же большую активность по займу денег проявлял князь Яков Федорович Долгорукий. Ему активно помогали члены его большой семьи (дяди, братья и племянники), которые, будучи известными дипломатами, располагая знакомствами и авторитетом в деловом мире Европы, не только переводили собственные деньги, но и получали векселя под свои гарантии.

В 1704 году князь Долгорукий занял по 500 ефимков у генералов Трубецкого и Вейде для того, чтобы выплатить хоть какое-то пособие привезенным из Выборга 198 человекам «посадским и служивым». Некоторое время шведы держали их в здании бывшего Детского приюта в Стокгольме, а затем решили выслать в провинции. Князь выдал каждому по 4 ефимка на одежду и пропитание «для самой их бедности и осеннего времени». В этом же году генерал Трубецкой взял 300 ефимков в долг «с ростом» для офицеров, которые были под его началом под Нарвой и не имели родственников в Москве.

Прапорщик Семеновского полка Сергей Водорацкий в 1704 году в письме сестре Авдотье сообщил, что князь Долгорукий ссудил его деньгами на четыре месяца под определенный процент. Этими деньгами, он не только расплатился со старыми долгами, но и купил себе и слуге новую одежду и продукты. Стоит иметь в виду, что Водорацкий был из тех пленников, кто мог себе позволить брать деньги под проценты, так как имел недвижимость в России. В частности, для возврата долга он попросил сестру продать «саранскую или устюжскую деревни». А капитан Илья Елагин попросил брата отдать родным Долгорукого в Москве 200 ефимков, которые он занял у самого князя в 1704 году. К жене обратился и адъютант Анд-

рей Курбатов, распорядившийся в 1705 году быстрее продать «вотчину Леоново», которую, как ему стало известно, хотел купить И. А. Мусин-Пушкин «за 700 или 600 рублей».

Пленные каролины прибегали к займам у своих более состоятельных товарищей еще чаще, что подтверждается тщательно составленными ими самими долговыми записями и расписками. В дневнике лейтенанта Леонарда Кага зафиксировано, что начиная с 1718 года он практически ежемесячно, за редким исключением, занимал деньги у капитана Стакелберга. Отправившись на родину после заключения мира, он «закрыл счет, выписав облигацию на 140 далеров, датируя ее первым февраля следующего года». А вернувшись в Швецию, заплатил всю оставшуюся сумму из денег, полученных в Штатс-конторе. Подобных финансовых расчетов после возвращения на родину было довольно много.

Возврат долгов был одним из важных условий отпуска на свободу. Об этом беспокоились и сами пленные, и кредиторы, и, конечно, власти, которые обязали уполномоченных отвечать за тех, кто деньги не возвращал. Весьма примечательна в этом отношении история капитана Василия Сокольников. В 1708 году князь Долгорукий, сообщая в Москву о недостойном поведении капитана, написал, что тот, начав «пить и плутать», обманом нахватал долгов на 1500 ефимков. При этом капитан регулярно (насколько это было возможно) получал жалованье из России. Удивительно, что, несмотря на все это, в 1710 году Сокольников был отпущен в обмен против шведского аристократа поручика Арвида Поссе. Долгорукий (неслыханное дело!) попросил вернуть его в Швецию, так как от этого была бы «великая польза для пленных», которым не пришлось бы отвечать за его долги.

Сам князь Яков Федорович, как выяснилось после его счастливого побега в 1711 году, оказался довольно крупным должником: среди наиболее настойчивых его кредиторов была графиня Элизабет Функ, которая еще долгие годы писала прошения во все, в том числе и русские, инстанции и просила вернуть ей долги. Тогда же возникли проблемы у жены фельд-маршала Реншельда, которая была гарантом Долгорукого.

Трудности подобного рода возникли и у семьи грузинского царевича Александра, который часто помогал своим одно-

полчанам и прочим пленным, выдавая денежные суммы. Генерал Автоном Головин в ноябре 1704 года попросил своего двоюродного брата канцлера Федора Головина особо поблагодарить царя Имеретии Арчила II за сына, который незадолго до этого занял ему 800 ефимков. Отзывчивость царевича вкупе с привычкой к особому образу жизни и содержание открытого дома, в котором часто бывали гости, не только русские, но и иностранцы, в том числе и шведы, создали много проблем для его семьи. Как свидетельствуют расписки Александра, отправленные с сопроводительными письмами резидента Хилкова и купца Гутвеля в Санкт-Петербург, только в 1709–1710 годах он занял 4762 рубля. Его отец был вынужден обратиться к царю Петру за помощью, так как у него не было возможности самостоятельно оплатить долг сына, достигавший общей суммы в 16 000 рублей. Все эти цифры стали известны после трагической смерти царевича в 1711 году, когда шведские власти несколько месяцев не отпускали гроб с телом на родину, мотивируя это неоплаченными долгами Александра Имеретинского. И только после того, как английский консул Гутвель и банкир Кембел оплатили наиболее «срочные» долги (3700 рублей), а на остальную сумму были выписаны новые обязательства, гроб отправили в Россию.

Активная заемная деятельность шведских военнопленных также создала немало проблем после заключения Ништадтского мира. Еще в 1711 году дальновидный граф Пипер сокрушался о том, что каролины много занимают, а полученные деньги используют неэффективно. В результате некоторым из них пришлось задержаться с отъездом на родину. Например, майор Рейтер улаживал свои финансовые проблемы до 1725 года. Но большинство каролинов-должников, как, впрочем, и их русские визави, были отпущены «под обязательство» вернуть деньги.

Несмотря на все вышеперечисленные трудности, следует признать, что именно частный кредит сыграл огромную роль в жизни большого количества пленных.

После возвращения на родину русские и шведские пленные практически сразу обращались в соответствующие органы власти для того, чтобы добиться получения жалованья, ко-

торое они недополучили за годы пребывания в плену, а также компенсаций разного рода. Так поступили «вышедшие из плена» в сентябре 1720 года семь русских офицеров: Аникеев, Кандауров, Мясоедов, Крюков, Шитовский, Фефилов и Будаев. Предоставленные ими отчеты и материалы переписки соответствующих коллегий позволяют сделать весьма интересные выводы. В частности, о том, что, во-первых, офицерское жалованье из России приходило менее регулярно, чем поступало королевское содержание от шведов, особенно в первые месяцы после пленения. Во-вторых, для тех пленных, чью большую часть жалованья «отдавали на Москве», как это было у Шитовского и Мясоедова, огромное значение имело регулярно выдаваемое небольшое королевское «пособие». После многомесячной переписки Правительствующий Сенат 3 марта 1721 года вынес решение о выплате недоплаченного за годы плена жалованья капитану Якову Аникееву и компании. Сумма для всех семерых получилась большая — 2566 рублей 5 алтын 2 деньги, но полностью они получили ее нескоро.

Ситуация вокруг возвращающихся на родину каролинов складывалась похожим образом, даже при условии добросовестно составленной отчетности. Тем не менее после окончания войны, когда началось массовое возвращение из плена, Кригс-коллегия и Штатс-контора столкнулись с большими трудностями, связанными с разбором огромного количества прошений. Процесс выплат растянулся на несколько лет.

Борьба за выживание:
предпринимательство, ремесло
и торговля

Далеко не всякий пленный мог рассчитывать на получение кредита или переводов из дома. Большая часть, прежде всего унтер-офицерский и рядовой состав, должны были искать альтернативные источники выживания. Определяющим моментом здесь была позиция властей. Петр I, а вслед за ним власти на местах в целом не препятствовали трудовой ини-

циативе пленных. Мало того, особенно успешные каролины со временем стали выполнять заказы государства.

Практически необъятное поле применения трудовых навыков и предприимчивости открылось перед шведскими пленными в Сибири и на Урале. Граф Карл Пипер перед отправкой пленных на восток призвал их мобилизовать все свои силы и сделать все, чтобы выжить. И он по праву мог гордиться многими из своих соотечественников. Конечно, далеко не все складывалось идиллически. В преимущественном положении находились те, кто владел определенными трудовыми навыками или мог положиться в этом на своих слуг, как это было с капитаном С. Горном ав Омином, отбывавшем ссылку в Соликамске. Его слуга со временем наладил производство лошадиной упряжи, а капитан стал ее продавать⁴⁷.

Со временем трудовая деятельность пленных чрезвычайно активизировалась, а спектр занятий, ремесел и промыслов стал довольно широким. Ротмистр Георг Малин был не только поэтом, описавшим многие эпизоды своей сибирской ссылки в стихах, но ювелиром и художником. В компании с другими художниками — корнетами Густавом Горном, Юханом Бари и изготовителем шелковых обоев корнетом Бартольдом Эннесом — он оформлял дом сибирского губернатора князя М. П. Гагарина в Тобольске. Признание самого царя и широкое распространение получили серебряные изделия каролинов Ивана Шкруфа, Ягана Жемана, Ивана Лирнта. Понравились Петру Алексеевичу и костяные шахматные фигуры, изготовленные поручиком Эриком Ульфспарром. Некоторым из пленных удавалось зарабатывать приличные деньги, которые они использовали, например, для аренды земли и строительства дома (Шкруф) или для помощи товарищам. Так, упомянутые выше ювелиры Горн и Бари настолько хорошо зарабатывали, что могли по воскресеньям кормить двенадцать своих товарищей.

Часто для достижения наилучшего результата пленные объединялись в артели и нанимались для выполнения казенных заказов. Например, в начале 1713 года в Тобольск из Верхотурья прибыли ротмистр Кунов и лейтенант Лейоншельд, которые вместе с тобольским пленником фенриком

Сильверхельмом начали делать игральные карты. Уже в следующем году они получили за «изготовление подрядных карт в казну» 400 рублей. Капитан Свенсон изготавливал для казны фитили, Эрик Эрикфан делал рудокопный инструмент. Трудно предположить, что Христофор Левенгфельт, в 1714 и 1715 годах поставлявший лес на строительство государевых дворов в Тобольске, рубил его в одиночку, а капитан Муль, продавший в 1717 году в казну 50 пудов табака, вырастил его самостоятельно.

Но наибольшей популярностью у каролинов пользовалось изготовление пива и самогонование. Оказавшись в трудном материальном положении, многие пленники часто шли на нарушение русских законов, так как изготовление горячительных напитков на продажу было государственной монополией. Но даже высылка в еще более отдаленные места и большие штрафы не пугали пленников.

Дневники лейтенантов Люта и Пильстрема содержат записи о регулярных высылках провинившихся каролинов в Сургут, Пелым и Березов за незаконное «виноварение». Кстати, позже в Березов будет сослан и там умрет «полудержавный властелин» князь А. Д. Меншиков, а затем несколько лет проведет еще один «птенец гнезда Петрова» — А. И. Остерман. В Пелыме 20 лет проживет в ссылке генерал-фельдмаршал Б. К. Миних.

Некоторые из каролинов официально оформляли право на продажу алкоголя, обязуясь выплачивать в казну установленные налоги. История ротмистра Балка, который с товарищами в 1715 году в Тюмени «держали винную и медовую продажу на откуп», показывает, что этот бизнес не всегда был удачным. При оформлении выездных документов в Швецию выяснилось, что за ними числится долг в 750 рублей. На допросе Балк заявил, что производство было убыточным и «расходы превышали доходы».

Снисходительность и лояльность русских властей, в частности губернатора Гагарина, позволили шведам совершать поездки по ремесленной и торговой необходимости. На знаменитую Ирбитскую ярмарку ездили «для покупки необходимых товаров» лейтенанты Плантинг, Дубе, ротмистр Балк. Иногда «инициатива» каролинов вступала в противоречие

с их статусом пленного: кто-то уходил с мест проживания без разрешения, а кто-то занимался запрещенной деятельностью — такою, как раскопка древних могил или неконтролируемый хмелевой и рыбный промысел. Русские власти пытались бороться с таким своеволием, принимая специальные указы, которые не всегда приносили желаемый результат.

Необходимо признать, что во многих сибирских городах благодаря именно пленным каролинам появились искусные шорники, кожевенники, портные, ювелиры, садовники. Местные жители тогда впервые познакомились с деятельностью врачей, учителей, гувернеров, актеров, парикмахеров.

Дополнительные трудности с поиском заработка возникали у тех пленных, которые оказывались в маленьком городе или деревне. Это хорошо понимали уполномоченные с обеих сторон, в частности резидент Хилков, протестуя против высылки рядовых пленных в отдаленные районы Швеции в 1707 году, специально указывал, что они не смогут найти там работу.

Для каролинов высылка, например, из Тобольска по тем или иным причинам также могла иметь самые печальные последствия, несмотря на то что они брались практически за все, что им предлагали. Как правило, пленные создавали некое подобие бригад во главе с выборным бригадиром, который искал работу, договаривался об оплате, получал и делил заработанные деньги. Работали они не только на частных лиц, но и на казну. Так, например, бригада Ягана Готфрида, состоявшая из 100—150 человек, во второй половине 1715 года работала в Тобольске на пороховом дворе, разгружала вино и хлеб, ломала «ветхие строения» и строила государеву баню. Некоторым пленникам удавалось найти работу у окрестных крестьян. В 1717 году лейтенант Иоаким Лют с товарищами нанялись к крестьянам в пригороде Соликамска и, как он писал в своем дневнике, четыре дня в неделю работали только за еду, а остальные дни могли рыбачить и охотиться. Позже они два года трудились в некоем монастырском хозяйстве за 6 копеек в день на человека.

Необходимость тяжело работать за поденную плату, а часто только за одежду и еду, несомненно, угнетала каролинов-офицеров, возможно никогда ранее не занимавшихся тяже-

лым физическим трудом. Они пытались об этом написать домой, но такие письма удерживались в Посольском приказе, потому что русские власти не хотели, чтобы подобные известия попадали в Швецию и повлекли бы за собой ужесточение содержания русских пленных.

Русские пленные в Швеции в поисках возможного дополнительного заработка сталкивались с более серьезными трудностями. Причин было несколько, в том числе не очень развитые профессиональные навыки русских. Не последнюю роль играло и то обстоятельство, что шведская экономика находилась в глубоком кризисе. Эти факторы оказали влияние на то, что власти не сразу решились предоставить русским свободу поиска работы даже для того, чтобы прокормиться. А те, кто ее находил, чаще всего работали подмастерьями или помогали с уборкой урожая.

Несмотря на наличие определенных специфичных черт в положении шведских и русских пленных, очевидным фактом является то, что практически все они испытывали постоянные материальные затруднения.

Побеги, обмен, отпуск «на поруки»

Освободиться от ограничений, запретов или оказаться на родине ранее заключения мирных договоров военнопленные могли как законными, так и незаконными способами. Начнем с последних.

Побеги

Побег, безусловно, предсказуемый и в то же время самый опасный способ освобождения. В истории Северной войны было довольно много эпизодов бегства пленных и интернированных как из Швеции, так и из России, как массовых, так и одиночных. Успех этого предприятия зависел от стечения самых разных обстоятельств и условий. Иногда складывалась обстановка, которая благоволила к беглецам. Например, в самом начале войны, когда представители ис-

полнительной власти с обеих сторон плохо понимали, как надо поступать с теми, кто еще вчера был торговым партнером, юным студентом или неприкосновенной дипломатической фигурой. Например, в 1700 году несколько десятков русских пленников из тех, кто был размещен в старом здании гостиного дома в Стокгольме, «ушли из плена, разломав» (буквально) старые стены и обойдя немногочисленную охрану.

Побег был реальностью сразу после сражения или взятия крепости, так как победители больше праздновали успех, чем думали о надежной охране пленных. Особенно показательными в этом отношении оказались первые две-три недели после Полтавы и Переволочны, когда каролины не только десятками выходили из лесов и болот и сдавались русским, но в таком же количестве бежали к границам, прежде всего в турецкие владения вдогонку за своим королем. Бегство тогда могло приобрести еще больший размах, если бы рядовые каролины, вслед за своими командирами, не поверили обещанию русских, что все они будут содержаны с подобающей честью и скоро будут обменены.

Пленные активно бежали при переходах из одного места содержания в другое, пользуясь тем, что количество охраны в этот момент было небольшим. Подобные условия сложились, например, в декабре 1709 года, когда по приказу царя в Москву стали собирать каролинов для участия в торжествах по случаю полтавской победы. Некоторые от безысходности, с одной стороны, и безрассудной лихости, с другой, решались на побег, часто даже не имея представления о том, в какую сторону бежать. В такой трагикомической ситуации оказались в мае 1710 года несколько шведов, которые убежали из-под охраны из Дорогомиловской Ямской слободы. Не смогли им помочь найти дорогу и встреченные ими соотечественники, которые не только были на лошадях, но имели при себе пистолеты. Все эти подробности стали известны во время их допроса в городской канцелярии, после которого их ждало неминуемое и суровое наказание. Но, даже несмотря на это, побег каролинов продолжались и достигали в среднем около 3 процентов от общего количества пленных.

Отношение к побегам пленных отдельных представителей правящей элиты с обеих сторон было довольно гуманным. В частности, соратник Петра I Яков Вилимович Брюс, разбирая случай бегства двух шведских пленных из Пушечного двора в 1714 году, приказал наказывать охранников, а беглецам, по его словам, «наказание чинить не для чего, понеже всякий невольник ищет своей свободности, как бы ему оную получить».

Очевидно, что среди факторов, которые делали побег практически невозможным, была удаленность от границ. Конечно, теоретическая возможность удачного бегства при условии беспрепятственного преодоления нескольких тысяч верст через леса и горы по территории, населенной враждебно настроенным населением, существовала. Но на деле подавляющее большинство предпринимаемых попыток были обречены на провал. И этот вывод подтверждается тем, что случаи побегов пленных каролинов из Сибири были очень редки, равно как и русских пленных из глубинных, если они не были прибрежными, районов Швеции. Неудачами заканчивались предпринятые русскими пленными в 1716–1717 годах попытки бегства с печально известного острова Висингсё. Те, кому удавалось, украв лодку, переплыть озеро, не представляли, куда им дальше двигаться, и устраивались на работу к окрестным хугорянам. Но после жесткого королевского указа, вышедшего в начале 1718 года, местные жители, испугавшись наказания, сообщили властям, что у них проживают русские.

Чаще всего на побег решались представители офицерского сословия. Этот факт вполне объясним, так как в отличие от рядовых они могли более свободно передвигаться, а также обладали некоторым запасом необходимых для этого дела топографических, географических и прочих знаний. Существенную роль играл и тот факт, что у них могли быть деньги, которые можно было использовать для подкупа нужных лиц. Так, по сообщению фискала А. Нестерова, в 1717 году секретарь вологодского вице-губернатора Лев Бокин за взятку выдал двум шведам «подложные» пропуски на родину. Бегство в 1704 году из русского плена ротмистра Врангеля и майора Розена, по сообщению Хилкова, также стало возможным

только после дачи крупной суммы денег «начальнику» (вероятно, охраны). Затем беглецов на некоторое время спрятали «в слободе», и после уже, отсидевшись, они благополучно добрались до Стокгольма. Кстати, подробности побега сообщил сын шведского резидента Томас Книперкрона, будучи в гостях в Стокгольме у князя Якова Долгорукого. Он же уточнил, что деньги «за Врангеля 1000 за Розена 800 ефимков» выделил сам шведский король.

Но не всегда даже очень большие деньги могли гарантировать удачу. Наглядным примером служит история несостоявшегося побега царевича Александра Имеретинского в 1707 году, родственники которого, устав ждать, когда правители России и Швеции договорятся о его обмене, решились на столь серьезный шаг. При помощи сочувствующих лиц в Швеции и в России они провели большую подготовительную работу: разработали маршрут бегства, оплатили услуги сопровождающих и помощников, купили необходимую одежду и карету. Но в последний момент план был раскрыт, и все его участники наказаны. В первую очередь пострадали шведские сообщники: их повесили на рыночной площади, чтобы население почувствовало всю силу гнева властей по отношению к тем, кто будет так или иначе помогать русским пленникам. И хотя в положении самого царевича серьезных изменений не произошло, приступы «меланхолии», которым он с некоторых пор стал подвержен, именно с этого времени стали более частыми и опасными.

Чтобы решиться на побег, надо было обладать особыми чертами характера. Авантюризм и изобретательность — вот что могло способствовать удачному исходу бегства. В дневниках каролинов встречаются описания полуфантастических и маловероятных способов бегства. Упоминаются, например, капрал Лоренц Шульц, который скрылся, накинув на себя медвежью шкуру, полковник Стобе, который прикинулся мертвым, а вместо него товарищи похоронили медведя.

Настойчивость, которую проявляли некоторые пленники в своем твердом желании сбежать из плена, также нередко вознаграждалась. Среди русских пленных офицеров было пять человек представителей фамилии Гордонов (дальние родственники и однофамильцы. — *Г. Ш.*), которые несколь-

ко раз пытались вырваться на свободу. Не останавливало их даже суровое наказание, которое последовало после неудачи 1702 года. Не давая шведским властям расслабиться, вечером 3 февраля 1704 года компания однофамильцев и дальних родственников Гордонов во главе с подполковником Андреем «ушли из аресту из своего дома». По сообщению посла в Дании Измайлова, к которому, судя по всему, в этот период стекалась вся информация из Швеции, они хотели перейти через озеро, но лед проломился, и «в воду впали». Трое из них выбрались из воды самостоятельно и, пытаясь избежать наказания за побег, вернулись домой, а Андрея Гордона и проводника вытащили случайные прохожие и привели в полицию, не подозревая, что это русский пленный (Гордон говорил на немецком языке). По дороге в полицию проводнику удалось бежать, а Гордон был опознан и жестоко наказан.

Одним из основных условий успешности побега была помощь местного населения. Оставаясь в целом индифферентным к тем, кто находился в плену, местные жители в большинстве случаев весьма жестко пресекали попытки побегов. Не случайно беглецы, как русские, так и шведские, старались избегать встреч с людьми, так как это практически всегда сулило задержание и последующее наказание. А наказание могло быть очень суровым не только для тех, кто бежал, но и для оставшихся пленных. Русским офицерам после неудачной попытки бегства Трубецкого с компанией в начале мая 1703 года шведские власти запретили выходить из дома и посещать священника в течение нескольких недель.

Вместе с тем и в России, и в Швеции были люди, которые готовы были помочь беглецам. Речь идет прежде всего об иностранцах, проживавших в русском государстве. То, что они оказывали активную помощь каролинам, решившимся на побег, доказывает история полковника Андэша Аппельгрема. Он попал в плен под Переволочной и спустя некоторое время оказался среди прочих ссыльных в Воскресенском монастыре в Угличе. Там у него началось какое-то заболевание глаз, и он обратился к начальнику охраны майору Андрею Ушакову с просьбой отвезти его Москву для лечения. Просьба была удовлетворена; на время лечения его поселили в Не-

мецкой слободе под охраной семи человек, что, однако, не помешало ему со слугой в ночь на 11 ноября 1715 года бежать. Власти начали расследование и выяснили, что о его планах не только знали, но и помогали их осуществить несколько человек — все, как на подбор, иностранцы. Вахмистр Рыдефельт, который поручился за то, что Аппельгрэн не убежит во время поездки в Москву, и пастор Линдберг знали о его планах. Бывший гвардии-фурьер Антон Андреев⁴⁸ познакомил беглеца с Яганом Рытовым, живущим «за распиской» у князя С. А. Голицына. Яган Рытов, в свою очередь, чтобы полковник мог некоторое время переждать в укромном месте, отвез его в вотчину Голицына, в село Троицкое, где передал с рук на руки садовнику шведу Ягану Гордееву. Но дальнейшие их планы сорвались: в имении поднялась тревога, всех схватили и отправили в приказ. Любопытно, что на допросах Аппельгрэн настаивал на том, что сам он ничего не делал, а это была затея слуги, который напоил часовых пивом, а затем запер и заколотил дверь. Но ему не поверили и примерно наказали. Немногим отличается история бегства капитана Ланстрема и вахмистра Инберха, которых в 1715 году доставили в Москву для проведения следствия по поводу их прежних попыток побегов из Костромы (капитана в 1713 году, вахмистра в 1714 году). Неосмотрительное легкомыслие властей, оставивших их практически без охраны, привело к тому, что они вновь попробовали убежать. Майским днем отправившиеся под присмотром одного солдата в Китай-город за хлебом пленники исчезли. Охранник на допросе сказал, что, скорее всего, они «ушли к Яузским воротам к некоему шведу, к которому раньше на обедню ходили». Беглецов так и не нашли, солдата прогнали через строй шпицрутенами, а царь Петр издал несколько указов, с помощью которых власти в очередной раз попытались взять под контроль общение пленных и жителей Немецкой слободы, а также ограничить пребывание каролинов в Москве.

Среди тех немногих, кто оказывал реальную помощь русским пленникам, бежавшим из Швеции, были русские дипломаты за границей, в первую очередь посол в Дании в 1701—1707 годах стольник Андрей Петрович Измайлов. Он не только участвовал в организации почтовой связи с плен-

ными, вел самостоятельную переписку с разными чинами в России и в других государствах, организовывал банковские переводы, но и давал приют тем, кто бежал из плена в Копенгаген, часто расходуя и без того очень скромные собственные денежные средства. Эту же практику продолжил сменивший его на посту посланника князь Василий Лукич Долгорукий⁴⁹.

Шведские и русские власти пытались бороться с побегам разными способами. Они регулярно усиливали контроль на границах, куда неминуемо направлялись беглецы, устанавливали дополнительные разъезды на дорогах, но, пожалуй, самым распространенным, хотя и не всегда действенным, методом стала круговая порука. Например, в указаниях о порядке отправки и размещения пленных каролинов всегда было написано: «Связать паролем, чтобы не убежали». Эта превентивная мера обрела определенное воздействие только тогда, когда власти стали наказывать тех, кто ручался за пленника, который совершал побег. Так, после побега Долгорукого шведские власти не просто отправили русских генералов и резидента в глубь страны, но и устроили им информационную блокаду.

Иногда удавалось пресечь бегство, устраивая внезапные обыски в домах особо «неблагонадежных» пленных. В 1712 году в Сенате было заведено дело по факту обнаружения в доме, где проживал пленный секретарь Цедергельм, секретных дверей, через которые ходили за городские стены шведские военнопленные. Шведские власти неоднократно устраивали обыски в доме русского резидента, так как они считали его организатором многих побегов. Хилков жаловался в Москву, что во время таких посещений у него изымают чернила, бумаги и книги.

В истории плена Северной войны есть несколько резонансных случаев бегства пленных. Бегству русских генералов на Пасху 1703 года предшествовали совершенно определенные события. К началу декабря 1702 года положение высокопоставленных пленных стало совершенно нетерпимым: краткие послабления в содержании сменились длительным ужесточением. Долгорукий, царевич Александр, Трубецкой, Головин и другие обратились к Карлу XII с мемориалом, в котором указали на то, что их положение принци-

пиально отличается от того, чего они ожидали, когда подписывали капитуляцию под Нарвой со шведскими генералами Веллингом и Горном, обещавшими, что содержать их будут в соответствии «с воинскими обычаями». Многие русские, по их словам, «болеют и умирают от смрадного воздуха и от тесноты», а между тем шведские пленные живут в Москве «в великом довольстве». Последнее заверение, впрочем, противоречило тем сведениям, которые тайными путями приходили от Томаса Книперкроны и которым, что естественно, шведские власти доверяли гораздо больше. А он сообщал, в частности, что попавшие в русский плен под Эрестфером полковник Эншельд и ротмистр Врангель содержатся в Преображенском приказе в кандалах. Именно эти данные стали основанием для очередного ужесточения режима содержания русских пленных. В январе 1703 года ситуация еще более накалилась после того, как была случайно обнаружена очередная попытка генералов передать известие о своем бедственном положении в Москву.

По сведениям посла Измайлова, подобная «теснота» в содержании генералов действовала несколько месяцев. Пожалуй, единственным исключением было разрешение отслужить 2 февраля службу в день Сретенья Господня, на которую, впрочем, не были допущены князь Хилков, царевич Александр и их слуги. В конце апреля 1703 года русские пленные воспрянули духом — шведские власти сообщили им о готовности организовать обмен пленными. В связи с этим в дом генералов даже пришли специальные чиновники для составления списков русских для отправки на границу и в Москву. Каково же было их разочарование, когда они узнали, что Карл не планировал обмен ни генералов, ни резидента.

В этой ситуации генералы Трубецкой, Бутурлин и Вейде решились на побег. Ранним утром в субботу 2 мая, когда все шведы были на церковной службе по поводу католической Пасхи и охраны в доме почти не осталось, сломав часть стены в комнате майора Пиля и капитана Фриза, беглецы выбрались на пустынную улицу, сели в заранее нанятую карету и попытались скрыться из города. Но побег быстро обнаружили, и в кирхах объявили о награде за поимку преступников в 4000 ефимков (1000 риксдалеров⁵⁰), что вы-

звало большой энтузиазм среди жителей Стокгольма. Уже к полудню генералы были обнаружены в трех милях от города в лесу и закованными в кандалы были доставлены к бургомистру, который «их зело ругал и бесчестил». Далее последовало наказание: генерала Вейде посадили в небольшую комнату в Баргушу⁵¹, а спустя десять дней перевели в здание долговой тюрьмы. Трубецкого заточили в Посмиголь — место, где содержали преступников, осужденных на смертную казнь. Суровее всех наказали Бутурлина, к которому, как известно, шведы испытывали особую неприязнь. Его посадили в подземную тюрьму в камеру, где было только маленькое окошечко в двери, через которое ему давали пищу и воду. Майора Пиля и капитана Фриза, как сообщников, перевели в тюрьму под Ратушу, а к русскому резиденту вновь приставили охрану с заряженными мушкетами. Кроме того, власти организовали тщательное расследование обстоятельств побега, выясняя прежде всего личности тех, кто помогал русским. Хилков в письме в Москву от 19 мая 1703 года возмущался, что лучше быть русским пленным христианином в Турции, чем в Швеции, так как они «почитают русских ни зашто и бесчестно ругают и смеются» и что к ним не должно быть такого отношения, так как «всякий невольник воли ищет».

В начале июня генералов Трубецкого и Бутурлина освободили из тюрьмы и перевели на гостиный двор, где жили русские офицеры. Им выделили по отдельному дому, внутри и снаружи которого постоянно находилась вооруженная охрана. Бутурлин и в этом случае оказался в худшем положении, чем остальные: предоставленное ему полуподвальное помещение имело только одно маленькое окно под самым потолком и в комнате было совершенно темно и сыро. Вейде, которого хотели туда же перевести, побывав там, решительно отказался, вернувшись в свое старое жилье, несмотря на то что, как писал побывавший там Хилков, «за минуту в доме том такой дух как в хлеву». Сам Адам Адамович позже сообщил, что на протяжении тех четырех месяцев, что он находится «в темнице за запорами», он никого «ни человека ни зверя» не видел, кроме вахмистра который 2 раза в день приносил ему еду, и «от этого заболел».

В этом же письме Хилков обратил внимание канцлера Ф. Головина на то, что шведские власти по-разному относятся к пленным русского и иностранного происхождения. В качестве доказательства он привел пример неудачного побега саксонского генерала фон Алларта в 1702 году, когда охрана обнаружила шпаги за шторами и лошадей у подъезда, но все это не стало поводом для его наказания⁵².

Неудачей и очень серьезными последствиями закончилась попытка массового побега шведских офицеров из Казани и Свияжска в феврале 1711 года. Разоблачение заговорщиков оказало влияние не только на их судьбы (одного из организаторов, капрала Рюля, например, до лета 1713 года держали в тюрьме, закованного в кандалы, на хлебе и воде), но и в целом на всех каролинов, которых в ускоренном темпе стали высылать из Центральной и Юго-Восточной России на восток, в совсем уже гибельные места — Урал и Сибирь.

Третий, широко известный случай бегства был удачным и по странному совпадению произошел в том же 1711 году. Ему предшествовали следующие события. Шведская аристократия, недовольная тем, как развивается обменный процесс после Полтавы, усилила давление на короля и совет. В результате было принято решение о размене русских генералов и старших офицеров на соответствующие чины из пленных каролинов. В частности, планировалось обменять царевича Имеретинского и князя Трубецкого на графа Пипера, а Долгорукого и Головина на фельдмаршала Реншельда и какого-нибудь полковника, а также несколько офицеров с обеих сторон. В конце 1710 года русских пленников повезли в сторону русско-финской границы, где планировался обмен. Ожидание известий из России затянулось; только в апреле стало известно, что Пипера и Реншельда вернули в Москву, а следовательно, обмена не будет. К этому моменту уже произошло трагическое событие: 3 февраля 1711 года в Питео, проболев несколько дней, скончался грузинский царевич Александр Багратиони.

Ситуация накалилась до предела — особенно после того, как в конце апреля пришел приказ о возвращении пленных. И тогда 70-летний русский вельможа князь Я. Ф. Долгорукий принял отчаянное решение, которое, возможно, спас-

ло жизнь ему и еще нескольким десяткам человек. Стечение благоприятных обстоятельств: задержка выхода судна из-за непогоды, небольшая охрана и, как писал сам князь, «благой случай и бесстрашие и дерзновение» помогли осуществить побег, который был абсолютно не подготовлен. Удачный исход произошедшего 3 июня 1711 года тем более трудно объяснить, так как ни шкипер, ни штурман, не говоря уже о пленниках, не знали дорогу через Балтийское море, у них не было даже морских карт. Тем не менее 19 июня беглецы благополучно прибыли в Нарву, а 26 июня в Санкт-Петербург, где были торжественно приняты губернатором князем А. Д. Меншиковым. Вместе с Долгоруким на свободе оказалось 44 человека, и это был если не самый крупный, то наверняка самый громкий удачный побег русских пленных за всю историю войны⁵³. Шведские власти, узнав о побеге, вновь заговорили о том, что обещаниям русских нельзя верить.

Каждый из отправляемых на обмен пленных должен был подписать реверс⁵⁴ в том, что, если обмен не удастся, он вернется к месту наказания. Такое же обещание давали шведские пленные и также практически всегда его нарушали. Вот как выглядело обязательство, которое подписали 2 декабря 1710 года царевич Имеретинский, Трубецкой и Головин: «Мы, нижеподписавшиеся, по соизволению советников отпускаемся в финскую землю со всеми слугами, и надо поспеть нам для размены, как здесь договорились, и обязываемся сим письмом и все за паролем кавалерским, если не будет размены, то мы должны быть в прежнем аресте и возвратились назад; подкрепляем руками и печатями».

В качестве наказания король дал жесткое распоряжение не отпускать на обмен тех русских, за которых в тех или иных ситуациях давал ручательство князь Долгорукий.

Пленникам, которым удавалось вырваться на свободу, предстояло пройти еще несколько процедур, прежде чем они могли вернуться к родным. Прежде всего властей интересовали обстоятельства пленения и побега. Кроме того, бывшие пленники рассматривались в качестве важных, а иногда и единственных источников сведений о состоянии дел противника, о его военной силе и планах, о настроении в обществе. В соответствующих канцеляриях записыва-

лось практически все, о чем рассказывали беглецы. Многие из сообщенных ими сведений можно отнести к преувеличениям и домыслам, но при совпадении с данными других источников ценность их была высока. Так, безусловный интерес вызвали показания жителя Олонца Дмитрия Попова, который вместе с товарищами по работе (семь человек) в августе 1713 года бежал из Стокгольма. По его словам, на тот момент шведскую столицу обороняли только 1000 королевских гвардейцев. Он также передал очередные слухи о смерти короля, о военных действиях генерала Любекера, о наборе рекрутов в финскую армию, куда «не берут только стариков, которые служить не могут и пашут землю». Его же соратник по побегу, слуга генерал-майора Чернышева Григорий Козьмин, сообщил и вовсе сенсационное известие о том, что весной «мещане с прочими подлыми людьми» в Стокгольме хотели поднять бунт и уничтожить членов Королевского совета за то, что они выступают против заключения мира «с царским величеством». Это, по его словам, стало основной причиной того, что из столицы вывели в разные провинции высокопоставленных русских пленных.

Более важными, так как подтверждались другими информаторами, были сведения о шведском флоте, сообщенные явившимися 19 декабря 1713 года в Канцелярию Правительствующего Сената одиннадцатью пленниками, бежавшими из Стокгольма в Курляндию. Они же рассказали, что во время русского похода на Або⁵⁵ многие из жителей этого города «убоявшись» уехали в Стокгольм, в котором население стали обучать обращению с оружием и военному строю.

И все же следует признать, что побег были чрезвычайно опасным и поэтому не частым способом освобождения из плена.

Обмен и отпуск «на поруки»

Другим способом досрочного выхода из плена, характерным для всех войн Средневековья и Нового времени, был обмен. В этом смысле Северная война не стала исключением. В текстах всех подписанных капитуляций всегда стояла фраза: «Пока не будут обменены». Стоит особо отметить, что

на протяжении всей войны чаще всего инициатива по обмену пленными исходила от русского царя. Шведский король, молодой и самоуверенный, долгое время (дольше, чем это было оправдано обстоятельствами) чувствовал себя победителем и был категоричен в решении: никаких разменов с русскими до полной их капитуляции.

Показательно, что после трагической гибели короля в Норвегии 30 ноября 1718 года его преемница Ульрика-Элеонора сделала попытку интенсифицировать вялотекущие переговоры на Аландских островах, в том числе и по вопросу массового обмена пленными.

Основанием для подобной несговорчивости Карла XII стала богатая добыча Нарвы. Захватив в плен большую группу высших офицеров, среди которых было десять генералов, он понял, какой козырь ему достался: это были лучшие и наиболее подготовленные на тот момент военные кадры русского царя. Вследствие этого в начале войны он даже слышать не хотел об обмене. Первые «аргументы» появились у русских после сражения у лифляндской деревни Эрестфер в конце декабря 1701 года, когда были взяты в плен 150 каролинов. Уже в марте следующего года в Стокгольм были отправлены пленные поручик фон Крузеншерна и фельдфебель Пеликан с предложениями об обмене, которые, впрочем, остались без ответа, а отпущенные на время («на пароль») пленники обратно не вернулись.

Царь Петр проявлял подобную инициативу практически после каждого сражения. Так, после взятия Нарвы в 1704 году он отпустил в Швецию для организации переговоров подполковника фон Шлиппенбаха, после Полтавы — секретаря Цедергельма и генерала Мейерфельда и т. д. В большинстве случаев (кроме Цедергельма) пленники не возвращались, что давало русским властям повод обвинять шведов в том, что они не держат данного слова.

Шведские власти обычно не только не отвечали на поступающие из России предложения, но игнорировали подобные запросы от резидента Хилкова и генералов, находившихся в Стокгольме. Видя непреклонность короля в обмене «генеральских персон», Петр сконцентрировал внимание на проведении массового размена пленными. Обсуждение этой

темы обеими сторонами стало возможным только спустя несколько лет, когда в России оказались не только офицеры и статс-служители, в возвращении которых могли быть заинтересованы шведские власти, но и некоторое количество пленных «попроше».

За годы войны было несколько попыток провести сколько-нибудь массовый размен, но наиболее последовательной, хотя и неудачной, была попытка, предпринятая в 1705 году. Это был тот редкий случай, когда инициатива обмена исходила со шведской стороны, что отчасти объясняет особую заинтересованность русских. Все началось с того, что 12 января 1705 года на имя Петра I пришло письмо из Стокгольма от русского резидента князя Хилкова, который сообщал долгожданное известие: шведский король Карл XII выразил желание «учинить розмену полоняниками». Об этом 12 декабря 1704 года по поручению «всего свейского синклиту» ему сообщил ассессор Самуэль Йоте. Уже через четыре дня Хилкову был отправлен ответ, подтверждающий готовность царя приступить к переговорам. Стороны начали составлять списки военнопленных. 7 февраля 1705 года Петр подписал указ об отправке на съезд со шведскими комиссарами для обмена «удержанных и полоняников» стольника Алексея Петровича Измайлова⁵⁶ и назначении его комиссаром русской делегации. Было указано и место встречи послов — между Нарвой и Выборгом. В сжатые сроки была проделана большая и очень важная работа по подготовке предлагаемых к подписанию документов. Посольский приказ составил справку об истории переговоров между Россией и Швецией по вопросам заключения мирных трактатов и установления границ начиная с 1651 года. Этот документ, по мнению авторов справки, придавал грядущим переговорам своего рода законность и традиционность. Петр собственноручно разработал тщательные инструкции поведения русской делегации, чтобы его царского величества «имяни было к чести и к повышению», а также предложения для обмена. В частности, было велено не останавливаться на простом обмене, а заключить картель⁵⁷ об отпуске всех пленных, как это «между всеми воюющими потентаты»⁵⁸ христианскими обычно быть соизволяет», а в качестве образца использовать пример картеля,

подписанного в 1690 году Францией и Голландией, копия которого находилась в дипломатическом портфеле Измайлова. Кроме того, русская сторона выразила готовность в случае необходимости выкупить пленных. В картеле подробно расписывалась «стоимость» каждого чина в пехоте, в артиллерии, в гвардии и морском флоте, которую определили, механически переведя гульденy в рубли.

Обе стороны изначально выразили готовность к размену «чин на чин», руководствуясь списками пленных. К переговорам о судьбе русских торговых людей Измайлову предписывалось приступить только после размена «служивых» и настаивать на том, что их со всеми пожитками должны отпустить безо всяких условий, так как они торговали со Швецией до войны. Слухи о скором обмене взбудоражили и шведских, и русских пленных, все ждали, что со дня на день их повезут на границу, но дальнейшие события принесли им только разочарование.

В начале апреля А. Измайлов с командой прибыл на место предполагаемой встречи, о чем он и сообщил ревельскому губернатору генералу В.А. Шлиппенбаху. В ответ генерал отправил посланнику «овошей цытронов и помаранцов»⁵⁹ и уведомил, что у него нет никаких сведений о приезде шведской делегации. Не появились эти сведения ни в мае, ни в июне. Ситуация все больше приобретала фарсовые черты. Алексей Измайлов находился на границе, шло время, а из Швеции никого не было, мало того, не было известий и от Хилкова (русские власти впоследствии утверждали, что шведы специально задерживали письма Хилкова, а шведы обвиняли русских в том же по отношению к Книперкроне). Наконец 11 июля Измайлов обратился к Петру и попросил дать указания, как ему поступать. И только 18 августа канцлер Ф.А. Головин сообщил Измайлову, что шведы не будут заключать картель, велел отправить посольских служителей в Москву, но самого посланника попросил оставаться на месте до праздника Покрова Пресвятой Богородицы, «вдруг либо кто от них выслан будет». В своем последнем сообщении из Нарвы, датированном 20 октября, Измайлов сообщил, что «шведских комиссаров нет, и время наступило зимнее, и ясно, что в этом году никакого съезду не будет».

Казалось бы, причины неудачи обмена очевидны — шведские власти не сдержали свои обещания. Но не все так просто. Действительно, в ответ на настойчивые просьбы министров и родственников пленных Карл XII осенью 1704 года принял решение о проведении обмена пленными, о чем сообщил в письме от 12 ноября Оборонной комиссии. В своем письме он выразился предельно четко — ни о каком картеле о всеобщем размене не может быть и речи, и обмену не подлежат офицеры чином старше полковника и резидент. И тут мы видим любопытный момент: Хилков в своем сенсационном письме умолчал об ограничениях, сообщив, что якобы все пленные «от высших до прочих» (включая его самого) будут обменены. В мемориале асессора Йоте Хилкову от 8 мая и в письме Книперкроне от 31 мая подтверждается, что основными критериями обмена должны стать соответствие чинов, положения и профессий пленных. При этом шведские власти выразили готовность обменивать русских купцов на шведских гражданских служителей. И ни одного слова о размене генералов и резидента. Пытаясь изменить ситуацию, Хилков встретился с фельдмаршалом графом Магнусом Стенбоком, который был старшим в Королевском совете и авторитетным человеком в Оборонной комиссии, но тот, несмотря на любезный прием, отказался обсуждать тему, ссылаясь на то, что у него нет соответствующего разрешения короля.

Через несколько дней русскому резиденту дали окончательный ответ: так как король не собирается заключать всеобщий картель, то и переговоры на границе не нужны, достаточно обменяться списками пленных. Судя по тону ответа Хилкова, он был в негодовании. Обвинив шведские власти в непоследовательности, князь не согласился и с приложенным списком русских пленных, так как, по его мнению, там были незнакомые имена, а размен шведских офицеров на русских купцов и крестьян посчитал невозможным вовсе, потому что последние оказались во владениях Швеции ранее начала боевых действий. Оскорбило его и то, что русских офицеров — представителей знатных семей приравняли к купцам и служителям, а его самого и его врача к крестьянам и слугам.

Но особенный эффект в Стокгольме произвело письмо канцлера Головина от 9 августа 1705 года. Он начал с того, что назвал предложения Королевского совета вздорными и несовместимыми с европейскими обычаями. В саркастическом тоне обычно очень дипломатичный Головин писал, что царь Петр лучше знает европейские обычаи и соответствует христианским ценностям, чем король Карл. Российские власти пошли дальше: спустя некоторое время по приказу Петра критика поведения шведских властей прозвучала при «нейтральных дворах» из уст российских дипломатов. Это заставило членов Оборонной комиссии в начале октября отправить послание Ф. А. Головину с обвинением в том, что у него «недостаточно оснований, чтобы писать ложь и памфлеты, и многие обращения к христианским и цивилизованным министрам страдают экспрессивностью и недоказательностью». Все эти события серьезно отразились на положении пленных. Раздражение русских властей по поводу несостоявшихся переговоров и размена привело к поспешной высылке резидента Книперкроны с семьей и прочих шведских офицеров из Москвы в середине июля 1705 года. А в начале октября (кстати, к этому времени Книперкрону вернули в Москву) резидента и генералов, кроме Долгорукого, выслали из Стокгольма.

В последующие годы тема массового размена поднималась еще несколько раз, но всегда находились какие-то препятствия, которые мешали перейти даже на уровень серьезного обсуждения деталей. Пожалуй, наиболее реальной и близкой к завершению была попытка массового размена весной 1709 года, накануне, как оказалось, Полтавской битвы. Этому предшествовал удачный обмен несколькими десятками человек с обеих сторон в конце 1708 года. Было принято решение, что провести обмен «глухо — количество на количество». Для этого в русскую армию было прислано как минимум 488 пленных шведов, а вместе с женами и детьми их количество составило 534 человека. Но согласования и переговоры затянулись, а затем наступили Полтава и Переволочна, которые принципиально изменили ситуацию с обменом.

После того как в Стокгольме узнали о катастрофе на Украине, члены Королевского совета гораздо более серьез-

но отнеслись к предложениям о мире и генеральном размене, которые привез из Москвы в августе 1709 года отпущенный «на пароль» из Москвы королевский секретарь Йозияс Цедергельм. Разумеется, они не могли дать окончательный ответ без королевских указаний, но выразили формальное согласие начать переговоры как можно скорее. В качестве жеста доброй воли они отпустили с Цедергельмом, возвращавшимся в Россию, двух русских офицеров: ротмистра Тисовского и капитана Дашкеева, не дожидаясь, как это обычно было, когда в России подготовят равночинцев.

Привезенные Цедергельмом шведские предложения были отвергнуты русскими властями по совершенно определенным причинам. Дело в том, что шведы предложили в случае, если будет не возможен обмен, выкупить пленных. Ссылаясь на французско-голландский картель (тот самый, что предлагался русскими в 1705 году), они составили следующие расценки: за генерала 800 рублей, за генерал-майора 160 рублей, за полковника 80 рублей, за подполковника 50 рублей, за майора 44 рубля, за ротмистра или капитана 40 рублей, за поручика 20 рублей, за корнета, прапорщика, адъютанта 15 рублей. Свое отношение к этому предложению Петр выразил в письме царевичу Александру Имеретинскому от 28 июля 1710 года, справедливо полагая, что оно станет известно не только русским пленным, но и шведским властям. Он написал, что коварные шведы хотят «нас в сем яко спящих, обмануть, дабы мы обрадовся алтынам, всю армию их им продали, и себе беду купили». Ни для кого не было секретом, что пленные с обеих сторон массово нарушали обещание «не воевать» и по возвращении на родину вновь поступали на военную службу.

В течение последующих лет тема массового размена пленными серьезно не обсуждалась, за исключением Аландского конгресса, который проходил на одноименных островах с мая 1718-го по октябрь 1719 года, но и тогда решения принято не было. Вместе с тем точечный размен с той или иной степенью интенсивности происходил в ходе всей войны. Иногда он имел адресный характер, но чаще всего это был обмен по соответствию чинов и рангов «чин на чин».

В качестве примера можно привести историю обмена капитана князя Бабичева, поручика Каханцева и солдата Севастьяна Иванова, которые в июле 1711 года вернулись из плена с условием-«паролем», что вместо них отпустят шведов-разночинцев. Вскоре русские власти подобрали подходящие кандидатуры «из больных и старых шведов»: капитан Кноблук, поручик Халиндер и солдат Реббес. Но граф Пипер и другие генералы предложили другого кандидата — капитана Штена, который в конечном итоге вместе с остальными и отправился на родину. На этом примере хорошо заметны все этапы и особенности процесса: принципы отбора кандидатур, обязательность осмотра и утверждение уполномоченными представителями.

Проявляя повышенную заинтересованность в возвращении какого-либо пленника, русские или шведские власти шли на определенные уступки, которые иногда оставались не оцененными обратной стороной. Так, для того, чтобы ускорить возвращение выходцев из знатных семей королевских секретарей Цедергельма и Дюбена, шведское правительство в 1710 году отпустило иностранцев на русской службе майоров Страуса и Пиля. Свое недоумение по поводу того, что русские не сделали ответного хода, королевские советники выразили в специальном мемориале в Правительствующий Сенат 5 июня 1711 года, но ни в 1711-м, ни в последующие годы, вплоть до 1720-го, эта история так и не получила своего логического завершения.

Существовала еще одна возможность освободиться из плена. Это так называемый отпуск «на поруки» или отпуск «на пароль», который теоретически предусматривал временность пребывания на свободе с целью выполнения определенного задания, но на деле означал полное освобождение. Среди тех, кто получал это право, были в большинстве случаев старшие офицеры, представители аристократии и высокопоставленные статские служители. Обе стороны надеялись, что они используют высокопоставленных родственников и свои мощные связи для решения особенно сложных проблем, например инициирования переговорного процесса, обмена определенных лиц и т. д. Так произошло в случае с упомяну-

тым секретарем Й. Цедергельмом, когда он сразу после Полтавы повез царские мирные предложения в Стокгольм.

Стремясь хотя бы на время вырваться из неволи или ускорить решение какого-либо вопроса, пленные с обеих сторон часто проявляли инициативу и выражали желание выступить в качестве посредников для ведения переговоров. Такая ситуация, в частности, возникла весной 1710 года, когда в Швеции активно обсуждалось «очередное коварство русских», которое заключалось в том, что, вопреки подписанному соглашению о сдаче гарнизона Выборга, весь его состав был взят в плен. В конце августа князь Хилков развил бурную деятельность: он побывал на приеме у члена совета графа Вреде и предложил отпустить его в Россию на определенный срок для ведения переговоров об отпуске гарнизона и семьи резидента Книперкроны. В качестве гарантии он был готов оставить свое имущество. Но этого оказалось недостаточно для шведских властей, и попытка князя вырваться из плена не удалась.

В ряде случаев причины, по которым пленный просился «в отпуск», а это, конечно, были не рядовые люди, носили личный характер. В 1711 году барон Стакелберг и уже известный нам секретарь Цедергельм просили канцлера графа Г. И. Головкина отпустить их, так как «много сродников умерло за время их плена и дела пришли в упадок». За это они предлагали провести переговоры о размене «знатных русских». Опасаясь, что они не вернуться, Петр отказал им, а вот квартирмейстера Г. Спарре, кригс-фискала К. Лампу и поручика А. Поссе тогда же и с той же целью отпустил.

В начале марта 1711 года Густав Спарре отправился в Швецию вместе с княгиней Ириной Григорьевной Трубецкой (урожденной Нарышкиной) и тремя ее дочерьми, кригс-фискал Каспер Лампа с женой Головина Василисой и сыном Сергеем. Арвид Поссе должен был выехать вместе с супругой Александра Имеретинского.

К тому времени, когда они добрались до Стокгольма, многое произошло: царевич Имеретинский умер, а князь Долгорукий сбежал. Кстати, эти обстоятельства дали основания шведским властям не возвращать отпущенных на шесть ме-

сяцев вышеназванных офицеров, что вызвало бурю возмущения в Санкт-Петербурге.

Обязательным условием отпуска на определенный срок (как правило, шесть месяцев) было составление специального документа, который подписывали представители высших воинских или гражданских рангов из пленных (от трех до пяти человек), выступая гарантами того, что пленник вернется. Но подавляющее число пленных с обеих сторон нарушали обещание вернуться, что грозило большими осложнениями для тех, кто за них поручился. Так, за отпущенных на шесть месяцев в Швецию полковника Вахмейстера и подполковника Брёмсена поручились и в конечном итоге подверглись наказанию полковники Ельм, Рамшверд, Лешерн и Морат. Руководители Фельдт-комиссариата К. Пипер и К. Г. Реншельд 11 февраля 1714 года обратились к канцлеру Головкину с письмом, в котором просили «заступить» за этих офицеров перед Его Царским Величеством и освободить их «из смрадной тюрьмы», так как они уже пострадали за этих «грубых злодеев». Несколькими месяцами ранее, пытаясь предотвратить подобный исход, граф Пипер писал в Швецию, чтобы там ускорили возвращение Вахмейстера и Брёмсена, но, как позже говорил Брёмсен, «король приказал нам остаться». Трагическое окончание всей этой истории можно найти в мемуарах камер-юнкера герцога Голштинского Фридриха Берхгольца. Уже после заключения Ништадтского мира на одном из обедов у герцога, который был известен своим подчеркнутым вниманием к бывшим пленникам⁶⁰, присутствовал полковник Морат, который был среди поручившихся за подполковника Брёмсена и провел, как оказалось, шесть лет в тюрьме.

Проблема невозвращения пленников к положенному сроку была настолько острой, что Петр не раз обращался к графу Пиперу, а через него и к королевским советникам с угрозами о прекращении отпуска военнопленных. И действительно, с течением времени русские все реже и реже отпускали каролинов «на кароль» или «на поруки».

Для некоторых пленных был еще один способ освобождения — отпуск на родину по просьбам «особых» лиц. Царь

Петр охотно отпустил на свободу тех каролинов, за которых просили коронованные и высокопоставленные особы иностранных государств. Как правило, такое освобождение происходило без каких-нибудь дополнительных условий и особых задержек: как только пленного «находили», его тут же отправляли в Москву или в Санкт-Петербург, а оттуда домой. Так, были удовлетворены просьбы прусского короля, майнцского курфюрста, ганноверского курфюрста, брауншвейгской герцогини Софии и пр. Среди просителей было немало частных лиц, в частности баварский барон Эйхгольц, баронесса Ингрэн из Карлсбада и другие иностранцы, так как в шведской армии служили подданные практически всех европейских стран.

Удивительно, но были случаи, когда русские отпускали пленных по просьбе шведского короля. В октябре 1713 года Карл XII обратился с просьбой об отпуске зятя его генерал-адъютанта поручика Ганса Фридриха Цабелтица. Поручик был пленен под Полтавой и содержался в Вологде. Высочайшим повелением была дана резолюция: «Отпустить без размена». Ранее по просьбе шведской королевы (бабушки) был отпущен из России жених одной из ее придворных дам ротмистр Розенган.

Была одна группа пленных каролинов, которая получила возможность уехать домой до окончания войны. Это — жители прибалтийских провинций. Удачные военные операции русских войск в данном регионе в 1710–1711 годах закончились присоединением новых территорий. Петр начал отпускать местных уроженцев из плена, особенно если они обещали подумать над предложением о поступлении на военную или гражданскую службу к новому правителю. Так поступили упомянутый А. С. Пушкиным в поэме «Полтава» генерал В. А. Шлиппенбах и полковник барон Нирот. Впоследствии они много сделали для того, чтобы вызволить из плена и пристроить на новую службу своих соотечественников ливонцев и эстляндцев.

На этом фоне неоднозначные чувства вызывает жесткая позиция шведских властей, в первую очередь самого Карла XII. Ни хлопоты, ни слезные прошения и увещевания родственников не смогли поколебать его непреклонности — ни

в коем случае не отпускать русских генералов. Вместе с тем со временем он все же несколько «смягчился» и разрешал приезд «в гости» в Швецию родственников пленных и близких друзей.

Много усилий к освобождению брата приложили известные дипломаты и политики петровского времени князя Долгорукие. Под их давлением царь согласился выделить из казны довольно крупную сумму для выкупа из плена Якова Федоровича. Весной 1708 года через иностранных купцов и русских посланников в Берлине и Гааге в Амстердам было переведено 10 000 ефимков. Но эта сумма оказалась меньше необходимой, и Долгоруким пришлось самим искать деньги, которые, вероятнее всего, предназначались для некоего высокопоставленного лица в качестве благодарности за услуги определенного рода. Но задержки и возможная огласка напугали его, он пошел на попятную, и обмен не произошел.

Но пожалуй, самыми трагическими были попытки освобождения царевича Александра Имеретинского. Положение царевича Александра было особым. Шведы выделяли его как представителя одной из царствующих династий. Королевские советники по заступничеству вдовствующей королевы и принцессы Ульрики-Элеоноры часто соглашались на удовлетворение его просьб. Например, ему разрешили совершать прогулки в королевском саду, дали согласие на приезд родственников, священника и слуг, удовлетворили просьбу о предоставлении учителя французского языка и преподавателя фортификации. Он получал книги из дома и работал над изготовлением грузинского шрифта. Ходили слухи о том, что он был запросто вхож в королевский дворец и бывал на приемах.

Его отец, царь Арчил II, без устали писал письма во все инстанции: к русскому царю и шведскому королю, королевеве-бабушке и принцессе, министрам и царедворцам, — с одной просьбой: освободить его единственного оставшегося в живых сына. Но судьба была жестока к нему и к царевичу: все запланированные обмены срывались. Последний по времени вариант обмена, согласованный к концу 1710 года, казалось, был самым надежным. Шведские и русские власти приняли решение о размене царевича Александра и князя Трубец-

кого на графа Пипера, а Головина и несколько офицеров на фельдмаршала графа Реншельда. В конце осени 1710 года царевича и прочих генералов отправили ближе к границе в сторону Або вдоль побережья Ботнического залива, где и должен был произойти обмен.

Достигнув небольшого города Питео, пленные вынуждены были задержаться по решению местного губернатора графа Лёвена, который ссылаясь на свирепствующую в регионе чуму. Огорченный промедлением, недомагавший царевич Александр не вынес нервного напряжения и 3 февраля 1711 года скончался в возрасте 37 лет. Хилков писал в отчете, что царевич болен был 32 дня и «мора здесь нигде нет» и что губернатор Отто Вильгельм Лёвен, «мстя за то, что его дети на Руси в неволе», задержал всех, после чего принц «впал в великую печаль и из той печали припали те его болезни».

Но это еще не конец истории. Даже мертвый царевич продолжал оставаться заложником большой политики, военного противостояния двух держав; несколько месяцев русские власти не могли добиться отпуска его тела на родину. Отец его, царь Арчил Вахтангович, не перенес горя и умер в 1713 году.

Одним из самых безнадежных на первый взгляд казался размен содержащихся в плену резидентов. Тем не менее в 1707 году Петр отпустил Томаса Книперкрону на родину, в последний момент подстраховавшись и оставив в России его жену и трех дочерей⁶¹. Зачем русские власти сделали это? Скорее всего, причина заключалась в том, о чем Хилков неоднократно предупреждал Москву: Книперкрона, как и сам русский резидент, был источником разведывательной информации. Он, по заявлению князя, был главным вражеским агентом, имевшим широкую шпионскую сеть, на содержание которой тратил большие средства, приходившие из Стокгольма. Чаше всего именно от него шведские власти узнавали о нарушениях и проблемах в содержании пленных каролинов, что автоматически приводило к ужесточению политики по отношению к русским пленным.

Между тем дело об отпуске самого Хилкова стояло на месте. Королевские советники предпочитали отмалчиваться на все предложения царя, который, например, объявил

о своей готовности обменять резидентов уже через неделю после начала войны. Лишь один раз шведы сделали встречное предложение. В октябре 1709 года Цедергельм привез из Стокгольма имя кандидата, который мог бы стать визави резидента при обмене. Им должен был стать государственный секретарь, философ и литератор Олоф Гермелин. Узнав об этом, Андрей Яковлевич с гневом написал совету о том, что они не только задерживают его отъезд⁶², но и решили разменять на человека, которого «на Руси нет». В дальнейшем все возникающие время от времени варианты возможного отпуска русского резидента Хилкова не имели никакого серьезного развития.

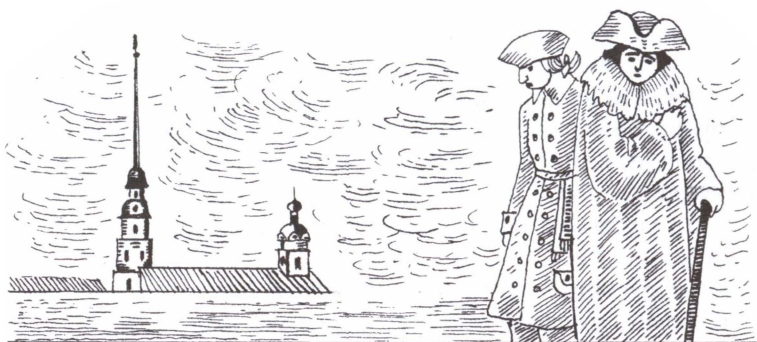
Для всех форм отпуска существовали особые и общие процедуры, которые проводили местные власти, а контролировали уполномоченные представители пленных. В частности, отбор кандидата на обмен обязательно сопровождался врачебным осмотром, так как обе стороны не хотели отпускать на свободу молодых и здоровых пленников. И Петр, и Карл выпустили специальные указы, которые предписывали выбирать тех, кто «постарей и поплоше». Например, капитана Меландера отпустили в Швецию в 1717 году, так как у него была «французская болезнь»⁶³, а на ногах — незажившие раны.

И все же спустя некоторое время пленные научились обходить это требование. Осмотр в Правительствующем Сенате подробно описал в своих мемуарах поручик Густав Абрахам Пипер, племянник графа Пипера. Последнее обстоятельство и, конечно, необыкновенная удачливость помогли ему не только уехать из Тобольска в Москву в 1713 году, но и под чужим именем выставить свою кандидатуру на обмен. «Получив приказание явиться в Сенат на осмотр, мы вспомнили совет коменданта казаться как можно более жалкими». Для большего впечатления автор «одел тулуп, подпоясался грязным полотенцем, счесал волосы на лицо». Кроме того, «опираясь на палку, я хромал», — писал Пипер. И результат был достигнут — в июле 1715 года он вернулся на родину.

Было еще одно обязательство, которое нарушали все пленные, оказавшиеся на свободе. Это было обещание не поступать вновь на военную службу, которое фиксировалась

подписью на специальном реверсе. Иногда, в частности со шведских пленных, в присутствии пастора брали устное обещание. Вот как выглядел стандартный реверс, в данном случае подписанный 14 октября 1714 года Я. Ф. Лихтенбергом, отпущенным на родину по просьбе курфюрста бранденбургского: «Понеже его царское величество меня ниже именованного по высочайшей милости освободить изволили, того ради в глубочайшей подданности за оное благородство реверзуюсь сим, что, пока я жив, против его царского величества и союзников его служить не буду, но ныне оказанную мне высокую милость всегда с благожеланием напоминать буду».

Иногда складывались трагикомические ситуации, как это произошло с англичанином полковником Джеймсом Прендергастом. Он был взят в плен под Нарвой, но заявил шведским властям, что оказался там только из любопытства. При помощи английского резидента в Швеции Робинсона в 1703 году ему удалось освободиться с обещанием не воевать против Швеции. Но спустя некоторое время он вновь оказался на русской службе и был захвачен в плен шведской эскадрой. В прошении Карлу XII он пожаловался, что был вынужден нарушить обещание «из бедности». Любопытно, но шведские власти его вновь отпустили.

30 августа 1721 года уполномоченные представители России и Швеции в небольшом шведском городке Ништадт⁶⁴ подписали мирный договор, в 14 пункте которого судьба военнопленных определялась следующим образом: «С обеих сторон военные пленники, какой бы нации, чина и состояния ни были, имеют тотчас по воспоследованной ратификации сего мирного трактата без всякого выкупа, однако ж когда всякий наперед либо во учиненных каких долгах, или разделку учинит, или в платеже оных довольственную и справедливую поруку даст, из плена освобождены, на совершенную свободу выпущены и с обеих сторон без всякого задержания и в некоторое уреченное по расстоянию мест, где оные пленники ныне обретаются, пропорциональное время до границ с надлежащими подводами безденежно по возможности провождены быть».

Этим договором Россия и Швеция не просто провозгласили свободу пленных с обеих сторон, но и перечислили основные условия отпуска и принципы организации отправки их на родину.

В России все пункты Ништадтского мира вступили в действие после его ратификации 9 сентября 1721 года. Приблизительно в это время ратификация произошла и в Швеции. Но пленникам вновь пришлось ждать: власти обоих государств спешно разрабатывали и утверждали дополнения и уточнения по конкретным статьям. В частности, Петр после совещания с сенаторами 16 октября 1721 года приказал:

- тех, кто принял православие и принес присягу на верность, не отпускать на родину;

- тех, кто в плену женился на русской подданной, но веру православную не принимали, отпускать сроком на один-два года, и, если они не вернутся, считать жен свободными от мужей;

- отпускать на родину всех, кто не поступал на личную службу;

- тех русских, кто будет удерживать у себя шведов и препятствовать их освобождению, наказывать.

Вся эта дополнительная деятельность была связана с конкретными обстоятельствами пребывания пленных, а также обозначила некоторые проблемы, с которыми пришлось им столкнуться при возвращении домой. За тем, чтобы все условия мирного соглашения соблюдались в полном объеме, тщательно следили уполномоченные представители. Работу Фельдт-комиссариата в этот момент возглавил специально присланный шведским правительством барон Герман Цедеркрейц. Но на деле большую часть практической деятельности взял на себя сын бывшего шведского резидента в России Томас Книперкрона (полный тезка отца). Конкретные вопросы, связанные с выездом из мест ссылки, решали ольдерманы. В частности, организацией возвращения рядовых пленных из Сибири занимался капрал Брур Роламб, а задерживаемых по тем или иным причинам офицеров — ротмистр Георг Стернгоф.

С русской стороны после отъезда генералов интересы пленных представлял майор Григорий Фустов, но основная нагрузка легла на Военную коллегия в Санкт-Петербурге, которая организовывала все стадии отъезда и контролировала соблюдение всех оговоренных условий. При необходи-

мости для решения спорных и сложных вопросов прибегали к помощи Сената и самого Петра.

Порядок отъезда был достаточно четко организован и довольно однотипен для России и Швеции. На местах пребывания пленных местные власти или сами пленные формировали группы, списки которых передавались в соответствующие инстанции. На основании этих списков выделялось необходимое количество транспортных средств и денег на дорогу, а также начиналась процедура оформления необходимых документов. Сформированные группы после соответствующего приказа отправлялись в столицы Санкт-Петербург и Стокгольм, но не только. Каролины, особенно в первые месяцы после заключения мира, когда поток возвращающихся домой был большим, получали отпускные документы еще и в Москве. В Швеции полномочиями выдачи отпускных документов русским были наделены также губернаторы прибалтийских областей. Обязательной процедурой для всех пленных была проверка на соответствие условиям отпуска на свободу. Если никаких поводов для задержания не обнаруживалось, пленник получал выездной паспорт и мог следовать на родину.

Весь этот процесс занимал довольно длительное время, так как на каждом этапе возникали трудности, вызванные как объективными, так и субъективными причинами. Остановимся на некоторых из них более подробно. Первая, объективная трудность была связана с удаленностью некоторых мест ссылки военнопленных. Например, каролины в Сибири узнали о заключении мирного договора только через несколько месяцев: в Солевычегодске плакат с условиями мирного договора обнародовали 5 октября 1721 года, в Соликамске — 27 октября, а в Тобольске — только 5 ноября. Но получение этого долгожданного известия еще не означало, что пленные могут немедленно покинуть место ссылки; необходимо было дождаться дополнительных решений центральных и местных властей. Только 20 декабря 1721 года новый сибирский губернатор князь М. А. Черкасский подписал указ о том, каким путем отправлять каролинов, сколько денег и лошадей выдавать на дорогу.

Первыми на родину отправились офицеры и их семьи. Хотя официального деления групп на офицерские и рядовые не было, но, вероятно, в этом случае определенную роль сыграло более свободное положение офицеров в ссылке. Возвращение основной части рядового состава растянулось на долгие годы и сопровождалось большими трудностями. Там, где ольдерманы заранее озаботились составлением списков рядового и унтер-офицерского состава каролинов, проблем удалось избежать. Например, капрал Б. Роламб еще в 1720 году составил список пленных, которые работали на металлургических заводах, расположенных южнее Верхотурья. Эта предусмотрительность помогла им без задержки отправиться домой. Столь же удачно прошло возвращение на родину рядовых, которые работали на строительстве новой русской столицы Санкт-Петербурга. И все же большая часть рядовых и гражданских пленных, как шведских, так и русских, вернулась на родину значительно позже своих командиров. Этот факт хорошо заметен по тому, когда рассматривались в правительственных инстанциях их прошения о материальных выплатах за годы, проведенные в плену. В частности, документы некоторых русских пленных попадали в соответствующие инстанции уже после смерти Петра I, во время правления Екатерины I, Петра II и даже Анны Иоанновны.

Очевидно, что каролины из центральной части России вернулись домой раньше, чем их товарищи, возвращающиеся из Сибири. Русские пленные «выходили из плена» быстрее своих визави, что объясняется не какой-то особой расторопностью шведских властей, а всего лишь меньшим их количеством и малой удаленностью мест ссылки. Основной поток пленных с обеих сторон пришелся на конец 1721 — первую половину 1722 года.

Шведские и русские власти много времени потратили на согласование организационных вопросов. Особенно ожесточенными были споры о финансовом обеспечении. В соответствии с исторической практикой предполагалось, что все расходы, связанные с отъездом, должно нести отправляющее правительство. Но русские власти, понимая, какой неподъемный груз может лечь на государеву казну, заявили протест. Представители Фельдт-комиссариата, лучше представляя ре-

альную обстановку, чем стокгольмские власти, предложили сохранить это требование только для рядового состава военнопленных. Потребовался целый ряд специальных консультаций, чтобы взять за основу следующий порядок: прогонные деньги до Москвы и Санкт-Петербурга выделяет русская казна, а все прочие расходы несет шведское правительство.

Довольно скоро обнаружилось, что каролинам катастрофически не хватает денег: чем дальше они продвигались на запад, тем острее ощущался их дефицит. Часть офицеров имела собственные средства или занимали их по дороге, но для большинства пленных дорога домой оказалась серьезным испытанием. Кроме естественных трудностей, связанных с преодолением многокилометрового пути, в дороге возникали и сложности субъективного характера. Они были связаны с отношением к шведам местных властей и населения. Очень остро стояла проблема снабжения транспортом. Пленные в один голос жаловались, что, отказывая в выдаче им лошадей, население просто вымогало взятки. Но нельзя не принимать во внимание то, что пленных было очень много, а возможности жителей ограничены, и, следовательно, возникающие затруднения вполне могли носить реальный характер. Жаловались каролины и на то, что жители скрывали от них продукты или искусственно завышали их стоимость. Фельдт-комиссариат не раз выражал обеспокоенность произволом охраны, которая устраивала бесконечные обыски жалкого имущества каролинов, что грозило обернуться для них потерей последнего. Не случайно, что в этот период выросла смертность среди пленных. Барону Цедеркрейцу пришлось неоднократно обращаться к русским властям для того, чтобы исправить ситуацию.

Но, как оказалось в дальнейшем, не меньшие проблемы ожидали пленных во время ожидания выездных документов. Не только русские власти, но и шведское правительство не смогли справиться с огромным потоком возвращающихся каролинов. Денег, поступавших из Стокгольма, было мало, а ожидание документов могло затянуться на несколько недель.

Проживание в столичных городах обходилось очень недешево. Сами пленники записали в дневниках, что в это вре-

мя квартира в столице стоила от 60 копеек до 1 рубля в месяц, на питание уходило 3—4 копейки ежедневно, а ведь нужно было еще покупать одежду, лекарства и прочие необходимые вещи. Плачевное состояние находившихся долгие месяцы в Москве и Санкт-Петербурге каролинов могли наблюдать многие иностранцы. Камер-юнкер Ф. Берхгольц записал в дневнике: «Все они... в таком бедственном состоянии, что и сказать нельзя... Бедные старые офицеры, которые оказали столько услуг отечеству и расстроили свое здоровье, с трудом пришедшие сюда из отдаленных губерний, как-то: Астрахани, Сибири и т. д., и истратив по пути все, что еще имели, должны ждать еще несколько недель, даже, может быть, несколько месяцев, для получения нужных им паспортов, — и все только от того, что некому об них заботиться... их скорее можно принять за нищих, чем за офицеров».

Пытаясь каким-нибудь образом улучшить ситуацию, Королевский совет даже хотел изъять необходимую сумму из компенсации, которую Россия должна была выплатить Швеции по условиям Ништадского мира⁶⁵, но решение так и не было принято. В результате Цедеркрейц и Книперкрона значительно превысили сумму ассигнованных средств, занимая деньги у московских купцов и банкиров. На помощь приходили иностранцы, тот же герцог Голштинский не только раздавал деньги, но и довольно часто приглашал пленных на обеды в свой дом. Даже царь Петр несколько раз выдавал бывшим противникам одежду и небольшие суммы денег.

Русские власти, особенно в первые месяцы после начала выезда пленных, тщательно разбирали «дело» каждого каролина. Особенно их интересовало, менял ли он вероисповедание и поступал ли на русскую службу. Несколько недель чиновники собирали сведения с мест. В конечном итоге после изучения всех выписок принималось решение: отпустить домой или задержать. При благополучном исходе дела бывший пленник получал в полиции паспорт и мог ехать на родину.

Одной из частых причин задержки с отъездом на родину были долги. Но со временем русские власти, столкнувшись с большим количеством должников, которые не могли сию минуту «очиститься», значительно смягчили первоначальную установку. С середины 1722 года на документах все ча-

ше стала появляться резолюция: «Денег не возвращать, отпустить в отечество». Столь же гуманно поступали и шведские власти. И все же появились спорные дела о возврате пленными долгов. Например, ротмистр Курк в 1722 году подал жалобу на имя русского императора, что в 1710 году перед отъездом из Стокгольма в Москву ротмистр Олимпий Толбузин занял у его матери 9 рублей 20 алтын, пообещав, что отдаст деньги ему в Москве, но до сих пор этого не сделал.

Дополнительное внимание властей потребовалось, когда встал вопрос о возвращении пленных, отбывавших наказание за какое-нибудь преступление. Например, ротмистру Г. Стернгофу пришлось оплатить штрафы тех, кто занимался незаконным корчемством. А Томас Книперкрона принял активное участие в судьбе капитана Г. Ф. Гюнтерфельта и фенрика М. Синклера, находившихся в тюрьме за убийство шведского дезертира, поступившего на русскую службу. Дополнительные усилия потребовались и для освобождения русских пленных из шведских тюрем.

Непростым было возвращение каролинов, которые поступили на русскую службу и принесли присягу. Принятый 21 октября 1721 года именной указ обязывал тех, кто поступил на гражданскую или иную службу, «дорабатывать урочные годы». Русские власти были заинтересованы в том, чтобы они оставались в России, что подтверждает царский манифест, появившийся на свет уже в самом конце войны и обещавший им ряд привилегий. Когда же стало понятно, что желающих не так много, как хотелось бы, власти стали искусственно затягивать освобождение этой категории каролинов. В особенно тяжелом положении, как свидетельствуют многочисленные источники, оказались солдаты и офицеры трех немецких драгунских полков, которые сразу после пленения под Переволочной перешли на русскую службу. К описываемому периоду они служили в Астраханском гарнизоне. Пытаясь заручиться поддержкой шведского правительства, их представители 15 июня 1722 года подали через Книперкрону заявление, что «вступили они в русскую службу из-за тяжелой участи и вреда Швеции не нанесли, а в основном воевали с калмыками». После этого последовали многочисленные ходатайства представителей Фельдт-комиссариата и Коро-

левского совета в Сенат и Военную коллегию, но они долгое время не приносили положительных результатов. В конце концов их все же стали отпускать на родину, хотя и очень медленно; к концу 1725 года около 500 драгун ожидали освобождения.

Но особенно много усилий со стороны шведских властей потребовало возвращение военных и гражданских пленных, которые были в частном владении, а таких было довольно много. Несмотря на то что в дополнениях к Ништадтскому миру было приказано под угрозой штрафа отпускать военнопленных, их владельцы явно не торопились этого делать. Потребовались новые распоряжения. Одним из первых был сенатский указ от 11 февраля 1723 года «Об отправке в Швецию пленников, живших у помещиков». Появлению этого документа предшествовали неоднократные жалобы барона Г. Цедеркрейца на то, что некоторые помещики, пытаясь оставить пленных у себя, подвергали их насильственному крещению «уже после заключения мира». Шведские пленные, к слову, были практически в каждой дворянской семье, в том числе у высшей аристократии. Примеры говорят сами за себя. Князь Меншиков отобрал паспорта у семерых музыкантов, находившихся у него «в партикулярной службе», дворянин Синявин отпустил две семьи, «а денег и писем в дорогу не дал». Граф Апраксин «приказал 40 человек гнать 700 (!) верст и стегать кнутом». Нарушения были настолько очевидными, что грозили вызвать неудовольствие в Швеции.

Пытаясь разрядить обстановку, русские власти 6 марта 1723 года ужесточили ответственность частных лиц за утаивание каролинов — «некрещеных отпускать под угрозой потери движимого и недвижимого имущества». Но и эта мера не оказала заметного влияния, о чем сообщалось в мемориале шведских представителей от 25 апреля этого же года. Рассмотрев это заявление, Сенат принял решение о проведении тщательного расследования, которое, впрочем, принесло мало результатов: большинству помещиков удалось доказать, что пленные давно приняли православие и живут у них добровольно.

Посол в Стокгольме М. П. Бестужев-Рюмин 18 ноября написал в Санкт-Петербург, что шведские министры проявля-

ют недовольство по поводу неудовлетворительной деятельности русских властей по освобождению военнопленных. Сенат и сам Петр отнеслись к этому известию очень серьезно, и 20 января 1724 года вышел указ Его Императорского Величества об освобождении всех категорий пленных, кроме тех, кто находился на службе. Данное распоряжение не касалось перешедших в православную веру пленных, если не было доказано, что они были принуждены к этому силой и уже после подписания мирного договора.

Не исчезали проблемы у пленных и после возвращения на родину. Первое и главное, что их интересовало, — это скорейшее получение жалованья, которое им не доплатили во время их пребывания на чужбине. Просили они и о выдаче определенной компенсации «за полонное терпение». А купцы просили хотя бы частично возместить понесенные убытки, которые, как правило, были результатом конфискации их имущества. Потери их могли быть довольно большими, о чем, например, свидетельствует прошение от новгородского посадского человека Елисея Федорова, у которого были изъяты в шведскую казну личные иконы и товары. Среди них были иконы и меха, железо в прутьях и слитках, холсты и шубы, хрустальная и медная посуда и даже лимоны. Всего на сумму 4157 рублей 4 алтын 2 деньги».

А когда он, разоренный, как писал, «без остатку», вернулся домой, то выяснилось, что в его отсутствие дому был нанесен ущерб стоявшими на постое солдатами Преображенского полка. Мало того, после них там жил некий водочный мастер, который регулярно избивал его жену. Обратившись с челобитной к царю, Федоров попросил дать ему в качестве возмещения таможню и кабак «на крутецком яму» на пять лет и позволить «вино курить». Петр за «его великое разорение и полонное терпение» удовлетворил просьбу.

Иногда в качестве вознаграждения за годы, проведенные в неволе, власти могли пожаловать бывшего пленника повышением по службе. В 1711 году в Канцелярию Правительствующего Сената явился прапорщик Никита Меньшиков и рассказал, что в 1705 году в одном из боев был взят в плен в Колывани, откуда его отправили в Стокгольм. Находился он там шесть лет и «принимал великую нужду».

В июле 1711 года ему посчастливилось бежать вместе с князем Я. Ф. Долгоруким. Члены Сената «приговорили его, Никиту, за его полонное терпение написать в капитаны» и дать ему соответствующее жалованье.

Вот как выглядел столь долгожданный документ, который давал право пленному на возвращение домой к родным и близким: «По указу Всепресветлейшего и державнейшего Петра Великого императора и самодержца всероссийского и прочая, и прочая, и прочая. Объявитель сего его королевского величества шведского адъютант Барсфельт родом из Тюренгена, который в прошедшую войну был взят в плен. Ныне по учиненному с короной шведской вечного мира отпускается в свое отечество. Оного везде пропускать без задержания. А ежели он пожелает жить в российском государстве где-нибудь в какой службе или у кого в услужении, ему по этому указу дается в том воля. Но явиться ему и записаться надлежит, а не записавшись в российском государстве не жить. Дан в Москве 26 апреля 1722 года. Иван Лихарев, секретарь Семен Попов № 1860. 1724 27 июня. Сей указ в московской полицмейстерской канцелярии об отъезде явлен и записан № 89». Шведский паспорт русских пленных был практически идентичен по содержанию.

История Северной войны не сохранила, да и не могла сохранить, имена всех, кто был в плену. И все же некоторые из тех, чья деятельность в суровых условиях военного времени сыграла большую роль в жизни пленных и оставила заметный след в истории России и Швеции, достойны особого упоминания..

Тайная война резидента Хилкова

Незаслуженно мало написано о том, как сложилась судьба князя Андрея Яковлевича Хилкова после того, как он оказался заложником большой политики и провел долгие годы в плену в Швеции. С XIX века по справочникам и энциклопедиям «гуляют» даже неверные дата и место смерти русского резидента. В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона, Большой советской энциклопедии, не говоря уже о прочих, написано, что А. Я. Хилков умер в 1718 году в Вестеросе, что является абсолютной неправдой⁶⁶. Вместе с тем

есть немало данных о том, что это событие произошло в Висингсборгском замке на острове Висингсё 7 ноября (8 ноября по шведскому календарю) 1716 года и стало результатом обострения водянки. А в 1718 году, на который ошибочно ссылаются авторы, его тело доставили в Санкт-Петербург и по приказу царя захоронили в Александро-Невской лавре. Такое невнимание и «легкомыслие» потомков хотелось бы исправить — ведь князь Хилков много сделал и для своих товарищей по плену, и для Отечества.

Обстоятельства того, как представитель одной из аристократических русских фамилий стольник князь А. Я. Хилков оказался в Швеции, уже известны, как, впрочем, и то, что по приказу короля Карла XII русский резидент был арестован, а его имущество конфисковано. В этом нет ничего удивительного; точно такая же участь постигла шведского резидента в Москве Томаса Книперкرونу. Впоследствии власти обоих государств, особенно шведские, будут тщательно придерживаться принципа взаимности в режиме содержания резидентов. Дополнительным фактором, усугубившим положение Хилкова, стало то обстоятельство, что король объявил его ответственным за решения царя, как, впрочем, и за все проблемы, которые возникали у пленных каролинов в России.

С началом войны объем работы русского резидента стал очень большим — от его активности зависела судьба более сотни интернированных гражданских лиц. «Великая теснота, нужда и печаль» требовали принятия незамедлительных мер. Во-первых, следовало получить официальное разрешение от шведских властей на переписку с Москвой. Практически все, что Хилков пробовал отправлять на родину до этого, изымалось и оседало в архивах Кансли-коллегии. Во-вторых, наладить процесс перевода и получения денежных средств из России. В-третьих, добиться возможности для себя и прочих пленников, среди которых было несколько состоятельных купцов, самостоятельно совершать покупки.

В середине февраля 1701 года, получив соответствующие указания от короля, шведские власти разрешили переписку с Россией. Благодаря этому до нас дошло довольно много писем Андрея Яковлевича, после прочтения которых перед

нами предстает удивительно деятельный человек. Очевиден и тот факт, что не все письма приходили в Россию легальным путем; со временем Хилков нашел тайные каналы и способы передачи информации, в том числе разведывательного характера, в Москву. Кроме того, с 1701 года он начал широко применять шифр — «секретную цыфирь» и симпатические чернила, пользоваться которыми его научили в Посольской канцелярии еще до отъезда⁶⁷. Уже в ноябре в его письмах Ф. А. Головину появляется приписка с указанием, что его письма надо «поджаря смотреть» между строчками и пустой частью листа⁶⁸.

В первые месяцы после ареста одним из официально разрешенных шведами каналов отправки писем из Швеции в Россию было посольство Бранденбурга в Стокгольме. Именно туда Кансли-коллегия передавала русские письма после внимательного прочтения. Но наиболее интересная информация о русских пленных, о делах в Швеции и о планах противника приходила в Москву по тайным каналам через Данию. В 1700—1707 годах Россию там представлял Андрей Петрович Измайлов. На его имя стекалась информация из всех источников: от армянских и русских купцов, от шведского королевского церемониймейстера Спарвенфельда и от всех остальных, кто не остался равнодушным к тяжелой участи пленных. Нередко письма писали практически «на деревню дедушке» — так, как это было в феврале 1701 года, когда Измайлову из датской канцелярии переслали письмо, подписанное по-русски «отдать московскому послу». Автор его — купец из Устюжны Железнопольской Митрофан Антипин сын Орлов написал из Стокгольма о том, «какая Хилкову теснота и какие делают триумфы и как нас ругают».

Решающая роль купцов в передаче писем и организации поступления денег, скорее всего, и была причиной того, что Хилков неоднократно обращался в совет с просьбой не высылать «купеческих» людей из Стокгольма. В письме Головину он высказывается совершенно определенным образом, что если их «вышлют... то невозможно будет тебе писать, и так пишем в великом страхе».

С самого первого дня в плену материальное положение самого резидента и его штата было очень непростым: конфи-

скация денег, серебра и мехов больно ударила по его финансовой состоятельности.

Несмотря на все попытки, он так и не смог вернуть их в полном объеме. В 1705 году он написал в Москву, что все «деньги и серебро переделано в их деньги», а чуть ранее он заметил, что часть «соболей и парчей венецких взяла на себя королева старая (бабушка Карла XII — Гедвига-Элеонора Шлезвиг-Гольштейн-Готторпская. — *Г. Ш.*)». В конечном итоге его настойчивость и помощь Спарвенфельда привели к тому, что в мае 1707 года Штатс-контора выплатила ему компенсацию за утраченное имущество — 2967 далеров.

Описывая свое бедственное положение, Хилков писал на родину, что уже много месяцев ест только «хлеб и кислый напиток», и жалобы его от письма к письму становились все более горькими и пространными. Со временем это привело к ответному ужесточению положения шведского резидента Книперкроны, который в первые годы плена не испытывал практически никаких трудностей. Его оставили жить в палатах, расположенных между Тверской и Малой Никитской улицами, сохранили имущество, позволили выезжать на церковные службы и навещать своих соотечественников. Но уже в сентябре 1704 года Книперкроне объявили «в приказе», что, если к ноябрю Хилкову не вернут вещи, «шведский двор продадут».

Материальное содержание резидентов и их штата было обязанностью государств, интересы которых они представляли и защищали, даже находясь в плену. Россия и Швеция по-разному справлялись с этой задачей: шведы — довольно успешно⁶⁹, а у русских властей было немало проблем. А между тем помощь соотечественникам и содержание большого количества людей в своем доме требовали постоянного притока средств. При Хилкове постоянно жили переводчик, два писца, священник, семь-восемь слуг, повар, управитель, а также соотечественники — военные и купцы. Состав мог меняться, но численность (от 12 до 25 человек) неизменно оставалась высокой. «А при мне 25 душ есть и пить хотят», — писал он в Москву 18 ноября 1702 года. Тогда напряженность ситуации в связи с нехваткой средств была отчасти решена после того, как Хилкову выдали жалованье Книперкроны,

которому русские власти выдали такую же сумму в Москве. И все же для того, чтобы выжить самому и прокормить всех, живущих у него, резиденту приходилось постоянно занимать деньги. К началу 1703 года его долг составлял более 6000 ефимков и продолжал расти с каждым месяцем. Круг его заемщиков был очень широк. Среди них были и генералы-пленники, и соотечественники, и иностранцы⁷⁰.

Князья Хилковы были хотя и древним, но небогатым дворянским родом и не принадлежали к российской аристократии, как Долгорукие или Трубецкие: собственные возможности резидента были очень ограничены. Родственники князя, братья Юрий и Михаил Яковлевичи, после того, как из Швеции стали приходить письма с просьбой заложить «последние деревни», чтобы оплатить векселя, стали бить тревогу. Они обратились к царю с просьбой о предоставлении князю Андрею прибавки к жалованью в 200 рублей. Но и это не помогло резиденту выйти из бедственного положения. Обращаясь к Ф. А. Головину, он писал, что близок к полному разорению, а нищета «в самой гроб меня гонит». А между тем деньги необходимы были не только на поддержание определенного образа жизни, но и на оплату услуг шпионов и «нужных» людей, почтовых расходов, в общем, на все, в чем нуждается дипломат в чужой стране, даже находящийся там на положении пленного. Он специально обращал внимание русских властей на то, что его визави регулярно получает из Стокгольма крупные суммы и тратит их в разведывательных целях, нанося ущерб России.

Хилков считал, что у его визави в России гораздо больше возможностей для тайной работы: в 1705 году он с горечью писал о том, что с трудом находит деньги, чтобы платить «проведывальщикам», в то время как «Книперу платят 5000 ефимков ежегодно». Чтобы передавать новости в Стокгольм «мимо русской канцелярии» и остаться в Москве «для шпионства», Книперкрона, по мнению Хилкова, даже просил свое правительство не разменивать его.

Столь же нерегулярно получали свое жалованье и сотрудники резидента, которые вместе с ним испытали все трудности плена, а кое-кто уже не вернулся на родину. В 1708 году умер подьячий Малороссийского приказа Василий Богданов,

а в 1709 — переводчик «со свейского языка» Вилим Абрамов. После их смерти резиденту пришлось не только срочно искать им замену, но и первое время (до 1713 года) выплачивать жалованье новым сотрудникам из своего кармана. Новым подьячим-секретарем стал пленник Федор Герасимов, а функции переводчика полностью перешли Алексею Манкиеву. Второй канцелярист Иван Чередьев, потомственный подьячий и особенно доверенный сотрудник Хилкова, вернулся в Россию с телом Хилкова в 1718 году⁷¹.

Несмотря на все трудности и лишения, князь Хилков всегда помнил о царском наказе «проводывать, что у свеян происходит», и его разведывательная активность держала шведские власти в постоянном напряжении. Практически все его письма содержали информацию, которую можно смело назвать шпионской. Спектр сведений, поступавших от него, был чрезвычайно разнообразен: от того, какую одежду «нынче» носят при шведском дворе, до передвижения войск и прочих военных приготовлений. Хилков высылал в Москву всю печатную продукцию, попадавшуюся ему в руки, в том числе, переводы «ис печатных авизов»⁷² шведских и прочих европейских, передавал даже слухи, делая при необходимости оговорку по поводу их возможной недостоверности. Едва переступив границы Шведского королевства, Хилков внимательно осматривал все вокруг, тщательно фиксируя все, что в преддверии военного конфликта могло быть интересно Петру. В частности, он заметил оборонительные сооружения острова Ваксхолм, прикрывавшие Стокгольм, а находясь в ставке короля в ожидании ответной аудиенции, услышал, что «Каролус» планирует начать выступление из Голштинии через две недели и к нему присоединятся 15 000 лифляндцев⁷³.

С началом Северной войны его информация стала еще более разнообразной; ее внимательно изучали в Посольском приказе и передавали царю. Благодаря ей в Москве узнавали множество важных и интересных деталей. Например, то, что во время сражения шведов с отрядом Огинского 16 декабря 1700 года генерал Реншельд был ранен, а в битве со шведами 19 июля 1701 года «короля польского ранили из пушки». Кроме сообщений из газет Хилков передавал сведения, поступавшие к нему от рядовых русских пленных, которые бы-

ли заняты на коронных работах. Так, от посадских людей, работавших весной 1701 года в стокгольмской гавани, он узнал, что шведы через «курляндские земли» отправляют «24 корабля с 10 000 войска» в Польшу. Хилков понимал, что Москву особенно интересуют данные о военной силе и передвижении противника, и поэтому отправлял всю информацию, которая попадала к нему в руки. Нередко он делал специальные оговорки, выражая сомнение в достоверности тех или иных сведений.

В ряде случаев в потоке стекавшейся к Хилкову информации ему удавалось обратить внимание московских властей на действительно важные вещи. В письме от 9 декабря 1702 года он пересказал свой разговор с русскими купцами. По их словам, «в 27 верстах от Канец» есть Котлин остров, который «кроме лодок ни одно судно обойти не может ради песков и мелкости», и только вдоль берега есть узкий канал. «А если на том острове кто учинит крепость, — писал резидент, — тот будет контролировать прохождение всех кораблей». Этот сюжет приобретает особый интерес в связи с тем, что, как известно, в октябре 1703 года Петр отдал приказ о строительстве небольшого форта на острове Котлин, этот форт в последующие два-три года оказался очень востребован и все время достраивался. Возможно, и письмо пленного резидента Хилкова повлияло на принятие такого решения.

Довольно быстро шведские власти поняли, что в Россию нелегально уходит информация, в том числе разведывательного характера, и передает ее не кто иной, как пленный русский резидент. Стоит отметить, что в самом этом факте не было ничего удивительного: во все времена посольские работники — это «глаза и уши» своих правительств. Тот же Хилков, анализируя сведения, которые получали шведы из России, предупреждал канцлера Головкина, чтобы он проверял переписку голландского посланника в Москве, так как «говорят, что это он написал сюды о Книпере». Указывал резидент, что письма шведского резидента помогают пересылать жители Немецкой слободы и даже переводчик Посольского приказа П. Койет.

Неугасающая активность Хилкова со временем вызывала все большее раздражение властей, особенно после того, как

секретарь Энох Лильемарк, занимавшийся анализом корреспонденции русских пленных, обнаружил, что резидент использует симпатические чернила и тайнопись для передачи секретных сведений в Россию. Впрочем, ему так и не удалось тогда полностью установить шифр, не помогли даже неоднократные внезапные обыски в квартире подозреваемых — резидента и генералов. Тем не менее факт нелегальной переписки был установлен, что привело среди прочего к обострению взаимоотношений Лильемарка с «москвитами». Впрочем, и он платил им тем же. В 1730 году он опубликовал книгу о своей работе в качестве переводчика и дешифратора в годы Северной войны, в которой явственно выказал свое негативное отношение к русским, обвинив их в природной хитрости и коварстве.

Не уменьшилась активность русского резидента и после того, как осенью 1705 года его, как и большинство пленных, в том числе и генералов (кроме Я. Ф. Долгорукого), выслали из Стокгольма. В качестве формальной причины ссылки шведские власти объявили приказ царя, раздраженного несостоявшимся обменом пленных, об отправке резидента Книперкроны и офицеров из Москвы в Казань и другие города. Получив от командира охраны майора Рилкена распоряжение о скором отъезде, Хилков написал 25 сентября 1705 года мемориал в Королевский совет, в котором попросил отложить отъезд на два месяца для того, чтобы получить сведения из Москвы, «верно ли, что ваших выслали». Кроме того, он хотел взять с собой всех тех, кто у него жил (посольских служителей, слуг, военных и купцов), иначе «они могут помереть голодом». Но ни одна из его просьб не была удовлетворена: 3 октября Хилков с четырьмя служителями «на 5 подводах по 2 лошади» отправился в Йёнчёпинг. В этот же день царевич Александр выехал в Линчёпинг, а чуть ранее, 1 октября 1705 года, генерал Трубецкой — в Эребру, генерал Головин — в Арбогу, генерал Бутурлин — в Вестерос, 2 октября генерал Вейде — в Евле.

Царевич прибыл в Линчёпинг 9 октября со своим дворцом Заалом и четырьмя служителями и расположился в двух комнатах королевского замка. После его жалоб на сырость и плохое отопление помещений ему дали комнату, а затем

позволили снять дом около кирхи. В качестве снисхождения его вернули в Стокгольм раньше всех прочих, в сентябре 1706 года.

Головину также пришлось столкнуться с проблемами жилья, которое ему предоставили в замке Вестероса, куда он прибыл в сопровождении служителей и лекаря Клювера 6 октября. Со временем ему разрешили выходить на прогулки. На холод и плохое освещение жаловался генерал Вейде, которого разместили в крепости Евле, но понадобилось семь месяцев, прежде чем шведские власти разрешили ему сменить жилье. Во время ссылки в Эребру переболел цингой князь Трубецкой, и для него даже пришлось высылать из Стокгольма доктора.

Удивительно, но в этот раз самым благополучным оказалось положение Бутурлина — настолько, что он даже пытался отказаться от предложения властей осенью 1706 года о возвращении в Стокгольм, где, как он писал, была высокая стоимость квартиры.

По прибытии 10 октября 1705 года в Йёнчёпинг в течение нескольких месяцев Хилков не имел никакой связи с Россией. Информационная блокада вынудила Андрея Яковлевича искать новые каналы сообщения с Москвой, и спустя некоторое время он нашел и нанял «человека нароком», которого отправил с письмами к послу Измайлову в Копенгаген. Письмо от 8 июля 1706 года и тетрадь «Во уведомление», исписанная мелким аккуратным почерком с элементами написания некоторых букв по-латыни⁷⁴, стали основными источниками сведений о положении русских пленных, о планах шведского короля и о ситуации в самой Швеции в 1706 году. Благодаря им стало известно, что князь Хилков первые четыре месяца после приезда в Йёнчёпинг не имел права выходить из своей «избы с решетками» — той самой, в которой ранее содержался саксонский генерал барон фон Алларт. Кроме того, местный губернатор получил приказ из Стокгольма никуда не выпускать людей резидента и держать внутри дома караул, а на ночь закрывать двери на замок. 15 декабря 1705 года Хилков написал прошение шведскому королю, в котором жаловался на то, что заперт «в юнчепингском замке... день и ночь». А дыры в окнах таковы, что не только ветер, но «дошь и снег»

в комнаты попадает. При этом от отхожего места, которое «тут же в хоромах есть», распространяется страшная вонь. Хилков настойчиво просил изменить условия содержания, так как он уже «здоровья лишился: дыханья нет... кровь загустела и оцынжал»⁷⁵. В ответ ему было обещано, что, как только придут положительные сведения из Москвы, всех их сразу же вернут в Стокгольм.

Но, как показало дальнейшее, шведские власти не торопились выполнить свое обещание даже после того, как в феврале и марте 1706 года пришли письма от Федора Головина, Луки Долгорукого и некоторых шведских пленных о том, что каролинов вернули в Москву, а содержание их улучшилось. Причин подобной сдержанности совета и короля было несколько, но основной была та, что тайно поступавшие из Москвы сведения опровергали некоторые слова и уверения Москвы. Хилков печально резюмировал в письме: «Худо один нам может делать, а добра и все не могут делать да не хотят». Петр I, желая помочь пленным, предпринял пропагандистский ход. По его приказу «в гамбургских авизиях» была напечатана статья о том, как «правильно» держат шведских пленных. Она возымела определенное действие: резиденту позволили гулять внутри крепости, а слуг стали пускать за продуктами.

Но послабления оказались недолгими. Переводчик В. Абрамов, который был отправлен резидентом в Стокгольм для помощи князю Долгорукому, вернувшись, сообщил Хилкову новость, которая не прибавила ему оптимизма. Шведские власти получили сообщение о том, что шведский пленник по фамилии Бреннер «в железах скован сослан с Москвы в Нижний Новгород», а «простые невольники работают в колодах и корм по 1 грошу и умирают многие».

Хенрик Бреннер был участником персидской экспедиции Людвига Фабрициуса⁷⁶. В 1700 году он возвращался на родину через Россию и был интернирован русскими властями. При нем было обнаружено большое количество бумаг на латинском языке. Его обвинили в шпионаже, после чего посадили в тюрьму. Условия содержания Бреннера были очень суровыми и на долгие годы стали темой обсуждения и основанием для ужесточения положения русских в Швеции.

Эта информация вновь задержала возвращение русских пленных в Стокгольм⁷⁷ и спровоцировала Хилкова написание канцлеру Головкину предложений по содержанию каролинов в России, которые стали бы адекватным ответом на страдания русских. Они, кстати, были настолько жесткими, что он специально попросил Головкина держать их в тайне, так как если узнают, то «ево и иных русских шведы конечно умертвят».

Новый 1707 год генералы и резидент встретили в шведской Столице, и это время было довольно благополучным для них.

В шведских отчетах говорится о том, что русские с октября имели возможность ходить на ужин друг к другу, выходить за покупками, совершать прогулки. Они встречались в церкви и в бане. Приводится пример, что в один из дней февраля 1707 года два генерала, один из которых был Бутурлин, со слугой на запятках и женщиной поехали гулять на санях и чуть было не заблудились.

Лето этого же года для Хилкова было отмечено надеждами на долгожданный обмен, так как Петр выразил готовность отпустить Книперкрону на родину. Хилков 9 августа обратился с мемориалом к Королевскому совету, в котором сообщил, что по указу Петра из Москвы отпущены на размен «чин на чин резидент Книпер, полковник Эншельд» и еще несколько человек «разных чинов» и по сообщению графа Ф. М. Апраксина они уже прибыли в Копорье. Он со своей стороны выразил надежду, что «каникулы не помешают» «высокородным думным превосходительным графам» отправить на границу его самого, подполковника Г. Гордона, майора Воронежского, капитана Рамзе, поручика Евстафьева и прочих, чьи имена написаны «в прожекте». Он был настолько уверен в скором отъезде домой, что не забыл напомнить шведским властям о возвращении оружия и серебряной посуды, отнятой у него при аресте.

Но время шло, отъезд Хилкова из Стокгольма задерживался, а спустя некоторое время стало ясно, что его обмен не состоится, несмотря на то что в начале января 1708 года Книперкрон был уже в Выборге. Мало того, в полученном в Москве официальном мемориале Королевского совета от 10 марта говорилось, что если с Хенрика Бреннера не сни-

мут оковы, то и Хилкова будут содержать так же. Указывая, что русские власти обвиняют Бреннера в передаче тайных сведений, советники писали, что они точно знают, что Хилков занимается тем же. А посетивший резидента секретарь Лильемарк сообщил ему, что если через три месяца не придет положительная информация от самого пленного шведа, то его и вовсе «изничтожат». Столь жесткое обращение было вызвано тем, что вернувшиеся из плена Книперкрона, Эншельд и секретарь Тепати рассказали много неизвестных фактов о положении каролинов в России.

Шведские власти сдержали обещание и вскоре приняли решение о новой высылке части русских офицеров и резидента из столицы. В письме в Москву от 18 мая 1708 года Хилков писал, что ему и Адаму Вейде велено в два-три дня собраться и выехать из города⁷⁸. Предполагалось, что он поедет в небольшой городок Йерпесканс, но там не было условий для охраны, да и граница с Норвегией была близко. В конечном итоге резидент с тремя служителями 14 июня был доставлен в город Эребру. Хилков жаловался, что живет он там «в тесноте и обиде», а продукты дороже, чем в Стокгольме. Тем не менее Манкиев, а спустя некоторое время и он сам получили возможность гулять по территории крепости. Там же продолжилась их совместная работа над историческими записками, в чем смогли убедиться местные власти после проведения внезапного обыска помещений.

Обыски у Хилкова показывали все разнообразие его занятий в плену. В начале сентября 1705 года в поисках шифра охрана обнаружила множество листов в разных папках, среди которых были «музыкальные произведения и схоластические вещи», записки на русском о шведском государстве и завоевании балтийского побережья. Во время обыска комнаты и бани в Эребру в июле 1709 года было обнаружено несколько чертежей и записок. Манкиев объяснил тогда, что это нужно его господину для работы и что они вместе копируют и пишут ночами.

В Эребру князь Хилков получил известие о победе русских войск под Полтавой. Написанная новым канцлером Г. И. Головкиным в ставке Его Царского Величества 14 июля реляция пришла к нему только 11 сентября. Многое из то-

го, что он тогда же узнал, было для него полной неожиданностью. В частности, тот факт, что приехавший в конце августа в Стокгольм королевский секретарь Й. Цедергельм был отпущен из плена «на пароль» для организации переговоров и привез с собой царские мирные кондиции. Как известно, король не пошел ни на какие переговоры, но, пока шла переписка между советом и Карлом, произошло несколько весьма важных событий, свидетельствующих о том, что советники, по крайней мере большая часть из них, были готовы идти на уступки. Первые изменения почувствовал на себе сам Хилков. Губернатор Эребру 15 сентября получил указ, позволяющий русскому резиденту выходить из «шлота» (крепости. — *Г. Ш.*) и ходить гулять на посад под охраной, а также найти лучшее жилье.

Русский резидент продолжал жаловаться в Москву, что о его отпуске шведы «молчат», а предложенный вариант секретаря Гермелина и вовсе неуместен. Он предложил шведским властям отпустить его в Россию для поиска приемлемых вариантов «по моему честному и дворянскому паролю» с гарантией возврата через условленный срок, но получил отказ. Новая надежда блеснула после того, как в Швеции узнали об аресте гарнизона и жителей Выборга в июне 1710 года. Во время встречи в Стокгольме 24 августа граф Вреде сообщил ему, что советники решили отпустить его с тремя служителями «просить об освобождении жителей Выборга и семьи Книпера». Но радость его вновь оказалась преждевременной: шведская сторона запланировала участие Хилкова в переговорах, которые должны были быть проведены на находящихся в море кораблях. Ему оставалось только выразить сожаление, что, если бы его отпустили в Санкт-Петербург, это «было надежнее и быстрее, то и выборгскому гарнизону освобождение быстрее было».

Запланированные переговоры так и не состоялись, а мытарства Хилкова продолжились. По сообщению Алексея Манкиева, после кратковременного пребывания на шведских кораблях резидента отвезли «в финскую землю», поскольку флот вернулся «на зимовье в Свею». Этот рассказ стал частью письма к «сияющей милости» князю Меншикову, в котором Манкиев просил выдать подводы для имуще-

ства, которое резидент, вновь опередив события, отправил с ним через Выборг в Санкт-Петербург. Кстати, эта поездка секретаря создала много проблем для них обоих в будущем, так как не была санкционирована шведскими властями.

Между тем князя Хилкова вывели в Финляндию и держали в Сарви Лаксе, но 11 февраля перевели в имение Веллес недалеко от Або, поскольку губернатор граф Нирот решил, что его надо держать подальше от войск и под надзором, чтобы он не смог «выведовать». Изоляция получилась успешной: поместье находилось в глухом и малонаселенном месте и поэтому резидент со свитой очень скоро почувствовал недостаток не только в общении, но и в пропитании. Туда же 17 февраля привезли генералов Трубецкого и Головина. Вместе с ними было доставлено тело царевича Александра Имперетинского. Спустя несколько недель действия шведов еще более ужесточились: 9 марта явился командующий охраной майор Юленстрем и велел отдать шпаги, но, по словам Хилкова: «Мы отказались». Через пять дней была предпринята повторная попытка, в результате которой были отобраны ружья, но оставлены три шпаги. Русских особенно потрясло то, что шведы забрали даже ружье царевича, которое «было при гробе его».

Чуть ранее, в мемориале к королевским советникам от 18 февраля, Хилков, жалуясь на то, что уже многое время его «волочат... по дорогам», попросил сказать, что с ним собираются делать, «а то со мной будет то, что с царевичем Александром». Этот мемориал вызвал бурную негативную реакцию у членов совета, которые были возмущены тем, что русский резидент, несмотря на помощь, которую ему оказывали, написал «много лжи и неправды», и, по их мнению: «Хорошо было бы князю Хилкову одуматься и познать себя». Резиденту посоветовали воздержаться впредь «от всяких тайных и неудобных переписываний». Уже 29 марта ему и генералам Головину и Трубецкому объявили об отъезде в Умео, 1 мая, как писал Хилков Головкину: «Повезли нас через силу»⁷⁹ и 29 мая переправили «через море... на 7 малых ботах без крышки».

2 июня 1711 года они прибыли в Умео, где их приняли «срамно и бесчестно»: поселили в разные дома, провели обыск, отобрали у всех шпаги и прислали для охраны роту

солдат с заряженными ружьями. Губернатор граф Лёвен угрожал суровым наказанием горожанам, если они будут передавать корреспонденцию русских, а сам уехал с семьей из города, чтобы оградить себя от жалоб пленных. После этого Хилков написал в Москву, что теперь он понимает, почему царевич сказал об этом человеке «злой и лихорадный». 28 октября 1711 года Хилков вернулся в Стокгольм.

Вообще 1711 год был очень напряженным для резидента Хилкова. Бегство князя Долгорукого с большой группой пленных, эпопея с отпуском гроба с телом царевича Александра на родину, карательные меры шведских властей в ответ на массовую высылку каролинов в Сибирь⁸⁰ — вот только несколько наиболее серьезных событий этого года. Между тем в семье Андрея Яковлевича произошла трагедия: умерла его жена Мария Васильевна и единственная дочь осталась «в сиротстве». Сам же он после очередной неудачной попытки обмена на семью Книперкроны и секретаря Дюбена впал в «глубокую печаль и расстройство». В конце 1712 года обострилась болезнь Хилкова, да так, что он в письме Головкину от 1 февраля 1713 года написал, что уже 9 недель находится в постели и что «от несносных болезней и печалей без всякой кому из того пользы» умрет.

Тем не менее он продолжил выполнять свои функции, которые по-прежнему были самые разнообразные. Например, он обратил внимание королевских советников на нарушения, которые происходили в «городе Гевельской провинции», когда бургомистр русским работным людям «делал обиды: держал тесно, на работу неволею гонял и бил, и корм королевский алтын в день... удерживал и не давал год с лишним, и пособие отнимал». Благодаря его вмешательству из Стокгольма прибыл специальный фискал, и нарушения прекратились. В феврале 1713 года вместе с телом генеральши Головиной он отправил на Русь списки русских пленных, находящихся в Швеции, сделанные местными властями. Но разведывательная деятельность по-прежнему была приоритетной для Хилкова и его ближайшего окружения.

В связи с усилением внимания Петра к гражданскому строительству кроме политических и военных сводок из Швеции стали поступать сведения об устройстве государ-

ственных органов. Например, по заданию резидента Манкиев составил и отправил в Москву список недавно назначенных шведских губернаторов, омбудсменов в коллегиях, военных чинов и священников. Он же информировал о причинах расширения Канцелярии совета.

Причиной очередной высылки части русских пленных из Стокгольма стали сведения о том, что каролинов отправили в Сибирь. Хилкова отправили в мае 1713 года в город Вестерос, а вернувшийся в ноябре 1714 года «из нехристианских стран» Карл XII категорически потребовал, чтобы к русским пленным по-прежнему проявляли максимальную строгость. «Побежденные над победителями прокужатся» — так отреагировал Хилков на ужесточение режима содержания. Но больше всего его угнетало то обстоятельство, что он мало чем может помочь своему государю, так как находится «от Стокгольма в отсутствии». «Но должности не шадю», — писал резидент и каждую новость сопровождал комментарием, что не может быть уверен в достоверности того или иного события. Так, например, он поступил, сообщив Головкину в мае 1714 года, что шведы забирают в армию «земляное войнство», в котором мужики вооружены топорами и косами. Мимо его внимания не прошли такие интересные факты, как ожидание возвращения в Швецию короля Карла, помолвка принцессы и будущей королевы Ульрики-Элеоноры с Фридрихом Гессен-Кассельским, приезд посланника прусского короля Бассевича для переговоров. Не без удовлетворения отметил он страх, который испытали шведы, когда «вашего величества армада» внезапно показалась на рейде Стокгольма, а также трудности, которые возникли в стране с продовольствием.

В конце 1715 года Хилков отправил последнее письмо братьям Юрию и Михаилу в Санкт-Петербург. Как обычно, главной темой письма была просьба о присылке денег по векселю. Кроме того, он назвал имена нескольких пленных каролинов, которым следовало оказать поддержку, в частности «поручику Федору Аставсону», чей отец неоднократно ему помогал.

Затянувшаяся ссылка в Вестерос неожиданно прервалась в начале 1716 года, но совсем не так, как хотелось бы рус-

скому резиденту. Был получен приказ о еще более дальней ссылке — Йёнчёпинг, далее остров Висингсё и крепость Висингсборг. К этому времени, судя по всему, здоровье русского резидента уже было сильно расстроено. По дороге к новому месту ссылки он подал прошение местному губернатору об отпуске его на время «на минеральный колодезь для лечения»⁸¹, и тот согласился, но решил дождаться решения короля. Король, как всегда, когда дело касалось Хилкова, категорически возражал, и это сыграло впоследствии свою трагическую роль.

Остров Висингсё расположен в центре озера Веттерн в 30 километрах от центра провинции города Йёнчёпинга. Главной достопримечательностью этого большого острова был замок графов Браге, который и стал местом проживания для пленных разных национальностей. Хилков прибыл туда в конце февраля 1716 года вслед за генералами Головиным и Трубецким с семьей. Его свите выделили несколько комнат в западной части замка, а сам он разместился в губернаторских покоях на верхнем, третьем, этаже. Но летом всем пришлось потесниться, так как стали привозить большие группы рядовых пленных.

Постоянное пребывание в сырых и плохо вентилируемых помещениях, ограниченность передвижения, скудное питание и многолетнее психологическое напряжение привели к трагедии: 7 ноября 1716 года Андрей Яковлевич Хилков скончался в возрасте сорока лет. Одно из его последних писем с острова датируется 3 сентября и написано племяннику Василию Михайловичу. Кстати, именно на это письмо ссылается домоправитель Хилковых в прошении о выдаче жалованья за 1716 год, направленном в Правительствующий Сенат. Оно написано 19 февраля 1717 года — и очевидно, что домашние еще не знали о смерти князя. Не знали об этом и руководители Посольской канцелярии Головкин и Шафиров, когда отдавали на следующий день приказ о переводе резиденту жалованья на 1717 год.

18 октября 1718 года⁸² к острову Аланд причалили две шведские галеры. На них находились два «нарвских сидельца» — генералы А. М. Головин, И. Ю. Трубецкой с семьей и их сослуживцы. Кроме того, на одном из кораблей нахо-

дилось тело покойного резидента, которое сопровождали «государственной посольской канцелярии служивые»: переводчик Алексей Манкиев, канцелярист Иван Чередыев, писарь Яков Ефимов и слуга Сергей Стрелков. 19 октября гроб с телом был передан русским властям и поставлен в русской церкви, а 23-го отправлен в Або. По прибытии в Санкт-Петербург была устроена торжественная церемония встречи с участием царя и последующее захоронение в Александро-Невской лавре. Так закончилась история русского резидента в Швеции, верного соратника Петра I и истинного патриота князя А. Я. Хилкова. Но еще некоторое время имя Хилкова было предметом переписки между Россией и Швецией: надо было оплатить его долги и вернуть из Швеции вещи, которые, по словам его служителя, купца Анисима Исакова, «были разбросаны по шести городам».

Губернатор Сибири М. П. Гагарин

Невозможно говорить о пребывании шведских военнопленных в России, не упомянув имени князя Матвея Петровича Гагарина.

Род князей Гагариных принадлежит к Рюриковичам и ведет свое начало от младшего сына великого Владимирского князя Всеволода Большое Гнездо — Ивана, получившего во владение небольшой город Стародуб. Все его прямые потомки, таким образом, получили фамилию Стародубские⁸³. К XVI веку образовалось несколько ветвей этого рода. Основателем ветви князя Матвея Гагарина считается предок, имевший прозвище «Гагара», что, возможно, стало результатом необычной смуглости или чересчур шумного поведения и бойкого темперамента. К началу XVII века Гагарины занимали прочное место в служебной иерархии, а большая часть представителей фамилии служили на различных должностях в Сибири.

В биографии князя Матвея Гагарина, особенно первых ее десятилетий, много белых пятен: не известна даже точная дата рождения — чаще всего называют 1658 или 1659 год.

Вслед за дедом Афанасием Федоровичем и отцом Петром Афанасьевичем он начал свою карьеру со службы в Сибири. В 1691 году его назначили «товарищем» (то есть заместителем) воеводы к старшему брату Ивану Петровичу в Иркутск, а с 1693 по 1695 год он занимал пост воеводы в Нерчинске, расположенном на русско-китайской границе. Заметным лицом, как для современников, так и для потомков, князь Матвей становится после того, как присоединяется к когорте людей, поддержавших стремление молодого русского царя Петра Алексеевича к реформированию государства. Даже беглое знакомство с делами, которые ему поручались, показывает, что был он незаурядным человеком, в полной мере обладавшим большими организаторскими способностями, ловкостью и расчетливостью политика и практика. Особенно ему удалось отличиться на посту руководителя строительства Вышневолоцкого канала — важного рукотворного пути, который связал Балтийское с Каспийским и Черным морями. После этого его карьера стремительно устремилась ввысь, а должности посыпались на него как из рога изобилия. В 1706 году царь назначил Гагарина руководителем Сибирского приказа с названием должности «генеральный президент и Сибирских провинций судья», а также главой Оружейной палаты и в 1707 году еще и комендантом Москвы.

Период наивысшего карьерного взлета Матвея Гагарина связан с губернской реформой, в результате которой в декабре 1708 года Россия была поделена на восемь губерний. Руководство самой крупной из них — Сибирской — царь доверил князю Матвею. Уже будучи в новом статусе в декабре 1709 года, Гагарин принял активное участие в организации праздничных мероприятий в Москве по случаю полтавской победы и здесь также сумел проявить себя, соорудив одну из семи арок, под которыми проходили русские войска и шведские пленные. Признавая его заслуги, царь на торжественном приеме одарил его драгоценной чашей⁸⁴. Место Гагарина в списке наиболее влиятельных и состоятельных вельмож в этот период было как никогда прочным. О его богатстве ходили легенды, а дом на Тверской улице в Москве, построенный по проекту итальянского архитектора, поражал многочисленных гостей сочетанием азиатской роско-

ши и европейского стиля в отделке. Удача отца закрепились выгодными браками детей: сын Алексей женился на дочери восходящей звезды русской внешней политики — Павла Шафирова, а дочь Дарья вышла замуж за сына канцлера графа Гавриила Головкина — Ивана.

Скорее всего, первые встречи князя Гагарина со шведскими пленными произошли, когда он был комендантом Москвы, но не исключено, что и гораздо раньше. Регулярным их общение становится после 1707 года, когда на Гагарина были возложены обязанности размещения и надзора за пленными каролинами. Но особенно близко ему пришлось столкнуться с ними после того, как в конце 1710 года царь отдал приказ о переводе большей части военнопленных за Урал. Характер отношений, которые сложились между сибирским губернатором и пленными шведами, и сегодня вызывает немало споров. Сами каролины относились к нему по-разному. Так, граф Карл Пипер в одном из писем губернатору писал, что имя князя «будут вечно помнить в Швеции». В то же время автор карты и научного описания Сибири капитан Ф. Ю. Страленберг⁸⁵ после возвращения на родину обвинил князя в том, что он «хотел превратить Сибирь в собственное королевство и набирал из пленных шведов свое войско»⁸⁶. Одни говорят о европейской либеральности и гуманизме князя, другие — о корысти и воровстве. Но никто и никогда не отрицал того факта, что сибирский губернатор князь Матвей Петрович Гагарин сыграл важную роль в жизни шведских военнопленных.

В самые трудные годы жизни каролинов в Сибири князь Гагарин давал деньги на покупку дров, лекарств и прочих необходимых вещей. Например, в 1713 году пленники в Соликамске получили 29 рублей 25 алтын, в 1714 году — 43 рубля 26 алтын, а в Вятке в 1716 году — 10 рублей. По приказу губернатора оказывалась материальная помощь женщинам и детям. В дни больших праздников каролины получали хлеб и вино.

Упоминания о помощи сибирского губернатора часто встречаются в мемуарах шведских военнопленных. Лейтенант Андэш Пильстрем, описывая торжественное прибытие князя 9 октября 1712 года в Тобольск, отметил, что, прини-

мая делегацию шведских офицеров прямо на пристани, тот не просто пообещал помощь, но и действительно вскоре выдал им 142 далера. В нескольких мемуарах упоминается история о благотворительности некоего анонима, передавшего для шведских пленных золотые монеты. «22 февраля 1717 года в дом нашего пастора Габриэля Лариуса постучал мальчик. В руках у него был большой пакет, на котором была надпись на немецком языке: “нуждающимся пленным”. Там оказалось много золота, всего на сумму 500 дукатов. Старейшины решили распределить их среди военнопленных» — так передавал этот эпизод лейтенант Леонард Каг. Шведы были единодушны в том, что это помощь князя Гагарина.

Узнав от графа Пипера, что шведы в некоторых сибирских городах силой «перекрещиваются и продаются в рабство татарам и язычникам», Гагарин распорядился провести подробное разбирательство и наказать виновных. У него всегда можно было попросить деньги в долг или помощь в устройстве на работу. Один из пленных офицеров осенью 1720 года заявил в Сенате, что Гагарин взял его на работу садовником «из милости», прекрасно зная, что в действительности он «в работе в огороде не искусен». Даже упомянутое выше массовое приглашение шведов в губернаторский эскадрон при некотором допущении можно объяснить, исходя все из того же благородного желания губернатора помочь, прежде всего пленным офицерам, так как они не могли рассчитывать на государственное содержание и не владели ремеслами. Гагарин внимательно следил и за тем, чтобы рядовые пленные вовремя и в достаточном количестве получали кормовое жалованье. В прошении тобольского ольдермана Б. Роламба к русским властям в феврале 1721 года указано, что после отъезда Гагарина на следствие (1718 год) рядовым перестали выплачивать вознаграждение за работу.

Примечательно, что Гагарин не только помогал сам, но, пользуясь своим положением, обязывал других делать то же самое. В сентябре 1709 года, когда полтавских пленных стали собирать в Москве, он, тогда еще московский комендант, возложил часть расходов по их содержанию на купца Бориса Карамышева. Он платил содержание шведам, отправленным в Казань на службу, а также жалованье вновь зачислен-

ным специалистам: переводчикам Ефиму Бренберху и Якову Крусу, Густаву Вайману, «которого определили к делам золота», и пр.

Не менее важной, чем материальная помощь, была моральная поддержка, которую Гагарин оказывал ссыльным каролинам. Так, во время периодических инспекций, которые он совершал по местам проживания шведов, можно было напрямую обратиться к нему со своими проблемами, и некоторые из них благополучно решались тут же. Довольно часто в поездки в Москву и Санкт-Петербург Гагарин брал с собой пленных. Капитану Кребсу, приехавшему в Москву в княжеской свите, удалось найти там свою семью. Не без ведома губернатора каролины имели возможность довольно свободно перемещаться по своим делам из одного города в другой. С 1712 года избранные представители офицерства не реже двух-трех раз в год ездили в Москву за деньгами и корреспонденцией. В 1715 году лейтенант А. Плантинг ездил на Ирбитскую ярмарку «для покупки необходимых товаров», а пастор Кулин и фенрик Сконин из Тюмени в Тобольск для покупки вина для причастия и т. д.

Гагарин охотно шел на контакты с представителями шведских общин в сибирских городах, в частности с полковником Арвидом Кульбашем, ольдерманом тобольской колонии пленных. Дружеские отношения, которые у них завязались, помогли пленным получить разрешение на строительство церкви в Тобольске. Нередко Гагарин приглашал старших офицеров к себе домой на обеды; так, 19 марта 1713 года они были на именинах дочери губернатора. Нередко офицеры участвовали в русских праздниках, например в пасхальных торжествах 1717 года. Без поддержки губернатора Сибири не могла бы осуществиться идея строительства школы в Тобольске. В качестве почетного гостя он присутствовал на церемонии ее открытия в ноябре 1713 года и на первых экзаменах. А когда в связи с высылкой в Томск большого количества офицеров возникла идея о переводе туда школы, Гагарин приложил все усилия, чтобы уговорить капитана Вреха, возглавлявшего это учебное заведение, остаться в Тобольске.

Все, чего удалось добиться каролинам за годы плена и составляло (вполне заслуженно) предмет их гордости, могло

произойти только с ведома и расположения сибирского губернатора. Тот же капитан Страленберг, так неприязненно отзывавшийся впоследствии о Гагарине, вряд ли имел бы возможность так свободно путешествовать по Сибири при другом губернаторе. Обладая хорошим знанием людей, Матвей Петрович тщательно отбирал и приближал тех, кто мог быть ему полезным. Окружив себя шведскими переводчиками, художниками, музыкантами и просто просвещенными людьми, князь в значительной степени скрашивал свое пребывание вдали от столиц. Впоследствии столь тесное общение с иностранцами сослужило ему плохую службу, став основанием для удивительной живучести идеи о тайном сепаратизме князя Гагарина⁸⁷.

Разговоры о том, что сибирский губернатор тесно общается с пленными шведами и оказывает им материальную помощь, привлекли особое внимание столичных властей после того, как 9 декабря 1717 года был издан именной указ о производстве следствия по заявлению обер-фискала Алексея Нестерова, обвинившего князя Гагарина во взятках и злоупотреблении служебным положением. Над головой «сибирского владыки» разразилась настоящая гроза. К слову, уже не в первый раз поведение князя вызывало гнев царя. Однажды он вместе с губернаторами Стрешневым и Голицыным уже сидел в тюрьме за то, что не исполнил вовремя царского повеления о поставке рекрутов и лошадей. Прошло всего несколько лет, и в начале 1715 года князю вновь пришлось оправдываться перед царем из-за подозрений в систематических кражах из китайских караванов.

Новое донесение Нестерова переполнило чашу терпения Петра, и по его распоряжению в январе 1718 года была создана особая следственная комиссия под руководством гвардейского майора Ивана Ильича Дмитриева-Мамонова, которой поручили «дело Гагарина». В ходе следствия было собрано огромное количество документов, различных выписок и постановлений. В Санкт-Петербург и Москву из Сибири прислали более сотни расходных книг. Все они прорабатывались и анализировались на основе предъявленных обвинительных пунктов, количество которых быстро достигло трех десятков. Несколько из них связывали опаль-

ного губернатора и пленных каролинов. Особо опасным для князя стало обвинение в растрате казенных средств на шведов. Оно было сформулировано после того, как следователи обратили внимание на записи в расходных книгах за 1712 и 1713 годы, которые делал подьячий Филиппов. Там, в частности, было записано: «Шведам, которые присланы в Сибирскую губернию и ныне у всяких работ — 2170 человек по 4 деньги на день. Итого 15 760 рублей да в 1713 году 2079 человекам — 15 135 рублей 10 алтын. Всего — 30 932 рубля 10 алтын». На допросе Филиппов сказал, что он только переписал в книгу сведения, составленные дьяком Баутиным, и не знал, правильные они или нет. На следующих допросах (вероятно, после пыток) он указал, что по первым черновым записям пленным, работавшим в 1712 году, было выдано лишь 373 рубля, а в 1713 году — 411 рублей 16 алтын 2 деньги, то есть всего 784 рубля 16 алтын и 2 деньги. По его словам, эти документы забрал дьяк Баутин и отнес губернатору, который оставил их у себя.

Следствие затребовало выписки об общем количестве находящихся в этот период в Сибири шведских пленных. В ведомости, поступившей из тобольской канцелярии, было указано, что в 1711, 1712, 1713 годах «шведских арестантов» мужского и женского пола было прислано в Тобольск из разных мест 1954 человека. В том числе «унтер-офицеров, рейтар, драгун, солдат, канонеров, конюхов, хлопцев — 950 человек». Именно этим последним 950 пленным полагалось содержание от русских властей, размер которого четко указывался в другом документе: «давать шведским пленным рядовым драгунам и солдатам по 2 деньги на день да пол-осмине ржаной мук⁸⁸ на месяц человеку». Из этих выписок следователям стало ясно, что ни в 1712, ни в 1713 году физически не было более 2 тысяч работающих шведов.

Пытаясь выяснить, куда же исчезли деньги, члены следственной комиссии вызвали на допрос подьячего Степана Неелова. После нескольких допросов, он признал, что «работающим дано как указано в выписках (то есть 784 рубля 16 алтын 2 деньги. — *Г. Ш.*), а не работающим (то есть офицерам и статс-служителям. — *Г. Ш.*) выдавалось по 5 рублей и боль-

ше, и меньше», то есть прямо указал на то, что губернатор выдавал казенные деньги тем, кто не должен был их получать. Получалось, что князь не просто нарушил указ, а сознательно пошел на обман государя. Материалы допроса подьячего Гаврилы Рычкова, занимавшегося расходами в 1713 году, еще более усугубили положение Гагарина, так как он прямо сказал, что тогда выдавали «по 10 рублей и больше, и меньше» неработающим пленным. В конечном итоге показания Неелова и Рычкова были приведены к следующей формулировке: «30 000 рублей в раздаче шведам не было, и 2000 в работе не было». Дело свелось к тому, что Гагарин, забрав все ведомости к себе, внес туда исправления и тем самым попытался скрыть растрату.

В январе 1719 года Гагарин был официально снят с должности и взят под стражу. На первых допросах он все отрицал, и следователи вскоре перешли к «активной» фазе. 11 марта 1721 года он был допрошен «с пристрастием», то есть его пытали и били кнутом. В результате подследственный во всем признался и написал царю «повинное» письмо, в котором каялся, просил помиловать и разрешить уйти в монастырь. Одновременно Гагарин подал прошение «всемилостивейшей великой государыне царице Екатерине Алексеевне», умоляя, в память о его щедрых подарках, заступиться перед царем. Однако все его усилия оказались тщетными. Уже 14 марта 1721 года сенаторы князь А. Меншиков, граф Ф. Апраксин, граф Г. Головкин, граф И. Мусин-Пушкин, П. Толстой, граф А. Матвеев, князь Д. Голицын, князь Д. Кантемир, барон П. Шафиров «приговорили согласно» князя М. Гагарина «казнить смертью». Спустя два дня (16 марта) в присутствии царя с приближенными и при стечении народа он был повешен под окнами Юстиц-коллегии в Санкт-Петербурге. С целью устрашения Петр запретил снимать его тело с виселицы: его перевесили за ребра на крюк и еще несколько месяцев останки этого когда-то могущественного правителя Сибири наводили страх на горожан. Пострадали и члены семьи бывшего губернатора: конфискация имущества поставила всех их в трудное положение; сын Алексей на несколько лет был отправлен на флот простым матросом. Гнев царя был настолько сильным, что были уничтожены все изобра-

жения князя, а имя его строжайше запрещено упоминать при дворе. И тем не менее молва о сказочных богатствах Гагарина, которые спрятаны во множестве кладов, прочно обосновалась в народных преданиях и песнях.

«Дорогой друг» Ю. Г. Спарвенфельд

Безусловно, положение пленных во многом зависело от того, как складывались их взаимоотношения с местными властями и населением. Языковой барьер может значительно усложнить установление коммуникации, которая облегчает существование на чужбине. В этом случае особое значение приобретают посредники — те, кто владеет языками противника и по своей должности или из расположения и сочувствия к пленным помогает приспособиться к новым условиям.

История плена Северной войны наглядно подтверждает все вышесказанное. Более комфортным с точки зрения коммуникации было положение каролинов, так как в России, особенно в Москве и портовых городах, проживало немало иностранцев; многие пленники имели родственников в прибалтийских провинциях или сами были выходцами отсюда и немного знали русский язык. Все это помогало найти и получить дополнительные средства для выживания. Определенные проблемы возникли у каролинов, когда их стали высылать в восточные районы России, на Урал и Сибирь, где иностранцев было мало.

Положение русских пленных в Швеции было сложнее. За исключением иностранцев на русской службе, оказавшихся в плену, офицеры и аристократы за редким исключением не владели иностранным языком. Исключение составляли генерал-фельдцейхмейстер царевич Александр Имеретинский, который знал голландский и немного немецкий, резидент князь А. Я. Хилков, который слабо владел немецким и чуть лучше итальянским языком⁸⁹. Князь Долгорукий свободно общался на латыни. Небольшой профессиональный набор иностранных слов был у некоторых русских купцов и служи-

телей. Этим исчерпывались предпосылки для формирования возможного общения со шведами и прочими иностранцами, проживавшими в Швеции. В такой ситуации каждый, кто знал русский язык, был чрезвычайно важен для пленников.

Официальными посредниками между русскими пленными и шведскими властями были три человека: королевский церемониймейстер Юхан Габриель Спарвенфельд, ассессор Самуэль Эосандер Йоте, инспектор Русского двора в Стокгольме Петер Линдман. Большой объем работы стал причиной того, что спустя некоторое время из армии был вызван переводчик Энох Лильемарк, которому поручили следить за корреспонденцией русских. Выбор именно этих людей в качестве официальных посредников легко объясним: их профессиональная деятельность была связана с Россией и все они в той или иной степени знали русский язык. Вместе с тем это были совершенно разные люди — по происхождению, по уровню культурного развития, мировоззрению, статусу и должности. Все это повлияло на то, как складывались их взаимоотношения с пленными: от сугубо деловых, проникутных официозом и подозрительностью, как это было в случае с Линдманом и Лильемарком, до гораздо более эмоциональных с ассессором Йоте и «интимных», как выразился шведский историк Х.Альмквист, с церемониймейстером Спарвенфельдом. Письма русских генералов и резидента подтверждают тот факт, что Спарвенфельд всегда был очень любезен с ними и оказывал неоценимую помощь.

Юхан Габриэль Спарвенфельд (1655—1727) — шведский ученый-лингвист, путешественник, придворный деятель. Главное дело его жизни — славяно-шведский словарь «*Lexicon Slavonicum*», над которым он работал более двадцати лет, и сегодня не потерял научного значения. В 1684 году в составе шведского посольства Спарвенфельд приехал в Москву и, получив королевскую стипендию для совершенствования знания русского языка, оставался в России до 1687 года. Ему удалось приобрести много друзей и знакомых, среди которых были «неразлучный друг» Андрей Хилков, семья грузинского царя Арчила и братья Долгорукие. Даже после отъезда домой он некоторое время поддерживал с ними связь.

Новая очная встреча с московскими знакомцами произошла при гораздо более сложных обстоятельствах, чем предыдущая. Хотя начало казалось очень благополучным, так как именно Спарвенфельд был среди тех, кто встречал дипломатическую делегацию князя Андрея Хилкова на шведской территории в июле 1700 года. Но дальнейшие события развивались по иному сценарию: он же 9 октября сообщил русскому резиденту об аресте, так как по приказу Карла XII был назначен посредником между властями и пленными. Его посреднические функции вышли далеко из формальных рамок, и, по мнению и русских, и шведов, он показал себя как приятель и заступник «москвитов», не испугавшись вызвать гнев своего короля и обвинения в отсутствии патриотизма и предательстве.

Его помощь и поддержка были исключительно разнообразны. В особо трудных случаях Спарвенфельд одалживал деньги, как это было в 1703 году, когда он спас из затруднительного положения генерала А. Вейде, выдав ему 70 рублей, а его жене Варваре (Барбаре) перевел в Москву 200 рублей. Он помогал пленным и их родственникам в переводе денег через векселя, а иногда сам выступал инициатором этих операций. Весной 1706 года в письме русскому послу в Дании Андрею Измайлову, хорошо знакомому ему еще с довоенного времени, он сообщил, что русские пленные испытывают в данный момент большие материальные трудности. Он предложил перевести деньги для них на его имя через Гамбург в Стокгольм, что, как он считал, намного ускорит их получение.

Это письмо «старому приятелю и благодетелю Андрею Петровичу» было написано 14 марта 1706 году на русском языке; оно хорошо показывает, насколько близок был Спарвенфельд к пленным. В частности, он благодарит Измайлова за постоянную переписку и «обещанную Библию». Сообщает о том, что посетил Головина и тот «здоров слава Богу», но нуждается в деньгах, которые он, «униженный слуга Ивашка Спарвенфельд», готов помочь ему получить.

Для русских пленных общение со Спарвенфельдом в условиях практически полной изоляции было чрезвычайно важной частью их жизни. Через него они узнавали о том, что происходило в самой Швеции и за ее пределами, и сведения эти,

как правило, вскоре становились известны в России. Например, он рассказал им о страшном пожаре в Упсале в 1702 году, во время которого сгорела большая часть древней шведской столицы, в том числе и бесценная библиотека Упсальской академии. «В Стокгольме все в печали» — так прокомментировал это события Хилков в письме к главе Посольского приказа Федору Головину. С особым вниманием генералы и резидент слушали сообщения церемониймейстера о положении других русских пленных, прежде всего рядовых и гражданских лиц, связь с которыми практически полностью отсутствовала. От него они узнали об аресте и смертном приговоре, вынесенном в 1701 году купцу Сидору Михайлову, который на рынке «ругал» шведского короля, а спустя некоторое время они вместе радовались новости о его помиловании после принесенных им публичных извинений⁹⁰.

Часть информации, сообщенной Спарвенфельдом, вызывала в Посольском приказе особый интерес. Например, та, что содержалась в письме, которое пришло через Гаагу и Копенгаген в Москву в конце 1702 года. В нем русский резидент передал информацию, услышанную им от приходившего к нему церемониймейстера, о том, что в Архангельск отправилось шесть шведских кораблей, что король Карл XII готовится к атаке Пскова, а генерал Веллинг отправлен в Стамбул для того, чтобы, как писал Хилков, «нарушить с нашим государем Вечный мир». Интересно, что сам князь считал эту информацию недостоверной, так как не имел подтверждений из других источников. Он был уверен, что Спарвенфельд сказал это для того, чтобы «склонить русских к миру». Точка зрения русского резидента весьма примечательна, особенно если принять во внимание обвинения, с которыми все чаще приходилось сталкиваться королевскому церемониймейстеру. Многие в Стокгольме стали смотреть на него с подозрением и опаской и за спиной шептаться о том, что он помогает противнику, а иные и вовсе называли его предателем. Некоторые члены Королевского совета указывали ему на «непозволительную близость к русским» и что он слишком дружелюбно общается.

Тем не менее ему удалось получить разрешение у советников на то, чтобы поселить у себя дома русского пленно-

го Ивана Чепелева. Сын московского дьяка был необходим ему для разъяснения значения и правильного написания некоторых слов⁹¹ в его титаническом труде над составлением славяно-шведского словаря. Это сотрудничество продолжалось недолго, так как власти обвинили Чепелева (а на деле и Спарвенфельда) в том, что он во время свободного передвижения по городу передавал тайные письма русских.

Несмотря на трудности, общение между Спарвенфельдом и русскими пленными продолжалось. Когда резидент Хилков и его секретарь Манкиев решили написать исторический труд, который позже назвали «Ядро российской истории»⁹², он дал им для работы много книг из своей библиотеки, в том числе работы Петруса Петреуса и Лаурентиса Готуса. Библиотека Спарвенфельда, кстати, даже во время войны пополнялась книгами на русском языке. С благодарностью он принимал их в дар от русского резидента Хилкова⁹³ и от дипломата Измайлова.

Установившиеся дружественные и сочувственные отношения в конечном итоге стали рассматриваться шведскими властями как фактор определенного шантажа. Как только королем или советом принималось решение об ужесточении режима содержания русских пленных, тут же церемониймейстеру запрещали к ним ходить. Безусловно, Юхан Габриэль Спарвенфельд не только был великим ученым, но и обладал подлинно гуманистическим мировоззрением. Помогая Хилкову и русским генералам в Швеции, он в то же время взял к себе в дом сына содержавшегося в русском плену шведского резидента Томаса Книперкроны, пообещав «помогать советом и быть добрым приятелем в нужде». Все это, безусловно, выделяет фигуру Ю. Г. Спарвенфельда среди современников.

Студент Сергей Головин

Хорошо известно, что великий преобразователь России царь Петр активно использовал европейский опыт при реформировании своего государства. Он сам любил учить-

ся новому и полезному и всячески способствовал развитию этой привычки у своих подданных. При этом речь шла не о простом школярстве, а о важнейшем процессе приобретения, осмысления и использования достижений западной цивилизации. Распространялась эта практика на все сферы: политику, экономику, культуру, общественную жизнь и пр. С определенного момента предметом особого внимания Петра стала система образования, которая должна была стать залогом успешной модернизации государства, подготавливая для нее квалифицированные профессиональные кадры.

Отечественное высшее образование с конца XVII века было представлено двумя учебными заведениями — Киевской и Московской православными академиями. Но результаты обучения в них не отвечали требованиям времени, и Петр вскоре понял это. Начавшаяся война со Швецией потребовала принятия быстрых решений, и в короткий срок были открыты Пушкарская, Госпитальная и Навигационная школы, в которых готовили необходимых специалистов. В 1715 году в Санкт-Петербурге открылась Морская академия. Азы грамотности стали осваивать в «цыфирных» школах, которые возникли во всех крупных русских городах. Но начавшееся в 1710-х годах масштабное реформирование государственных учреждений, в частности создание коллегий, требовало большого количества профессиональных специалистов, а также создания центра развития отечественной науки и гражданского образования.

Петр еще во время своего первого заграничного путешествия в 1697—1698 годах обращал определенное внимание на европейские университеты и академии, а уж в период второй поездки в Европу в 1716—1717 годах этот интерес приобрел вполне осознанный и целенаправленный характер. Русский царь, который сам не получил систематического образования, с большим почтением относился к тем, кто имел авторитет в ученом мире. Знакомство с А. ван Левенгуком, Ф. Рюйшем, Д. Перри, многолетняя переписка с Г. В. Лейбницем и прочими учеными — это очередные ступени к главному — созданию отечественного университета. Стремясь к этому, Петр, настойчиво требовал от российских дипломатов собирать сведения обо всем, что хоть как-то могло послужить

«к пользе отечества нашего». По его же заказу этим занимались иностранцы: чиновники, путешественники, купцы и пр.

Любопытно, что и русские военнопленные, находившиеся в это время в Швеции, внесли свой вклад в это большое и важное дело. В самом факте того, что именно Швеция, с которой шла война, стала предметом изучения, не было ничего удивительного. Напротив, это лишний раз подтвердило практицизм русского царя. Хорошо известна история гольштейн-готторпского чиновника Германа Фика, который служил на небольшой должности в одном из шведских министерств и тщательно собирал бумаги из мусорных корзин. Благодаря его колоссальной работе Петр получил практически полный сценарий по созданию коллегиальной системы, во многих деталях повторяющий шведский образец. Известно и то, что именно Фик являлся автором записки о необходимости подготовки кадров для вновь открывшихся органов государственного управления и всячески агитировал за создание высших учебных заведений.

Среди архивных документов, характеризующих отношения России и Швеции в период Северной войны, был найден четырехстраничный документ под названием «Описание степеней чинов и служб, которые в академии Упсальской обретаются». Автором его, скорее всего, был сын плененного под Нарвой в 1700 году генерала Автонома Михайловича Головина — Сергей. Известно о нем очень немного. По косвенным данным можно предположить, что он родился в 1695 или 1696 году. Точно известно, что после возвращения из Швеции в 1714 году он был зачислен на военную службу и женился на дочери еще одного «нарвского пленника», генерала Ивана Ивановича Бутурлина, — Анне. В отставку ушел в чине капитана Преображенского полка.

Родство отца с главой Посольского приказа, первым кавалером ордена Андрея Первозванного Федором Алексеевичем Головиным, высокое происхождение и покровительственное отношение со стороны царя, безусловно, оказали влияние на многие эпизоды жизни Сергея Головина. Некоторые из этих факторов, скорее всего, были приняты во внимание шведскими властями, когда они принимали решение о разрешении семье Головина — жене Василисе и сыну Сергею, так же

как жене и детям генерала Трубецкого, приехать в Швецию. Возможно, их же учли, когда стал обсуждаться вопрос о возможности обучения младшего Головина в одном из лучших и старых университетов Европы — Упсальском.

Безусловно, если бы не помощь покровителей и друзей русских пленных, такой вопрос даже не поднимался бы. Первым и главным другом был, как известно, Ю. Г. Спарвенфельд. 15 февраля 1712 года он написал письмо своему другу, главному хранителю университетской библиотеки в Упсале архиепископу Эрику Бензелиусу, с просьбой оказать поддержку Сергею Головину. Кроме того, он помог получить рекомендательное письмо от известного химика, поэта, врача Урбана Йерне, который просил отнестись к русскому юноше, желающему поступить в университет для изучения немецкого и латинского языков под руководством профессора Упмарка, с «великодушием и дружественностью». С этим письмом в конце февраля 1712 года Сергей Головин выехал в Упсалу в сопровождении секретаря резидента Хилкова Алексея Манкиева. В конце апреля на заседании Королевского совета в Стокгольме было принято решение, разрешающее сыну русского генерала Сергею Головину начать обучение. И все же некоторым из советников ситуация показалась не совсем типичной, и они отправили письмо королю с соответствующей информацией и просьбой об указаниях. Тем временем в университетском матрикуле 16 июня 1712 года появилась запись о том, что Головин зачислен в студенты, а его инспектором (куратором) назначен профессор Упмарк.

К сожалению, Сергею Головину так и не пришлось принять полноценное участие в занятиях. Вмешательство советника Густава Крониельма, который имел большое влияние на дела Упсальского университета, привело к тому, что уже 24 июня университетская консистория последовала полученному из Стокгольма указанию и отправила сына русского генерала к родителям. Осенью этого же 1712 года Автоном Головин обратился в совет с просьбой разрешить его сыну продолжить обучение в Упсале, но получил отказ, и уже летом 1714 года Сергей Головин уехал в Россию, где тут же поступил на военную службу.

Тем не менее даже эта несостоявшаяся попытка Сергея Головина получить образование в Упсальском университете дала свои интересные результаты. Пребывание в течение нескольких месяцев среди профессоров и студентов позволило ему собрать массу интересных сведений, на основе которых он составил справку об устройстве этого в высшей степени авторитетного и известного всей Европе учебного заведения. Автор обратил особое внимание на систему управления университетом, уровни обучения и состав изучаемых дисциплин. Кроме того, он называет фамилии тех профессоров и ассистентов, которые преподавали в этот период⁹⁴.

Трудно сказать, отправил ли эту справку Головин из Швеции или составлял ее по памяти, уже вернувшись в Россию. Но не вызывает сомнения, что информация, собранная сыном пленного русского генерала, была тщательно изучена и сыграла свою роль при создании первого русского университета⁹⁵.

Иоаким Дитмер: пленник и резидент

Многолетний плен стал, как это ни удивительно, одним из этапов формирования историко-культурных связей русского и шведского народов. Имена некоторых из пленных, кто активно участвовал в этом процессе, хорошо известны, других — чуть меньше, но очевидно, что все они были неординарными личностями. К кругу этих людей можно без сомнения причислить Иоакима (в России его звали Ефимом) Дитмера, российская часть биографии которого может стать основой для увлекательного авантюрного романа.

Иоаким Дитмер родился в Нарве в 1681 году в семье бургомистра Германа Дитмера. В шестнадцать лет он поступил на службу в губернаторскую канцелярию в родном городе, но через несколько лет решил, что его таланты и амбиции гораздо быстрее будут реализованы в действующей армии, и перешел в военно-полевую канцелярию, где довольно скоро стал одним из ведущих секретарей. Летом 1709 года он оказался в самой гуще военных событий и подобно многим тысячам

своих соотечественников попал в плен на Днепре вместе со своим начальником, походным министром Карла XII графом К. Пипером.

Вскоре Дитмер благодаря знанию русского языка был зачислен в Фельдт-комиссариат и стал незаменимым помощником графа Пипера. Фактически он стал посредником между графом и русскими властями: вел переписку, составлял прошения и выступал в роли переводчика. Протекцию ему составил его родственник — ювелир и банкир Александр Клерк, очень заметный и авторитетный житель Немецкой слободы.

Возможно, стечением этих обстоятельств можно объяснить удивительное событие, в котором Дитмер принял самое непосредственное участие. Первые месяцы пребывания полтавских пленников в России были, как известно, самыми трудными. Фельдт-комиссариат буквально забрасывал русские власти и самого Петра бесконечными прошениями о материальной помощи и жалобами на «варварское» содержание, которые часто оставались без ответа. Это заставляло Пипера думать, что они не доходят до самого царя. В такой ситуации совершенно невероятным и от того особенно мужественным выглядит поступок простого канцеляриста Дитмера, который, воспользовавшись удобной ситуацией, передал царю очередной мемориал лично в руки. Удивительно, но вскоре шведские пленные смогли ощутить результативность этого поступка: под страхом сурового наказания Петр запретил охране и всем своим подданным оскорблять каролинов.

В письмах к королевским советникам в Стокгольм и в своих мемуарах граф Пипер неоднократно подчеркивал заслуги своих помощников, в том числе и секретаря Дитмера. Для графа было настоящим ударом, когда в конце 1711 года он получил приказ, в соответствии с которым часть его служителей, и среди них его врач Грасс и секретарь Дитмер, должны были отправиться в ссылку в Сибирь. Пытаясь хоть каким-то образом отблагодарить преданных ему людей, граф собственноручно написал рекомендательные письма сибирскому губернатору князю М. П. Гагарину, а спустя некоторое время предпринял попытку их вернуть. Царь, руководствуясь практическими соображениями и наметившимися

сдвигами в переговорном процессе со шведскими властями, продемонстрировал свое расположение к самому знатному и авторитетному шведскому пленнику и удовлетворил его просьбу, но... только наполовину. В начале 1713 года он издал именной указ о возвращении лечащего врача Грасса, столь необходимого уже очень немолодому и постоянно болевшему Пиперу.

Иоаким Дитмер прибыл в Тобольск весной 1712 года и благодаря рекомендациям Пипера, знанию русского языка и родственным связям довольно быстро стал доверенным лицом сибирского губернатора. Начиная с 1713 года через его руки проходила вся переписка, связанная со шведскими пленными, находившимися в Сибири, в частности, он вел учетные записи о поступлении денег в 1712, 1713, 1716 и 1717 годах. Именно эти обстоятельства сыграли в его жизни роковую роль. После того как вследствие очередного доноса фискала Нестерова начало раскручиваться знаменитое «дело Гагарина» и в Сибирь отправилась следственная комиссия под руководством И. И. Дмитриева-Мамонова, Иоаким Дитмер был привлечен в качестве свидетеля.

Как известно, одно из самых серьезных обвинений заключалось в том, что князь Гагарин растратил на шведских пленных более чем 30 000 рублей казенных денег. И вот тут-то следственную комиссию очень заинтересовали показания пленного секретаря. Спустя некоторое время ему самому было предъявлено обвинение. В основу легло донесение фискала Фильцына от 22 мая 1719 года, в котором говорилось, что в ведомостях за 1716 и 1717 годы «помечал челобитные» Дитмер и «за это брал взятки». В частности, в 1716 году он потребовал мзду с тюменских посадских людей за то, что передаст их прошение губернатору. Во время допроса, который проводил один из следователей капитан Шамордин, Дитмер сказал, что «в 1716 году тюменские посадские люди сами дали ему 30 рублей, так как по его заступничеству губернатор снял с них на 1 год 300 рублей податей».

В ходе следствия выяснилось, что пленный шведский секретарь был весьма состоятельным человеком. Среди источников его дохода были регулярные переводы из Москвы от дяди Александра Клерка и от отца из Нарвы⁹⁶. Кроме того,

помощник губернатора развернул в Сибири активную коммерческую деятельность. По его собственным показаниям, в 1718 году он попросил коменданта каменного завода Семена Дурново, чтобы тот «взял дитмеровы деньги по кабале — 100 рублей да приписных 50 рублей с тюменского поручика конных казаков Василия Гурьева». Очевидно, что речь идет о возврате долга, взятого русским поручиком под определенный процент. И это, безусловно, было не единичным фактом.

Деятельность следственной комиссии в отношении Дитмера закончилась следующим образом. После многодневных допросов 25 июля 1719 года майор Лихарев вынес решение, предписывавшее шведскому пленному вернуть в государеву казну 540 рублей, что и было выполнено безо всякого промедления. Но, как выяснилось, это был еще не конец его неприятностей в России.

После заключения Ништадтского мира Дитмер, как и большинство его соотечественников, начал собираться на родину. Из Тобольска в Москву он выехал 18 января 1722 года в составе одного из первых отрядов пленных каролинов под присмотром провожатого, «петербургского полка капитана Ивана Розина». Его обоз и в этом случае свидетельствовал о его благополучии, так как его сопровождали «4 хлопча» (к примеру, у всех капитанов из его группы было по одному-два сопровождающих). Через Москву группа проследовала в Санкт-Петербург. Но выехать к границе вместе с другими Дитмер не смог, так как не получил на это разрешения от властей. Причиной стали все те же тесные отношения с бывшим губернатором Гагариным, к этому времени уже казненным. 27 марта 1722 года Дитмер подал прошение о выдаче ему паспорта для проезда в Москву «для дачи показаний о Гагарине». Но власти решили провести дознание в Санкт-Петербурге, где и выяснилось, что официальной причиной задержки явился пункт № 14 Ништадтского договора, который предписывал задерживать тех пленных, кто не вернул долги, «напрасно» получал какие-либо деньги и так далее. На свет появились новые обвинения во взяточничестве, и спустя некоторое время был объявлен новый приговор: выплатить в казну 96 рублей 16 алтын 4 деньги, что Дитмер вновь

быстро исполнил. Есть все основания предполагать, что на этом этапе, когда так близка была возможность вернуться на родину, он пошел на сотрудничество с властями и признался во взятках. Кроме того, он составил список шведских пленных, которым «в бытность бывшего губернатора князя Гагарина была кормовая дача, иным за разные работы и товары». Все они были задержаны в Санкт-Петербурге для выяснения обстоятельств. Власти оценили сотрудничество Дитмера, и, когда все долги были им выплачены, вышло постановление: «Не задерживать и отпустить в свое отечество».

Но и на этом «роман» Иоакима Дитмера с Россией не закончился. Уже в 1724 году он выехал в Москву в качестве агента дипломатической миссии посланника барона Г. Цедеркрейца, которого он спустя пять лет сменил на этом посту. Дитмер оставался в России до 1738 года и за это время приобрел приставку «фон», свидетельствующую о полученном дворянстве. Он внимательно отслеживал формирование оппозиционных настроений в русском обществе по отношению к императрице Анне Иоанновне и вместе с французским послом активно поддерживал будущую императрицу Елизавету Петровну. После возвращения в Швецию 57-летний опытный политик был назначен губернатором двух областей Восточной Финляндии. Находясь в этой должности и выступая на заседаниях Государственного совета Швеции, он не раз говорил о необходимости дружественных отношений с Россией, с которой, как он убедился на собственном опыте, лучше дружить, чем враждовать.

Открывая и изучая Сибирь

Вся жизнь каролинов в плену была сосредоточена вокруг проблемы выживания, особенно после того, как многие из них оказались в Сибири. Для большинства европейцев этот регион был неизвестен, он внушал им суеверный страх и ужас. На географических атласах того времени большая часть пространства за Уралом была пустым белом местом под общим названием «Grande Tartaria», а в сопутствующих

описаниях говорилось о библейских гоге и магоге, засыпающих на зиму племенах и варварских народах. Пленные, отправленные в сибирскую ссылку, ожидали для себя самого страшного.

Однако со временем оказалось, что Сибирь не такое уж «страшное место для европейцев», как писал один из ссыльных. Большая часть каролинов со временем освоилась и даже увидела определенные преимущества перед центральной частью России (насколько уместно в такой ситуации говорить о преимуществах). В частности, продукты питания были гораздо дешевле, да и надзор был менее строгий.

Относительная либеральность сибирских властей, активная жизненная позиция некоторых пленников в совокупности с отрывшимися необыкновенными перспективами в изучении флоры и фауны, географии, истории, населения региона привели к потрясающим результатам. Некоторые вели целенаправленные исследования, а другие делали открытия в процессе подневольной деятельности. Так, познания и практические навыки каролинов в морском деле были использованы русскими властями в освоении Камчатки. Попавший в плен под Выборгом матрос Хенрик Буш был отправлен в 1714 году в составе отряда Кузьмы Соколова в Охотск для строительства кораблей. Через два года они совершили путешествие вдоль побережья Камчатки, попутно составляя описание ее берегов и рисуя морские карты. Знаменитый ученый Герард Миллер во время своей сибирской экспедиции встречался с Бушем, который остался жить в Якутске, и тщательно записал его воспоминания.

Почти три года (1716—1718) провел в Охотске лейтенант Амбьёрн Молин, которого по приказу губернатора М. П. Гагарина также привлекли к строительству кораблей. О своем путешествии через Сибирь, о народах, ее населяющих, он рассказал упсальскому архиепископу Эрику Бензелиусу по возвращении в Швецию.

Подневольно работали тысячи и тысячи рядовых шведских пленных на сибирских и уральских заводах, в горных шахтах, на строительстве плотин и крепостей. Их трудом осваивался огромный регион и происходило становление новой русской промышленности.

Но были среди каролинов и те, чья деятельность носила целенаправленно исследовательский характер. Не обладая научными знаниями, они проявили усердие и трудолюбие, записывая и запоминая все, что было для них новым в животном и растительном мире, в обычаях и верованиях сибирских народов, в их одежде, жилищах и предметах быта. В дневнике лейтенанта Андэша Пильстрема, кроме отчетов о полученном жалованье, содержались записи о нравах и обычаях черемисов и вогулов. Капитан Юхан Мюллер принял участие в миссионерской экспедиции сибирского митрополита Филофея Лещинского и подробно описал жизнь остяков. В 1720 году в Берлине вышла его книга «Жизнь и обычаи остяков, народа, проживающего до Северного полюса, как оные из язычества в настоящее время приведены в христианскую греческую религию, с некоторыми курьезными примечаниями о королевстве Сибири и его проливе Нассауском или Вайгаче, описанные в плену и ныне снабженные предисловием», пользовавшаяся необыкновенной популярностью у европейцев. Многие исследователи считают, что эти записки были не чем иным, как переводом книги Г. Новицкого «Краткое описание о народе остячком», но как бы то ни было западный читатель впервые познакомился с жизнью сибирских народов именно благодаря работе Мюллера. Критике подверглась и работа полкового священника Генриха Сёдеберга о религии и нравах русского народа. Практически сразу было обращено внимание на то, что многие факты, изложенные автором, имеют вторичный характер, в частности взяты из работ Герберштейна, Олеария и других иностранцев, описавших свое пребывание в русских землях.

Особенностям жизни калмыцких племен посвящена книга корнета Юхана Шнитцкера. Ее содержание основано на личных впечатлениях автора, который, поступив на русскую службу, был откомандирован по приказу губернатора Гагарина сопровождать китайское посольство к калмыцкому хану Аюке. Согласно предписанию от 23 января 1715 года, майор И. Х. Шничер (так писали его имя русские) должен был довести цинских послов до русско-китайского приграничного города Селенгинска, а затем вернуться в Тобольск. Проведя некоторое время среди калмыков, он записал интересные

сведения о прошлом этого народа, его обычаях и нравах. Они стали известны в Европе после того, как в 1744 году были опубликованы в Стокгольме с примечаниями другого знатока этого народа — бывшего шведского военнопленного корнета Юхана Густава Рената.

Но пожалуй, самым известным каролином — исследователем сибирских земель является капитан Филипп Юхан Страленберг. На протяжении всех тринадцати лет плена он вел чрезвычайно активный образ жизни, много сил и энергии отдавая изучению тех мест, куда забрасывала его судьба. Его любознательность демонстрирует эпизод, приключившийся на Вятке, куда он прибыл в начале 1710 года. 24 мая 1710 года в Вятский приказ были доставлены двое шведов, которые «гуляли за городом». Страленберг, а это был именно он вместе с приятелем и соседом по комнате капитаном Ю. Шпрингером, решил осмотреть окрестности. Для этого шведы соорудили плот и поплыли по реке, но чуть было не утонули. Судя по всему, его собственная мысль, выраженная в словах: «Мы знаем о Сибири не больше, чем остяки о Германии», стала для него мощным стимулом, побуждающим к работе.

Оказавшись впоследствии в Тобольске, Страленберг принялся за основной свой труд — составление карты Сибири с соответствующими описаниями и комментариями. Работа была огромной, и он воспользовался помощью своих товарищей Петра Шёнстрема и Юхана Антона Матерна. Закончив свой труд в начале 1717 года, Страленберг решил отправить его в Москву фельдмаршалу Реншельду, с тем чтобы он, в свою очередь, переправил рукопись в Европу. Губернатор Гагарин, узнав о существовании карты и ознакомившись с ее содержанием, вынудил автора продать ее ему, а затем отослал царю. Вскоре из столицы пришло четкое и строгое указание — в интересах государства запретить каролинам подобную деятельность. Однако власти не знали, что карта была сделана в двух экземплярах. Спустя некоторое время секретарь Цедергельм, которому тайно через немецких купцов была отправлена копия карты, переслал ее в Европу. В конечном итоге труд Ф. Ю. Страленберга под названием «Историческое и географическое описание северной и восточ-

ной частей Европы и Азии» увидел свет в 1730 году. Автором были затронуты самые разные темы. Например, происхождение названия «Россия», история дома Романовых, царствование Петра I, религии и традиции народов, проживающих в Русском государстве, и т. д. В конце работы был помещен словарь из 60 наиболее употребляемых слов на языках вогулов, остяков, черемисов и других народностей, с которыми Страленберг встречался в путешествиях по Сибири. Это исследование в течение многих лет не теряло своей актуальности и научной значимости, даже А. С. Пушкин, работая над «Историей Петра I», в качестве основы взял свою полемику с выводами бывшего шведского пленного. Для европейцев же он и вовсе стал основой для развития представлений о далекой Сибири.

Знания каролинов и накопленные ими в плену материалы изучались и использовались другими исследователями. В сибирской экспедиции немецкого врача Д. Г. Мессершмидта 1721—1722 годов кроме упомянутого Страленберга принимали участие квартирмейстер Каппель и чертежник Шульман⁹⁷. Экспедиция проделала огромный путь: вверх по Иртышу до Тары, оттуда через Барабинскую степь в Томск и вверх по Томи в Кузнецк и Абакан. В следующем году спустились вниз по Енисею до Красноярска, и уже оттуда шведы отправились на родину. Собранные экспедицией сведения были использованы немецким ученым Г. Ф. Миллером в его изучении и описании Сибири.

Иногда новые знания становились результатом совсем не исследовательских экспедиций, так как шведские военнопленные участвовали и в завоевательных мероприятиях русских властей. В частности, перешедшие на царскую службу в Астрахани и Казани немецкие солдаты входили в состав корпуса князя А. Бековича-Черкасского, отправленного царем в Хиву. Пленные были в экспедициях И. Бухгольца, которые в 1715—1716 годах ходили на Ямышево озеро искать «песошное» золото⁹⁸. Тогда же им было поручено построить несколько крепостей на границе с калмыцкими землями. Как известно, оба похода закончились неудачей: золото не нашли, а большую часть солдат потеряли в столкновениях с калмыками. Среди попавших в плен оказались и просла-

вившиеся впоследствии штык-юнкер Ю. Г. Ренат и солдатская вдова Бригитта Шерценфельд. История их пребывания у калмыков вполне могла бы стать сюжетом авантюрного романа. За годы плена они завоевали уважение и доверие калмыцкого хана, а также значительно улучшили свое материальное положение. Вернувшись в 1733 году в Швецию, Ренат составил несколько карт восточной части Центральной Азии (две из них находятся в фондах Упсальской университетской библиотеки, а одна в Санкт-Петербурге) и записал свои наблюдения за обычаями, обрядами и бытом людей, среди которых им с Бригиттой пришлось провести долгие годы.

Шведский военнопленный Лоренц Ланг был активным участником развития русско-китайских отношений⁹⁹. Свое первое путешествие в Китай он совершил в 1715 году в составе экспедиции шотландского хирурга Томаса Гарвина. Перед экспедицией была поставлена задача проведения переговоров о расширении торговых контактов с Китаем и организации постоянного русского представительства. А уже через несколько лет Ланг получил самостоятельное задание: 1 июня 1719 года Петр I подписал «верущую грамоту» Ланга для представления его императору Сюань Е в качестве официального торгового агента России в Пекине. Судя по всему, он довольно успешно справился со своими функциями, которые носили прежде всего разведывательный характер. Все-го Лоренц Ланг совершил пять путешествий в Поднебесную и закончил свою политическую карьеру на посту вице-губернатора Иркутской губернии. После его смерти осталось большое количество интереснейших записей и наблюдений, его коллекция значительно пополнила фонды Кунсткамеры, а библиотека китайских книг стала первой в России.

Несомненно, большое значение для развития сибирского края имела просветительская деятельность шведских военнопленных. На средства и усилиями шведов в Тобольске была открыта школа, где наряду с детьми пленных обучались русские дети. Организатором школы стал драгунский капитан Курт Фридрих фон Врех. В самом начале его пребывания в Тобольске он обратил внимание на то, что многие из его товарищей, оказавшиеся в плену со своими семьями, занятые поиском пропитания, не уделяют необходимого внимания

своим детям. Впервые, по собственным воспоминаниям Вреха, мысль об обучении детей появилась после того, как к нему обратился некий ротмистр и попросил позаниматься с его шестилетним сыном, так как он был известен среди пленных как образованный и религиозный человек. В конечном итоге Врех с несколькими товарищами начал обучать детей Священному Писанию и катехезису. Через некоторое время желающих попасть в школу стало очень много, и пришлось задуматься о поиске более подходящего помещения. Купленный в апреле 1715 года за 45 рублей новый дом вскоре сгорел, но это не могло остановить капитана Вреха. На помощь пришли друзья. Капитан Страленберг, с которым они сдружились еще в Вятке, отправился в деревню и привез оттуда на восьми плотах разобранный дом и стройматериалы. Торжественная церемония открытия новой школы состоялась 20 сентября 1715 года; в школе было шестеро учителей и 55 учеников, среди которых было четверо русских детей. В последующие годы количество обучающихся постоянно росло и к моменту закрытия составляло 139 человек. Обучение велось на немецком языке. В программу, кроме уже названных предметов, входили латынь, немецкий и французский языки, география, арифметика и рисование. Большинство детей находилось на полном пансионе, что отвечало представлениям Вреха об условиях получения наиболее эффективных результатов. Ежегодно в школе устраивались публичные экзамены, на которые нередко приглашали представителей русских властей, в том числе и губернатора. Активную финансовую поддержку тобольской школе оказывали пиетисты: профессор Франк из Галле, руководство Фельдт-комиссариата и некоторые жители Немецкой слободы.

В 1717 году при школе была основана больница, в которой лечили шведских пленнх. Деньги и медикаменты также приходили из-за границы. Кстати, когда после заключения мира каролины стали собираться на родину, русские власти выкупили помещение школы и больницы за 150 рублей и впоследствии устроили там полковой лазарет. В разное время шведами в Тобольске были открыты аптека и кукольный театр. Театральные представления давались и в Омске, и в Енисейске, и в Красноярске.

Можно с уверенностью сказать, что план русского императора Петра I, в соответствии с которым пленным каролинам отводилась важная роль в процессе освоения Сибири, полностью удался. Шведы, которые были первыми иностранцами, в столь массовом количестве оказавшиеся на бескрайней и практически не освоенной территории, познакомили местных жителей с более развитой бытовой культурой и более совершенными практическими умениями и навыками. Их пребывание в Сибири стало заметным и важным этапом в развитии этого края и сыграло ключевую роль в процессе знакомства Западной Европы с ее географией и этнографией. Достаточно вспомнить тот факт, что в издании 1719 года знаменитый английский писатель Даниэль Дефо отправляет своего знаменитого героя Робинзона Крузо в путешествие по Сибири, в котором он не только встречается с каролинами, но и использует многие сведения, полученные от них.

Заключение

Подводя итог этому небольшому повествованию, хотелось бы отметить следующее. Плен — обязательная часть любой войны, иногда самая трагическая и, к сожалению, часто забываемая потомками. Северная война не была исключением. И все же история плена заслуживает специального изучения хотя бы потому, что это важное звено в цепи формирования межгосударственных отношений России и Швеции, состоящее из сотен и тысяч микроисторий судеб русских и шведов. По возвращении на родину бывшим пленным пришлось пережить немало трудностей, связанных с адаптацией к изменившимся условиям, привыканием к мирной и свободной жизни, пришлось выстраивать заново свой быт. Но годы, проведенные в неволе, среди чужих, не всегда понятных, порой недоброжелательных людей, остались в памяти многих из них не только как период страданий, но и как время знакомства с новой культурой.

Примечания

- ¹ Лифляндией с XVII века называли территорию современных Северной Латвии и Южной Эстонии с центром в Риге.
- ² Эстляндия — исторически сложившаяся территория современной Северной Эстонии с городами Нарвой и Ревелем.
- ³ Карл XII имел несколько прозвищ, среди которых было не только «Железная башка», но и «Александр Севера».
- ⁴ Современный Таллин.
- ⁵ Каролинами называют воинов шведских королей Карла XI и Карла XII.
- ⁶ Древнерусский Кукейнос в 100 километрах к востоку от Риги.
- ⁷ Курляндия — исторически сложившаяся территория, занимала западную и южную часть современной Латвии.
- ⁸ 15-я статья Столбовского мирного договора 1617 года предусматривала создание шведских гостиных дворов в Новгороде, Пскове и Москве.
- ⁹ Кстати, договор о покупке шведских пушек был подписан и выполнялся вплоть до 1703 года.
- ¹⁰ Памятная доска о пребывании русских студентов, в том числе Хилкова, до сих пор сохранилась в Перасте (Черногория).
- ¹¹ Как оказалось, навсегда, так как она умерла в 1711 или 1712 году.
- ¹² Иногда писали «Меньшой», так его отец — полный тезка — был в той же должности у главного турецкого переговорщика Емельяна Украинцева.
- ¹³ Иногда встречается другое прочтение — Ибрагимов.
- ¹⁴ Гораздо более серьезный негатив, а временами просто ненависть у шведского короля вызывал саксонский курфюрст и польский король Август II.

- ¹⁵ Дом существует до сих пор, и в нем размещается посольство Королевства Нидерланды. Любопытно положение — за Русским двором (Рюсгоргден) и Южной Ратушей (ныне там находится Городской музей Стокгольма), напротив банка, который, судя по дате на стене, существовал и в начале XVIII века.
- ¹⁶ Шведский календарь в это время опережал русский на один день, и, следовательно, в Стокгольме было уже 19 августа.
- ¹⁷ В современном Шведском тупике, когда-то Шведском переулке. В 1892 году фундамент Шведского двора был использован для строительства городского училища, получившего прозвище «Капцовского» по фамилии купца-мецената.
- ¹⁸ Русский двор в Стокгольме возник как место стационарной торговли и размещения русских купцов. Само название появляется в середине XVII века. К этому времени это был целый комплекс строений, насчитывающий 33 дома в центре шведской столицы — на острове Сёдермальм.
- ¹⁹ Возможно, дворецкий.
- ²⁰ Карл Евгений де Круа (1651—1702) — генерал-фельдмаршал на датской, австрийской, саксонской и русской службах. В апреле 1700 года приехал в Россию и был назначен главнокомандующим войск, которые потерпели поражение при Нарве. Был в плену в Ревеле, где и скончался в долгах в 1702 году.
- ²¹ В частности, саксонский генерал Л. Н. фон Алларт, встретившись после Полтавы с пленным министром графом Пипером, яростно упрекал его за жестокое обращение с пленными.
- ²² Название кораблей и фамилии даны в том виде, как их сообщил А. Я. Хилков.
- ²³ Вместе с ними находились: полковник Крамиш, подполковники фон дер Вейде, Кондратий фон Девиер, Андрей Гордон, майоры Андрей Пиль, Леонард Фондерстам, капитан Яков Балсырь, дворянин Кирилл Пушин, адъютант майор Иван Воронецкий, адъютант Андрей Курбатов, ротный писарь Никифор Зайцев, капитан Иван Зиновьев, поручик Иван Чепелев, сержант Александр Блохин и три челядника, то есть денщика: Петр Ромончевский, Василий Калаквистов, Агап Дмитриев. Всего восемнадцать человек.
- ²⁴ Полковник Пиндеграс, капитаны Грисен и Фолкерсон, два чело-века бомбардиры Вилим Стокс, Ламберт, Крейген, трубачи Антон Шаде и Яков Фабрициус, а также лекари: фон Краген, Иеронимус фон дер Бек, Герасимус фон Дербекен, Яган Тилк (Гилк) и пр. Всего шестнадцать человек.
- ²⁵ Свита генерал-майора Ланге: майор Олферий Страус, Вильгельм Сигизмундус, секретарь Крошка, капитан Христофор Кеймец, повара Иван Кристофор Семней, Георгий Пуфер, скатерник Иван

Игорн, лакей Андрей Лодже, слуга Сириактор Шеймгардт, возница Георгий Папе, норейтер Андрей Пауль. Полковник Блумберг и его слуга Фердинанд Баяновский, лекарь Данило Вилтер. Всего пятнадцать человек.

²⁶ Майор Максим Менезиус, капитаны Линдрей, Брейсен, Иван Кордиус, Винтер, Андрей Вент, Чавман, Дмитрий Тритузин, Иван Элен Гузен, поручик Экспунсе, прапорщики Каспер Ведрон, Христовор Фонглер- Фаргбер, Денон, бомбардиры Шейде, Самойло Гак, Абрам Кинилби, Петер Дефет.

²⁷ Генерал-поручик Алпарт, полковники Александр Гордон, Яков Гордон, майор Яков Гордон, капитаны Яков Гордон, Центерлин, Антон Семенихт Сеуменут, слуги и семь боцманов: Сазон Федоров, Елисей Чапринов, Борис Андреев, Дорофей Алексеев, Максим Цивилов, Василий Иванов, Терентий Иванов.

²⁸ Кстати, со временем необходимость самим оплачивать свое проживание начнет тяготить русских, и они неоднократно будут жаловаться, приводя в пример тот факт, что шведам жилье предоставляется бесплатно.

²⁹ Фенрик — младший офицерский чин в шведской армии (в России — фендрик).

³⁰ Кстати, у Симона Барона была несчастливая судьба: его освободили шведы после взятия Нарвы, но он вновь попал в плен под Полтавой и оставался в России до конца войны.

³¹ Современный город Всхова (Польша).

³² В многотомной «Всемирной истории» говорится, что под Полтавой было взято в плен 3000 человек, а под Переволочной 12000 человек, в Советской исторической энциклопедии — 2000 и 16000 соответственно. П. Энглунд, автор нашедшей книги «Полтава: рассказ о гибели одной армии», называет цифру 20000 человек, Й. Вейбуль в «Краткой истории Швеции» пишет, что только под Переволочной было пленено 25000 человек.

³³ Шкут, шкот — плоскодонное грузовое судно.

³⁴ «Артикул воинский с кратким толкованием» — военно-уголовный кодекс, состоящий из 209 статей, является частью «Воинского устава», в работе над которым, по поручению Петра, принимал участие один из пленных нарвских генералов Адам Адамович Вейде. Еще до войны он подготовил документ под названием «Воинский устав, составленный и посвященный Петру Великому Генералом Вейде, в 1698 году». Любопытно, что шведские власти считали, что свою работу он продолжал в Швеции, так как во время обысков не раз находили у него соответствующие бумаги, чертежи и рисунки.

³⁵ У каролинов они назывались ольдерманами.

- ³⁶ Кстати, они были одними из первых, от кого в России узнали подробности о задержании «в Ругодиге русских знатных».
- ³⁷ Истецкий железодельный завод.
- ³⁸ В. Г. Головина с сыном Сергеем приехала к мужу в Стокгольм в 1711 году, но 15 мая 1712 года «после 19 недель лежания» умерла.
- ³⁹ Кстати, среди них были предки знаменитых людей русской истории: Крузенштерн, Толь, Энгельгардт, Врангель и пр.
- ⁴⁰ Белыми называли талеры бранденбургско-прусского происхождения.
- ⁴¹ Бархатный двор был построен в Кремле при царе Михаиле Федоровиче как шелковая мануфактура, но к началу XVIII века превратился в мастерскую по изготовлению оружия.
- ⁴² Фондерстам — под этой фамилией он фигурирует в русских документах.
- ⁴³ Хилков отвечал за положение гражданских лиц, а Долгорукий — военных.
- ⁴⁴ Спустя несколько лет генералы и резидент писали специальные письма в Москву о том, что Я. Лантинг проявлял особую чуткость к их нуждам и поэтому его надо освободить от поста войск и поборов.
- ⁴⁵ Немалую роль играл и тот факт, что жена его, урожденная Кристина Торнфлюхт, происходила из семьи одного из крупнейших шведских банкиров.
- ⁴⁶ Чего стоит то, что она приняла в свою семью прижитого Трубецким в плену будущего знаменитого государственного и общественного деятеля времен правления Екатерины II И. И. Бецкого.
- ⁴⁷ Существует легенда о том, что капитан, вернувшись на родину, назвал свой хутор «Соликамск».
- ⁴⁸ Скорее всего, он уже был крещен в православие и получил русские имя и фамилию.
- ⁴⁹ И Долгорукий, и Измайлов понимали, что такое плен: в разное время их родственники — родной брат Измайлова — Михаил и двоюродный брат Долгорукого — Яков Федорович — были в плену в Швеции.
- ⁵⁰ Кстати, эту сумму Карл XII безуспешно пытался получить с беглецов-генералов вплоть до 1707 года.
- ⁵¹ Так русские называли «Барнхусет» — Сиротский дом.
- ⁵² Людвиг Николай фон Алларт бы обменен Августом II с доплатой в 4000 ефимков на шведского генерала А. Горна. В 1706 году он перешел на русскую службу.
- ⁵³ Письмо князя Я. Ф. Долгорукого русскому царю Петру I о победе из шведского плена (написано в Санкт-Петербурге 30 июня 1711 года): «Доношу тебе государю как мы повезены на размен

были с начала зимы царевич и Трубецкой на Пипера, а я и Головин на Реншольта да на полковника шведского и везли нас кругом все ботнической голфы (Ботанического залива. — *Г. Ш.*) а потом остановили меня в Якобстате. Царевич в пути умер (3 февраля 1711 года в Питео. — *Г. Ш.*). Трубецкого и Головина остановили близ Абова, а потом от генерала Нирота привезен князь Андрей Хилков к князю Ивану Юрьевичу и к Автоному Михайловичу и держали нас в тех местах 4 месяца. Потом генерал Клерк по указу велел везти нас через море ботническое на шведскую сторону в город Умео, и Трубецкого и прочих не знаю, куда повезли. А сухих со мной посадили на шкуту под городом Нелнкарсби и хотели везти в Умео но за противном ветром мы несколько дней стояли у берегов между островов. Славим Троицу и милосердие что дал узникам благой случай и бесстрашие и дерзновение, что мы могли капитана и солдат, которые нас провожали “пометать в корабль под палубу” и ружье отнять и поднять якорь 3 июня и ехали морем 120 миль. И не доехав до Стокгольма 110 миль поворотили на остров около острова Эзель, который завоеван победоносным оружием вашим. Шкипер наш и штурман знали путь до Стокгольма а от него через Балтийское море они ничего не знали и не бывали и карт морских не имели и море мы переехали безо всякого ведения... и как мы пообещали, солдата шкипера мы отпустили, а капитан при мне, и 19 июня приехали мы в Ревель, а потом в Нарву 26-го и в Петербург в торжественный день тезоименитства твоего и приняты были сиятельным князем торжественно. Обошли мы все места в городе и на островах и славили твое имя. И желаем только видеть твои преславные очи. И освободились из неволи со мною 2 полковника Гулиц да Козадавлев, 3 подполковника Гордон, фон дер Вилден, Декудре, 2 капитана Бабичев и Каратаев, 2 поручика Опочинин да Путилов, 2 прапорщика, несколько урядников и драгун и солдат и посадских. Со мной же выехали те, кто в Стокгольм приехали своей волей священник мелетинской (отец Панкратий), племянник мой князь Андрей князь Борисов сын Долгорукий, которого я взял к себе из Копенгагена, а всех нас свободных 44 человека».

⁵⁴ Реверс — обязательство.

⁵⁵ Або — современный Турку (Финляндия).

⁵⁶ Еще один представитель семьи Измайловых — брат русского посла в Дании Андрея Измайлова.

⁵⁷ Картель — договор об обмене или выкупе пленных.

⁵⁸ Потентат — правитель, монарх.

⁵⁹ Лимонов и апельсинов.

⁶⁰ Повышенный интерес герцога Голштинского объяснялся не реализованными, но вполне законными претензиями на шведский

престол как племянника Карла XII. Сын его Карл Петер Ульрих, будущий российский император Петр III, был одновременно внуком Петра I и Карла XII.

⁶¹ Эта предосторожность не помогла, Книперкрона не вернулся, а в 1715 году умер.

⁶² Он имел в виду, что Книперкрона уже вернулся в Швецию.

⁶³ Сифилис.

⁶⁴ Ныне финский Усикаупуки.

⁶⁵ По условиям Ништадтского мира Россия должна была выплатить компенсацию в размере 2 млн. ефимков за утеранные шведами балтийские провинции.

⁶⁶ См., например: Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. XXVII. Розавен — Репа. СПб., 1899. С. 199; Русский биографический словарь. Т. XVIII. Фабер — Цявловский. СПб., 1901. С. 321.

⁶⁷ Шифр, которым снабдили русских дипломатов в Посольском приказе в конце XVII — начале XVIII века, а именно Хилкова (Стокгольм), Измайлова (Копенгаген), Матвеева (Лондон), был одинаков. С 1707 года, с приходом нового руководителя дипломатической службы, графа Г. И. Головкина, шифр меняется и усложняется.

⁶⁸ Симпатические чернила были сделаны на основе квасцов и при нагревании проступали на поверхности листа. Неслучайно некоторые письма резидента имеют довольно «поджаренный» вид.

⁶⁹ Известно лишь несколько эпизодов, когда Книперкрона просил свое руководство не задерживать его жалованье.

⁷⁰ Например, если в октябре 1703 года он был должен царевичу Александру Имеретинскому 200 ефимков, то к началу декабря его долг вырос до 800 ефимков. Тогда же он занял у «купецких людей шведов» 1500 ефимков и у московского купца Ивана Шапкина 1300 рублей.

⁷¹ Его отец был подьячим, он сам обладал хорошим почерком и часто привлекался Хилковым для шифрования писем. По возвращении ему было выплачено недостающее жалованье и «за полонное терпение» 200 рублей, и он был зачислен в Сенат подканцеляристом.

⁷² Газеты, новостные листки и пр.

⁷³ Он был принят Карлом 18 августа, то есть речь идет о выступлении 1–2 сентября.

⁷⁴ Почерк А. Манкиева, что среди прочих фактов опровергает точку зрения, что Манкиев появился около Хилкова после 1709 года.

⁷⁵ Скорее всего, это и было начало обострения болезни — водянки, которая свела его в могилу.

⁷⁶ Людвиг Фабрициус был организатором трех экспедиций из Швеции в Персию с целью установления торговых и политических контактов между государствами. Является автором описания

путешествия по России, а также книги по истории крестьянской войны Степана Разина.

⁷⁷ Кроме Александра Имеретинского, которого по сведениям его отца — царя Арчила, активно готовили к обмену.

⁷⁸ Долгорукого отправили в Евле, а Вейде в Вестерос. Трубецкой остался в Стокгольме за главного.

⁷⁹ Дорога была долгой, но случился и приятный, судя по всему, не частый случай. Так, проезжая 22 мая город Валду, Хилков и прочие были удивлены гостеприимством местного градоначальника; они ходили, куда хотели, без караула, а сам город был «лучше желать нельзя».

⁸⁰ Кстати, это было сделано в таких объемах, что шведы не смогли противопоставить в ответ ничего похожего.

⁸¹ Речь идет об открытом в XVII веке минеральном источнике Медеви Брун, расположенном недалеко от озера Веттерн и города Мутала.

⁸² В том, что тело Хилкова так долго не отпускали на родину, не было ничего удивительного — уже был прецедент с принцем Имеретинским. По удивительному совпадению 29 мая 1716 года в Шлис-сельбурге умер граф К. Пипер, и Петр, задерживал отправку гроба, напоминая шведам об Александре Арчиловиче, Карл XII ответил тем же.

⁸³ Хилковы также принадлежали к этой ветви.

⁸⁴ По легенде ее выточил сам царь. Сегодня находится в фондах Исторического музея.

⁸⁵ Страленберг — дворянская фамилия, полученная Ф. Ю. Таббертом и его братьями в 1707 году после зачисления в сословие. Именно под этой фамилией он вошел в историю.

⁸⁶ У Страленберга была особая причина недоброжелательно относиться к князю. Он был очень обижен на Гагарина, который не только мало заплатил за составленную им карту, но и запретил в дальнейшем составлять подобные чертежи.

⁸⁷ Это обвинение оказалось очень живучим и передавалось из уст в уста даже в аристократических семьях. Князь П. В. Долгорукий в 60–70-е годы XIX века записал историю, услышанную им от родственников, якобы Гагарин мечтал стать «царем Сибирским».

⁸⁸ Чуть больше 14 килограмм

⁸⁹ Александр Имеретинский учился пушкарскому делу в Голландии — отсюда знание голландского языка, Хилков, как мы уже знаем, — в Венеции, а затем в Черногории у венецианского капитана — отсюда итальянский.

⁹⁰ В прошении о помиловании он написал, что не помнит, как ругался на короля, так как «в толикое число был пьян». Его помиловали, но спустя некоторое время он умер в тюрьме.

- ⁹¹ Результаты этой работы можно наблюдать в Упсальской библиотеке, где хранятся рукописи Спарвенфельда.
- ⁹² Полное название: «Ядро российской истории, сочиненное ближним стольником и бывшим в Швеции резидентом, князь Андреем Яковлевичем Хилковым, в пользу российского юношества, и для всех о российской истории краткое понятие иметь желающих в печать изданное, с предисловием и о сочинителе сей книги, и о фамилии князей Хилковых».
- ⁹³ В фонде Спарвенфельда в Упсальской научной университетской библиотеки находятся две книги с указанием на то, что они получены от секретаря Хилкова Манкиева.
- ⁹⁴ «...Описание степеней чинов и служб которые в академии Упсальской обретаются.

1-ое место и лицо имеет как бы покровитель Академии /хотя ему при том труда и великого попечения нет/, один из первейших королевских советников и называется он той Академии *Cancleg* или по латыни *Cancellaring*. 2-ой Архиепископ упсальской имеет место, до которого, но особливо Росправа и Смотрение над Поведением академическим надлежит и называется *Pro cancellarius*. Сим последуют профессор из который от первого до последнего по чреде наставленный на полгода Академии.

3-им Ректор или Правитель так в Академии как и в Приватном Обхождении и случаях первой перед всеми профессорами берет место.

Профессоры

Theologie сие Богословие которые в 1713 году там были 4-ты Ларс Мулин, Даниэль Дьуберг, Юхан Палмрут, Даниель Луниус — к которым адъюнкты прикреплены 4 человека.

Профессор *Juris* — приказного дела.

Профессор Карл Лундиус, Йон Рефтелиус и адъюнкт Юхан Германсон.

Профессор *Medicina* сие врачество.

Профессор Олоф Рудбек, Ларс Роберг и адъюнкт Брумелъ.

Профессор Философии — Якоб Арениус.

Профессор истории — Юхан Упмарк.

Профессор *Polyticas* политики — Петер Элвиус.

Профессор *Mathescos* математики — Олоф Целсиус.

Профессор греческого языка — Фабиан Торнер.

Профессор *Etoquencia* благоглаголения — Петер Шулберг.

Профессор *Poesicos* поэзии — Харальд Валериус.

Профессор *Geometria* землемерия — Юхан Стукиус.

А также профессоры *Logicas et Metaphisicas* метафизика, еврейского языка и *Moralium* нравоучительной. У них 6 адъюнктов.

Далее следует *Bibliotecarius* сие книгохранитель Эрик Бензелиус.

Кроме того

Секретарь академии — Грюнвальд

Рейтмейстер который казну держит Руммаль

Бухгалтер... Раммаль 9 *Cursores* или ходоки, *Ammanuensis* или писец Вахмейстер или начальник сторожей, 12 сторожей.

Примечать надобно что все профессора и библиотекарь который с ними верстается когда в Академии сидят заседают места вышеписанные порядком по начальству и делу у какого кто есть профессор а иначе в приватном случае и обхождении сядутся по старости в службе кроме Ректора которые выше всех других профессоров место берет везде в свое время как выше сказано. Тех которые адъюнкты их припряженные называют дело есть студентов молодых которые еще в прямые студенты не годятся и в *Collegium Professorum* или собрание профессоров ходить не допущены наставлять и научать дабы они ко вместичеству того учения которое перенять хотят пришли. Таких молодых студентов один всякой *Adjunctus* может под собою иметь 12 человек из которых всякой 8 и 10 платит ему за труды от себя дают. При сем примечать достойно что так кто из студентов по латине говорят правильно и на письме сочинять научен тот без неудобности в *Collegium Professorum* ходить допущен будет».

⁹⁵ Итоговый выбор Петра, как известно, пал на университеты немецких княжеств, в которых учились многие русские студенты, и оттуда со временем стала приезжать в Россию значительная часть профессуры.

⁹⁶ Он был членом городского Совета и имел авторитет в деловом мире, благодаря которому в 1713 году был привлечен Петром к составлению «Положения о купечестве».

⁹⁷ Д. Г. Мессершмидт был очень обижен на Страленберга после того, как тот в 40-е годы опубликовал материалы экспедиции без его согласия. Страленберг оправдывался тем, что считал бывшего коллегу погибшим в Сибири.

⁹⁸ Разговоры о богатых залежах золотого песка в устье реки Яркенд появились с подачи сибирского губернатора князя М. П. Гагарина и оказались выдумкой.

⁹⁹ До сего дня остается спорным вопрос о том, был ли он шведским военнопленным или вольнонаемным иностранцем на русской службе. Мнения отечественных и шведских историков расходятся.

Указатель имен

Абрамов Вилим — переводчик со шведского языка, входил в делегацию А. Я. Хилкова. Умер в плену в Швеции после тяжелой болезни в 1709 году.

Август II Сильный (1670—1733) — курфюрст Саксонский (1694), польский король (1697). Союзник Петра в борьбе со Швецией.

Алексей Петрович (1690—1718) — старший сын Петра I и его первой жены Е. Ф. Лопухиной.

Алларт Людвиг Николай фон (1659—1727) — саксонский инженер, генерал. Попал в плен под Нарвой. В 1705 году был отпущен на размен со шведским генералом А. Горном с доплатой. Поступил на русскую службу.

Андреев Антон — гвардии-фурьер из шведских пленных, содействовал побегу полковника Аппельгрена.

Аникеев Яков — русский стрелецкий капитан, попал в плен в Курляндии в 1704 году, был обменен и вернулся на родину в 1720 году.

Аппельгрен Андэш — шведский полковник, попал в плен под Переволочной, 11 декабря 1715 года совершил неудачную попытку побега из Москвы, в 1716 году умер в Москве.

Апраксин Петр Матвеевич (1659—1728) — граф (с 1709), губернатор, президент Юстиц-коллегии. Будучи казанским и астраханским губернатором, занимался делами шведских военнопленных и отправкой их в Сибирь.

Апраксин Федор Матвеевич (1881—1728) — граф (с 1709), генерал-адмирал (с 1708), президент Адмиралтейств-коллегии, сенатор, член Верховного тайного совета.

Артман Даниил (1648—1704) — голландский купец, участвовал в переводе денег для военнопленных каролинов.

Арчил II (1647—1713) — царь Имеретии и Кахетии, литератор. В 1699 году вместе с семьей переехал в Москву.

Аюка (1646—1724) — первый калмыцкий хан, с 1673 года союзник России. Способствовал продвижению России в Азию.

Бабичев Борис — князь, капитан, попал в плен при Фрауштадте, бежал из плена вместе с князем Я. Ф. Долгоруким в 1711 году.

Багратиони Александр Арчилович (1674—1711) — имеретинский царевич, генерал-фельдцейхмейстер. Сверстник и друг Петра, участник Великого посольства, изучал артиллеристское дело в Гааге. Командовал артиллерией под Нарвой, попал в шведский плен. Скончался в Питео от болезни 3 февраля 1711 года.

Балк Карл Детлоф — шведский ротмистр, попал в плен под Переволочной. Участвовал в торговле вином в Тюмени, подавал прошение о крещении в начале 1721 года; вернулся домой в мае 1723 года.

Балсырь Иван Иванович — подполковник-иноземец полка И. Мевса, попал в плен под Нарвой в 1700 году, вернулся в 1706 году.

Бари Юхан — шведский корнет, художник и ювелир, принимал участие в отделке дворца губернатора Гагарина в Тобольске.

Барон Симон Даниэль — шведский фенрик, был захвачен русскими под Нарвой и жестоко допрошен, освобожден Карлом XII в ходе сражения. В 1704 году под Нарвой вновь был взят в плен и вернулся домой в мае 1722 года.

Бассевич Геннинг Фридрих фон (1680—1749) — граф, министр герцога Голштинского Карла-Фридриха, посол в России (с 1714), тайный советник, генерал.

Баутин — дьяк канцелярии губернатора Сибири Гагарина.

Бекович-Черкасский Александр (? — 1717) — потомок кабардинских князей, капитан Преображенского полка, руководитель военного похода в Хиву, в котором принимали участие шведские пленные.

Бензелиус Эрик, Младший (1675—1743) — священник, теолог, библиотекарь и архиепископ Упсалы. Принимал участие в судьбе сына русского генерала Сергея Головина.

Бергенгиельм Юхан — барон, один из руководителей последнего довоенного шведского посольства в Москву 1699 года.

Берхгольц Фридрих Вильгельм фон (1699—1765) — камер-юнкер голштинского герцога Карла-Фридриха; в 1721—1728 годах жил с ним в России, автор мемуаров под названием «Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца».

Бестужев-Рюмин Михаил Петрович (1688—1760) — граф, дипломат, посол в Стокгольме с 1721 по 1726 год.

Блюмберг — полковник, был одним из любимцев Петра. Под Нарвой скрылся и, как считали русские, рассказал шведам все секреты.

Богданов Василий — подьячий Малороссийского приказа, член делегации Хилкова. Интернирован, умер в Швеции в 1708 году.

Бойе Андэш — шведский полковник, попал в плен в 1715 году под Кемью, вернулся домой в январе 1723 года. Во время пребывания в плену занял много денег и поэтому должен был задержаться с возвращением.

Бокин Лев — секретарь вице-губернатора Вологды, по мнению фискала Нестерова, брал взятки со шведских военнопленных.

Будаев Герасим — фискал Шлиссельбургского драгунского полка, был в плену, обменен и вернулся на родину в 1720 году.

Бутурлин Иван Иванович (1661—1738) — генерал-майор, подполковник Преображенского полка. Был взят в плен в сражении под Нарвой. В 1710 году был обменен на шведского генерала Мейерфельда.

Брёмсен Магнус фон — шведский подполковник попал в плен в 1708 году. В 1712 году был отпущен в Стокгольм на шесть месяцев, но не вернулся, в результате чего были наказаны шведские офицеры, поручившиеся за него в Москве. Умер в 1734 году в России.

Бренберх Ефим — шведский пленный, переводчик, служил у князя Гагарина.

Бреннер Хенрик (1669—1732) — участник экспедиции в Персию Л. Фабрициуса. В 1700 году он возвращался на родину через Россию и был интернирован русскими властями. При нем было обнаружено много записей, и он был объявлен шпионом. Содержался в тюрьме в кандалах. Вернулся на родину в 1722 году.

Бринк — шведский адъютант, попал в плен под Переволочной. Донес русским властям о заговоре в Свияжске. Возможно, позднее стал русским капитаном Петром Ивановым Бринкиным.

Брюс Яков Вилимович (1670—1735) — граф, сенатор, президент Берг- и Мануфактур-коллегии (с 1717), генерал-фельдмаршал (с 1726). Переводчик, литератор, библиофил.

Бутурлин Иван Иванович (1661—1738) — майор (с 1694), генерал-майор (с 1700), был в шведском плену (1700—1710), генерал-лейтенант (1716).

Бухгольц Иван Дмитриевич (1672 или 1674—1741) — служил в Преображенском полку. В 1714 году был направлен Петром I из Тобольска с отрядом, в котором были шведские военнопленные, для разведки золотых месторождений и постройки крепостей на Иртыше.

Буш Индрик — шведский матрос, в 1713 году по царскому указу был отправлен на Камчатку для постройки кораблей; оставался в Якутске до 1736 года.

Валберг — иностранный купец, принимавший участие в кредитовании шведских военнопленных.

Вахмейстер Фриц — шведский полковник, попал в плен в 1704 году. В 1712 году был отпущен в Стокгольм на шесть месяцев, но не вернулся, в результате чего были наказаны шведские офицеры, поручившиеся за него в Москве.

Вейде Адам Адамович (1667—1720) — майор Преображенского полка (с 1694) генерал, автор «Воинского устава» (1698). Находился в шведском плену с 1700 по 1710 год. Президент Военной коллегии (с 1718).

Веллинг Отто (1649—1708) — генерал, руководил обороной Нарвы.

Веригин Иван — каптенармус Луцкого драгунского полка. Попал в плен в 1711 году. Помогал князю Трубецкому раздавать деньги русским пленным. Освободился из плена в 1720 году.

Вестерман Андэш — шведский батальонный священник, автор мемуаров о пребывании в русском плену.

Вимени — француз, шут, подарен Петру польским королем. Умер во время триумфа в Москве в декабре 1709 года.

Водорацкий Сергей Григорьевич — русский прапорщик 3-й роты Семеновского полка. Попал в плен под Нарвой. Вернулся на родину в 1710 году.

Воронецкий Иван Васильевич (1670 — не позднее 1739) — майор-иноземец на русской службе. Попал в плен под Нарвой. Был отпущен на размен в 1708 году. После Полтавы был посредником между шведскими пленниками и русскими властями.

Врангель Хенрик — шведский ротмистр, попал в плен при Эрестфере в 1701 году, бежал из плена в 1704 году.

Вреде Фабиан (1641—1712) — граф, член Королевского совета. Русские пленные писали, что он относится к ним особенно жестоко.

Врех Курт Фридрих фон — шведский капитан, попал в плен под Раёвкой в 1709 году, вернулся домой в июле 1722 года. В плену в Тобольске открыл школу для детей и взрослых. После возвращения издал книгу: «Wahrhafte und umstandliche Historie von den schwedischen Gefangenen in Russland und Sibirien» — «Истинная и обстоятельная история о шведских пленниках в России и Сибири».

Гагарин Матвей Петрович (1658? — 1721) — князь, стольник (1686), глава Сибирского приказа (с 1706) комендант Москвы и глава Оружейной палаты (1707—1711), сибирский губернатор (1711—1719). Казнен в 1721 году по приказу Петра I за казнокрадство и злоупотребление властью. Оказывал активную помощь шведским военнопленным.

Гамильтон Хьюго — шведский генерал-лейтенант, попал в плен под Переволочной, вернулся домой в 1722 году.

Гарвин Томас (1690—1766) — шотландский хирург.

Герасимов Федор — русский пленный, с 1710 года новый подьячий Хилкова.

Герасимов Полукарп — русский из раскольников, «переметнувшийся толмач», с 1704 года был приставлен шведскими властями к русским, но скоро попал под влияние русских и стал одним из близких людей к князю Трубецкому.

Гермелин Олоф (1658—1709) — профессор риторики и юриспруденции, историк, секретарь Карла XII и дипломат. Пропал в битве под Полтавой.

Голицын Дмитрий Михайлович (1665—1737) — князь, киевский губернатор (1709—1718), сенатор, президент Камер-коллегии.

Голицын Михаил Михайлович (1675—1730) — князь, генерал-фельдмаршал (с 1725), президент Военной коллегии и член Верховного тайного совета (с 1728).

Голицын Сергей Алексеевич (1694—1758) — князь, в его доме служили шведские военнопленные.

Головин Автоном Михайлович (1667—1720) — полковник Преображенского полка и генерал. Под Нарвой командовал дивизией и попал в плен. Был обменен в 1718 году на фельдмаршала графа К. Г. Реншельда.

Головин Иван Иванович — окольничий, ближний боярин, воевода Пскова.

Головин Сергей Автономович — гвардии прапорщик, в 1711 году приехал к отцу А. М. Головину в Швецию и пытался стать студентом Упсальского университета.

Головин Федор Алексеевич (1650—1706) — стольник (с 1676), генерал-фельдмаршал (1700) адмирал, глава Посольского приказа (с 1700), граф, первый кавалер ордена Св. Андрея Первозванного.

Головкин Гавриил Иванович (1660—1734) — граф (с 1707), глава Посольской канцелярии (1706), канцлер (с 1709), президент Коллегии иностранных дел (с 1717), сенатор.

Гордон Александр (1669—1752) — полковник-иноземец на русской службе, под Нарвой взят в плен и в 1708 году был обменен.

Гордоны — иностранные офицеры, однофамильцы и родственники на русской службе. Иван, Яков, Федор — сыновья петровского любимца Патрика Гордона. Все были в плену, вернулись в Россию ранее Ништадтского мира, в основном по обмену.

Горн Геннинг Рудольф (1651—1730) — шведский генерал, комендант Нарвы, взят в плен в 1704 году, вернулся из плена в 1715 году.

Горн Густав — шведский лейтенант, попал в плен в 1709 году, вернулся на родину в 1722 году. Художник и ювелир, принимал участие в отделке дворца губернатора Гагарина в Тобольске. С 1716 года работал в школе капитана Вреха.

Горн Сванте — шведский капитан, попал в плен под Переволочной, вернулся домой в июле 1722 года.

Готфрид Яган — руководил группой пленных, которые в 1715 году работали в Тобольске.

Грасс — личный врач графа К. Пипера.

Гриссбах Патрик — шведский капитан, попал в плен под Переволочной, умер в Казани в 1718 году.

Гроссман Эммануэль — иностранный лекарь в русской армии, личный врач царя Федора Алексеевича, под Нарвой был взят в плен. К 1706 году сменил вероисповедание и перешел на шведскую службу.

Гулиц Андрей — полковник-иноземец на русской службе. Под Нарвой был взят в плен, бежал вместе с Долгоруким в 1711 году.

Гутвель Карл (Гудфэллоу) Чарльз — министр и генеральный консул Великобритании в России с 1699 по 1712 год.

Гутман Иван — голландский купец, участвовал в переводе денег для пленных каролинов.

Гюнтерфельт Густав Фредрик — шведский капитан, попал в плен под Полтавой, вернулся в июне 1722 года.

Дальберг Эрик Йонсон (1625—1793) — шведский инженер-фортификатор, генерал-губернатор Ливонии. Именно его русский царь обвинил в плохом приеме Великого посольства в 1697 году, что и стало формальным поводом для начала Северной войны.

Дашкеев Павел — русский капитан, был в шведском плену.

Делагарди Аксель Юлиус (1637—1710) — фельдмаршал-лейтенант, генерал-губернатор Эстляндии.

Делден Вильгельм фон — полковник-иноземец на русской службе. Попал в плен под Нарвой, вернулся в Россию по обмену в 1709 или 1710 году.

Дефо Даниэль (1660—1731) — английский писатель, публицист, автор романов о Робинзоне Крузо.

Дикман Петр — шведский лейтенант, попал в плен под Переволочной, убит жителями Тобольска в апреле 1712 года.

Дитмер Иоаким — секретарь походной канцелярии министра графа К. Пипера, попал в плен под Переволочной, доверенное лицо губернатора Гагарина; активно участвовал в судьбах военнопленных во время их пребывания в России, с 1724 года дипломатический агент Швеции в Москве

Дмитриев-Мамонов Иван Ильич (1680—1730) — майор Семеновского полка (1709), генерал, сенатор (с 1726), морганатический супруг царевны Прасковьи Иоанновны, руководитель Следственной комиссии по расследованию злоупотреблений губернатора Гагарина.

Долгорукий Василий Лукич (1670—1739) — князь, дипломат, посол в Дании (1707—1720), Франции (1720—1723), сенатор, член Верховного тайного совета.

Долгорукий Лука Федорович (1645 (?) — 1710) — князь, стольник, судья Казенного приказа.

Долгорукий Яков Федорович (1659—1720) — князь, стольник, посол во Франции и Испании (1687), генерал-комиссар (с 1700). Находился в плену с 1700 по 1711 год. Был одним из руководителей колонии русских пленных в Швеции. Совершил удачный побег в 1711 году. Генерал-кригскомиссар (с 1711), сенатор (1712).

Друандер Эрик (ум. 1720) — шведский капитан, попал в плен в 1708 году. В 1717 году принял православие и женился на русской, поступил на русскую службу.

Дурново Семен — комендант каменного завода.

Дюбен Иоаким — секретарь королевской канцелярии, помогал графу Пиперу контролировать содержание шведских военнопленных в России.

Екатерина Алексеевна (1684—1727) — вторая жена царя Петра I, русская императрица Екатерина I.

Елагин Илья — русский капитан солдатского полка Трейдена. В плен попал под Ригой в 1701 году, был обменен и вернулся в 1710 году.

Ельм Нильс — шведский полковник, попал в плен под Переволочной, вернулся домой в мае 1722 года. Был среди тех, кто поручился за полковника Вахмейстера и подполковника Брёмсена и был наказан.

Евстафьев — русский поручик. В 1706 году планировался его обмен на шведского равночинца.

Ефимов Яков — русский писарь, был прислан из Санкт-Петербурга в Стокгольм в 1707 году. Сопровождал гроб Хилкова в 1718 году.

Зиновьев Иван Никитич — русский капитан Преображенского полка. Попал в плен под Нарвой, отпущен из Швеции в 1709 году.

Жеман Яган — шведский пленный, стал известен благодаря изготовлению серебряной посуды.

Заал — дворецкий князя Александра Имеретинского. Попал в плен под Нарвой, отпущен в Россию в 1709 году.

Иванов Севастьян — русский солдат, находился в шведском плену с 1706 по 1711 год.

Измайлов Алексей Петрович — стольник, по поручению Петра возглавил русскую делегацию для переговоров по поводу обмена пленными в 1705 году.

Измайлов Андрей Петрович (? — 1714) — стольник, в юности обучался за границей морскому делу, в 1701—1707 годах русский посол в Дании, нижегородский губернатор (с 1714).

Измайлов Иван Петрович (1667—1754) — брат предыдущего, учился военному делу за границей, лейб-гвардии капитан (1706), полковник (1712), генерал-майор (1726), генерал-лейтенант (1741), комендант Москвы (1712), губернатор архангелогородский (1726) и астраханский (1731).

Инберх Соломон — шведский вахмистр, в 1715 году совершил неудачную попытку побега из плена.

Исаков Анисим — русский купец, интернирован в Швеции с началом войны. Со временем стал близок к князю Хилкову, помогал передавать письма и переводить деньги для пленных.

Йерне Урбан (1641—1724) — шведский ученый, металлург, литератор, химик. Дал рекомендацию С. А. Головину для обучения в университете Упсалы.

Йоте Самуэль Эосандер — королевский ассессор, переводчик, участник посольства Бергенгельма, посредник между русскими пленными и Королевским советом.

Каг Леонард — шведский ротмистр, попал в плен под Переволочной, вернулся домой в июне 1722 года. Его дневник — один из интереснейших источников по истории пребывания каролинов в Сибири.

Кандауров Федор — русский поручик, попал в плен в 1706 году, вернулся на родину в 1720 году.

Кантемир Дмитрий Константинович (1673—1723) — господарь Молдавии, на русской службе с 1711 года, князь, как член Правительствующего Сената поставил свою подпись под приговором князю М. П. Гагарину в 1721 году.

Каппель — шведский квартирмейстер, принимал участие в экспедициях Ф. Ю. Страленберга и Д. Мессершмидта.

Карамышев Борис — русский купец, по приказу Гагарина выдавал шведским пленным деньги и одежду.

Карл XII (1682—1718) — король Швеции (1697), сын Карла XI и Ульрики Элеоноры.

Карл-Фридрих (1700—1739) — герцог Гольштейн-Готторпский, муж старшей дочери Петра I Анны. Проявлял подчеркнутое внимание к пленным каролинам в период их возвращения на родину: помогал одеждой и деньгами.

Каханцев Андрей — русский поручик, находился в шведском плену с 1706 года. В 1711 году обменян на шведского равночинца.

Кейзерлинг Георг Иоганн фон (ум. 1711) — прусский резидент при дворе Петра I.

Киссель Еремей — купец из Любека (?), участвовал в переводе денег для шведских пленных.

Клерк Александр — ювелир, московский торговый иноземец, житель Немецкой слободы, принимал участие в переводе денег для пленных в России и Швеции.

Клювер (Кливер) Христиан Альберт — лекарь-иноземец на русской службе. Был взят в плен под Нарвой.

Книперкрона Томас (1650—1714) — торговый представитель, затем резидент Швеции в России. С началом Северной войны оказался интернированным. В 1708 году вернулся на родину.

Книперкрона Томас (1682—1723) — сын шведского резидента Книперкроны, участвовал в Великом посольстве Петра. С 1721 года занимался организацией возвращения шведских военнопленных домой.

Кноблук Франц — шведский капитан, попал в плен в 1702 году, вернулся на родину в июне 1722 года. В 1711 году был отобран для размена капитана Бабичева, но Пипер его кандидатуру не утвердил, предложив капитана Штена.

Койет Петр — иноземный купец, житель Немецкой слободы в Москве. В начале Северной войны работал переводчиком шведской корреспонденции, но после сообщения Хилкова был уволен. Помогал каролинам деньгами.

Кордес Альбрехт де — артиллеристский капитан, иноземец на русской службе. Попал в плен под Нарвой.

Корчмин Василий Дмитриевич (? — 1731) — инженер, сержант Преображенского полка, сподвижник Петра, дослужился до генерал-майора.

Костфельт Ефим — купец, городской советник Ругодива (Нарвы).

Крейц Карл Густав — шведский генерал-майор, попал в плен под Переволочной. После смерти графа Пипера, генерала Левенгаупта и отъезда фельдмаршала Реншельда стал главой Фельдт-комиссариата в Москве. Вернулся домой в 1722 году.

Крониельм Густав — член Королевского совета.

Круа Карл Евгений де (1651—1702) — генерал-фельдмаршал на датской, австрийской, саксонской и русской службах. В апреле 1700 года приехал в Россию и был назначен главнокомандующим войск, которые потерпели поражение при Нарве. Был в плену в Ревеле, где и скончался в долгах в 1702 году.

Круз — шведский лейтенант, убит жителями Тобольска в апреле 1712 года.

Крузеншерна Эверт Филипп фон — шведский поручик, попал в плен под Эрестфером и был отпущен «на парол» в 1702 году.

Крюков Никита — русский поручик, попал в плен в 1711 году. Освободился из плена в 1720 году.

Кулин — шведский пастор, в 1715 году неоднократно ездил в Тобольск из Тюмени для покупки вина для причастия.

Кульбаш Арвид — шведский подполковник, попал в плен под Переволочной, вернулся домой в Лифляндию в 1722 году. Был ольдерманом колонии шведских военнопленных в Тобольске.

Кунов Адольф Берент — шведский ротмистр, попал в плен под Нарвой в 1704 году, вернулся домой в марте 1722 года. В Сибири брал казенные заказы на изготовление игральные карт.

Курбатов Андрей — русский адъютант, попал в плен под Нарвой. Возможно, вернулся в 1709—1710 годах.

Курк Кнут — шведский ротмистр, попал в плен под Полтавой, вернулся домой в 1722 году.

Кембел Роберт — английский банкир, активно участвовал в переводе денег шведским пленным в Россию.

Лампа Каспер — шведский кригс-фискал, был отпущен в Швецию в марте 1711 года вместе с женой и сыном А. М. Головина.

Ланг Лоренц (1690-е — 1752) — писатель, путешественник, шпион, дипломат. Поступил на службу к Петру в 1712 году в качестве лейтенанта инженерного корпуса. Шесть раз путешествовал в Китай, был вице-губернатором Иркутска.

Ланг Иоганн Эрнст фон — саксонский генерал, дипломат попал в плен под Нарвой в 1700 году. Вернулся на родину в 1703 году.

Лантинг Яган — ревельский купец, в доме у него были размещены пленные русские генералы.

Лариус Габриэль — шведский батальонный пастор, один из лидеров тобольской колонии военнопленных.

Ланстром — шведский капитан, неоднократно предпринимал попытки побега из русского плена, в 1715 году ему удалось бежать.

Левенгаупт Адам Людвиг (1659—1719) — граф, шведский генерал-лейтенант. Попал в плен под Полтавой, один из руководителей Фельдт-комиссариата, умер в Москве в 1719 году.

Левенгфельт Христофор — руководил бригадой шведских пленных, заготавливавших лес для строительства государевых дворов в Тобольске в 1714—1717 годах.

Лейоншельд Карл — шведский лейтенант, попал в плен под Полтавой, вернулся домой в 1722 году. В Сибири брал казенные заказы на изготовление игральные карт.

Лефорт Петр — подполковник-иноземец на русской службе. Попал в плен под Нарвой, вернулся в Россию предположительно в 1712 году. Племянник Франца Лефорта.

Лешинский Филофей (1650—1727) — митрополит Сибирский, способствовал распространению православия среди коренных народов Сибири.

Лешерн фон Херцфельт Лоренц — шведский полковник, попал в плен под Переволочной, вернулся домой в мае 1722 года. Был среди тех, кто поручился за полковника Вахмейстера и подполковника Брёмсена и был наказан.

Лёвен Отто Вильгельм (1659—1712) — граф, губернатор Умео, которого русские считали виновным в смерти царевича Имеретинского.

Ливен Рейнольд фон — шведский ротмистр, попал в плен под Эрстфером. По другим данным был убит там же в сражении.

Лильемарк Энох — переводчик, секретарь, посредник между русскими пленными и шведскими властями. Главный специалист по тайным письмам русских пленных.

Линдберг Бенгт — шведский лейтенант, попал в плен под Черновцами в 1709 году, убит жителями Тобольска в апреле 1712 года.

Линдберг — пастор, принимавший участие в побеге шведского полковника Аппельгрена.

Линдберг — шведский фельдфебель, в 1717 году работал на Истецком железоделательном заводе.

Линдман Петер — инспектор Русского двора в Стокгольме, посредник между русскими пленными и шведскими властями.

Лирнт Иван — шведский пленный, стал известен в Сибири как искусный мастер серебряной посуды.

Лихарев Иван Михайлович (1676—1728) — майор, член Следственной канцелярии И. И. Дмитриева-Мамонова.

Лихтенберг Яган Франц — лейтенант, освобожден из плена по просьбе курфюрста Бранденбургского в 1714 году.

Лихачев Логин — русский прапорщик, попал в плен под Нарвой, вернулся на родину в 1710 году.

Лют Иоаким — шведский лейтенант, попал в плен под Переволочной, вернулся домой в мае 1722 года. Автор дневника о пребывании в Сибири.

Мазепа Иван Степанович (1644—1709) — гетман Украины (1687—1708), перешел на сторону Карла XII.

Малин Георг — шведский ротмистр, попал в плен под Переволочной, поэт, художник, ювелир, вернулся домой в мае 1722 года. Автор дневника о пребывании в Сибири.

Манкиев (Манкеевич) Алексей Ильич (? — 1723) — с начала Северной войны присоединился к миссии Хилкова, интернирован, выпол-

нял функции переводчика и секретаря. Соавтор труда «Ядро Российской истории».

Мartiнович Марко — капитан из Пераста (Черногория), знакомый Петра I, к которому он отправлял русских дворян на обучение морскому делу.

Матвеев Андрей Артамонович (1666—1728) — окольничий, посол в Гааге (1699—1712), Вене (1712—1715), президент Морской академии (1715—1719), Юстиц-коллегии (1717—1722), граф, сенатор.

Матерн Юхан — шведский лейтенант, фортификатор. Попал в плен под Переволочной, вернулся домой в июне 1722 года. Принимал участие в экспедициях Страленберга и Мессершмидта.

Мейер Яков — торговый иноземец из Нарвы, участвовал в переводе денег для пленных.

Мейерфельд Юхан Август (1664—1749) — шведский генерал-майор, оказался в плену после Переволочны, тогда же отпущен «на пароль».

Меландер Абрахам — шведский капитан, попал в плен под Черновцами в 1709 году, был отпущен на обмен в 1717 году.

Меландер Якоб — шведский кригс-комиссар, попал в плен под Переволочной, вернулся на родину в 1722 году. Организовывал перевод денег для шведских военнопленных в Сибири.

Меншиков Александр Данилович (1673—1729) — князь (1707), генерал-фельдмаршал, генералиссимус (1727), губернатор, президент Военной коллегии, член Верховного тайного совета.

Мессершмидт Давид Готлиб (1685—1735) — врач, ботаник, исследователь. Организатор первой научной экспедиции в Сибирь в 1719—1727 годах.

Миллер Герард Фридрих (1705—1783) — исследователь Сибири, историограф, академик.

Миллер — иностранный купец, принимавший участие в переводе денег для шведских военнопленных.

Милославский Александр — князь, капитан, попал в плен под Нарвой.

Миних Бурхард Кристофор (1683—1767) — граф (с 1728), генерал-фельдмаршал (с 1732), президент Военной коллегии.

Михайлов Борис — дьяк Посольского приказа.

Молин Амбьёрн — шведский лейтенант, попал в плен под Переволочной, вернулся домой в июле 1722 года. В 1717 году был отправлен на Камчатку для постройки кораблей.

Морат [Пересветов-Морат] Карл — шведский полковник, был среди тех, кто поручился за полковника Вахмейстера и подполковника Брёмсена и был наказан.

Моросин — иностранный купец, принимавший участие в переводе денег для военнопленных.

Муль Роберт — шведский капитан, попал в плен под Черновцами, в декабре 1720 года бежал из плена. В 1717 году поставлял в казну табак.

Муравьев — новгородский дворянин, один из информаторов князя И. Ю. Трубецкого.

Мусин-Пушкин Иван Алексеевич (1661—1729) — боярин, граф (1710) судья Монастырского приказа (1701—1720), начальник Печатного двора, сенатор, президент Штатс-контор-коллегии.

Мясоедов Павел — русский прапорщик, попал в плен в 1712 году, вернулся на родину в 1720 году.

Неелов Степан — подьячий канцелярии губернатора Гагарина.

Нестеров Алексей Яковлевич (1651—1724) — бывший холоп, затем приказной служитель, фискал, с 1715 года обер-фискал. На основе его доноса началось дело губернатора Гагарина. Был обвинен во взяточничестве и казнен в 1724 году.

Нирот Карл (ок. 1650—1712) — граф, генерал-губернатор Эстляндии.

Новицкий Григорий Ильич (? — ок. 1720) — украинский исследователь, был сослан в Сибирь за связь с Мазепой. Участвовал в миссионерской экспедиции митрополита Ф. Лещинского и написал «Краткое описание о народе остяцком».

Оксеншерн Бенгт (1635—1702) — граф, политический деятель в период правления королевы Кристины, Карла XI, Карла XII. Член Королевского совета, губернатор. Один из противников войны с Россией.

Огинский Казимир Доминик (ок. 1690—1733) — князь, воевода Речи Посполитой.

Орлов Митрофан — купец из Устюжны Железнопольской, с началом войны был интернирован в Швеции, помогал Хилкову с передачей писем.

Остерман Андрей Иванович (Генрих Иоганн Фридрих) (1686—1747) — граф, на русской службе с 1703 года, прошел путь от переводчика до вице-президента Коллегии иностранных дел (1723), член Верховного тайного совета, сенатор (с 1730).

Пальм Петер — шведский лейтенант, попал в плен под Черновцами, вернулся домой в 1722 году. Работал в тобольской школе капитана Вреха.

Пеликан — шведский фельдфебель, попал в плен под Эрестфером и был отпущен «на пароль» в 1702 году.

Петр I Алексеевич (1672—1725) — русский царь (1682—1725), император (1721).

Пильстрем Андэш — шведский фенрик, попал в плен под Полтавой, вернулся домой в мае 1723 года. Автор мемуаров о жизни в плену.

Пиль Андрей — майор-иноземец на русской службе, попал в плен под Нарвой, отпущен на размен в 1710 году.

Пипер Густав Абрахам — шведский фенрик, попал в плен под Переволочной, был обменен в 1715 году. Автор записок о пребывании в плену.

Пипер Карл (1647—1716) — граф, глава походной канцелярии Карла XII, попал в плен под Полтавой и руководил деятельностью Фельдт-комиссариата в Москве. Умер в плену.

Пипер Кристина — жена графа К. Пипера.

Поппе Матиас (Матвей) — банкир из Гамбурга, переводил деньги для шведских военнопленных.

Прокофьев Василий — русский священник в шведском плену.

Рамшверд Андэш — шведский полковник, попал в плен под Переволочной, вернулся домой в 1722 году. Был среди тех, кто поручился за полковника Вахмейстера и подполковника Брёмсена и был наказан.

Риббес — шведский солдат, отправлен на размен с русскими пленными в сентябре 1711 года.

Рейтер Густав — шведский майор, попал в плен под Переволочной. Во время плена вел удачную торговлю и помогал товарищам.

Ренат Юхан Густав (1682—1744) — штык-юнкер, попал в плен под Полтавой. В 1716 году в составе русского отряда отправился к Ямышеву озеру и был захвачен в плен джунгарами. Вернулся на родину в 1734 году. Автор карты Джунгарии.

Реншельд Карл Густав (1651—1722) — граф, шведский фельдмаршал, попал в плен под Переволочной, вернулся на родину в 1718 году. Один из руководителей Фельдт-комиссариата в Москве.

Рилкен — шведский майор, командир охраны Хилкова в Стокгольме в 1705 году.

Робинсон — английский резидент в Швеции.

Рылтер Савостьян — житель Ругодива, информатор И. Ю. Трубецкого.

Рычков Гаврила — подъячий канцелярии губернатора Сибири М. П. Гагарина. Привлекался по делу о злоупотреблениях.

Рюль Юхан Фредрик — шведский капрал, попал в плен под Полтавой, вернулся в мае 1722 года. Один из организаторов заговора в Свияжске, после чего десять лет содержался в тюрьме в Казани на хлебе и воде.

Сакс де Адалберт — шведский капитан, попал в плен под Полтавой, умер в 1718 году в Якутске. Одним из первых оказался в ссылке в Сибири, так как ранее сбежал с русской службы, на которую был принят в 1700 году.

Свенсон Георг Хенрик — шведский капитан, попал в плен под Нарвой в 1704 году, вернулся в августе 1722 года. В Тобольске изготавливал фитили.

Сёдеберг Генрих — полковой священник. Автор воспоминаний о пребывании в русском плену, народных нравах и обычаях.

Сергер Николя — иностранец, минер на русской службе, попал в плен под Нарвой, отпущен ок. 1707 года.

Сильверхельм Карл Магнус — шведский фенрик, зарабатывал деньги обучением гобоистов и изготовлением игральных карт.

Синклер Малкольм — шведский фенрик, попал в плен под Переволочной, вернулся на родину в 1722 году.

Соколов Кузьма — руководитель отряда, с которым отправился в Охотск пленный матрос Буш.

Сокольников Василий — русский капитан, попал в плен в 1705 году, вернулся на родину в 1710 году.

Спарвенфельд Юхан Габриэль (1655—1727) — шведский лингвист, политический и придворный деятель. Автор «Lexicon Slavonicum». Посредник между русскими пленными и шведскими властями.

Спарре Карл Густав — шведский квартирмейстер, попал в плен под Полтавой, в 1711 году отпущен в Швецию для переговоров о размене царевича Александра Имеретинского.

Стакелберг Отто Рейнольд — шведский капитан, попал в плен под Переволочной, вернулся на родину в 1723 году. Принимал активное участие в организации жизни военнопленных в Сибири.

Стам Леонард фон дер — майор-иноземец, артиллерист на русской службе. Попал в плен под Нарвой, вышел из плена по размену предположительно в 1706 году.

Стенбок Магнус Густафсон (1664—1717) — граф, шведский генерал-фельдмаршал (с 1710).

Стернгоф Георг — шведский лейтенант, попал в плен под Переволочной, вернулся на родину в 1722 году. Организовывал возвращение каролинов после заключения мира.

Стобе Лоренц Кристофер — шведский полковник, попал в плен в Выборге в 1710 году. Сбежал из плена и вернулся домой в 1715 году.

Страленберг (Табберт) Филипп Юхан (1680—1742) — шведский капитан, попал в плен под Переволочной, вернулся в сентябре 1723 года. Совершил несколько путешествий по Сибири, исследователь, автор карты и описания Сибири.

Стрелков Сергей — слуга князя Хилкова, сопровождал его тело в 1718 году.

Страус Олферий — иностранный майор на русской службе, попал в плен под Нарвой, был отпущен в Россию в 1711 году.

Стрешнев Тихон Никитич (1649—1719) — стольник, московский губернатор (1709—1711), сенатор.

Тепати — шведский секретарь, итальянец закончил языковой факультет в Упсальском университете, был в плену до 1721 года.

Тернер — прапорщик, во время пребывания в плену женился на русской и забрал ее в Швецию после окончания войны.

Тессин Никодемиус, Младший (1654—1728) — известный шведский архитектор. Автор проекта нового королевского дворца в Стокгольме.

Тисовский — ротмистр-иноземец на русской службе, планировался на обмен в 1709 году.

Толбузин (Толбухин) Олимпий — русский ротмистр, попал в плен под Нарвой, вернулся на родину в 1711 году.

Толстой Петр Андреевич (1645—1729) — граф, тайный советник, русский посол в Стамбуле (1702—1714), сенатор, глава Тайной канцелярии (с 1718), член Верховного тайного совета.

Трошкин — русский дворянин, попал в плен под Нарвой.

Трубецкая (урожд. Нарышкина) Ирина Григорьевна (? — 1749) — жена князя И. Ю. Трубецкого.

Трубецкой Иван Юрьевич (1667—1750) — князь, подполковник Преображенского полка (с 1694), генерал-лейтенант (1719), сенатор (с 1730), московский генерал-губернатор. Находился в шведском плену с 1700 по 1718 год.

Трубецкой Юрий Юрьевич (1668—1739) — князь, генерал-майор, член Военной коллегии, сенатор (с 1730).

Тунинг Отто — шведский кригс-комиссар, по распоряжению из Стокгольма контролировал положение рядовых шведских военнопленных в России.

Уитворт Чарлз (1675—1725) — посол Англии в России в 1704—1712 годах.

Украинцев Емельян Игнатьевич (1641—1708) — думный дьяк, дипломат, посол в Турции, Польше, глава Посольского приказа.

Ульфспарр Эрик — шведский лейтенант, попал в плен под Черновцами, вернулся на родину в 1722 году. В Сибири прославился искусной резьбой шахматных фигур.

Ульфсакс Захариас — шведский капитан, попал в плен под Переволочной. Убит в Томске в 1721 году.

Ульрика-Элеонора (1688—1741) — младшая сестра Карла XII, королева Швеции (1718—1720).

Упмарк Юхан — профессор истории университета Упсалы.

Ушаков Андрей Иванович (1670? — 1747) — майор, судья Тайной канцелярии, сенатор (с 1726), генерал-аншеф (с 1730).

Федоров Алексей — священник в миссии Хилкова, был интернирован, вернулся на родину в 1706 году.

Федоров Елисей — новгородский посадский человек, интернирован после начала войны, вернулся на родину в 1712 году.

Фефилов Никифор — русский адъютант, попал в плен в 1714 году, вернулся на родину в 1720 году.

Фик Георг Генрих (? — 1750) — голыштейн-готторпский чиновник, перешедший со шведской на русскую службу; вице-президент Коммерц-коллегии.

Филиппов — подьячий тобольской канцелярии, привлекался к следствию по делу князя Гагарина.

Флемминг Якоб Генрих фон (1667—1728) — граф, государственный деятель и военачальник Саксонии и Речи Посполитой, генерал-фельдмаршал Августа II.

Франке Август Герман (1663—1727) — богослов и педагог, профессор университета в Галле, один из основателей пиетизма.

Фредерик IV (1671—1730) — король Дании и Норвегии (с 1699), союзник Петра I в Северной войне.

Фридрих I (1657—1713) — курфюрст Бранденбургский, король Пруссии (с 1701).

Фридрих Гессен-Кассельский, Фредрик I (1676—1751) — муж шведской принцессы Ульрики-Элеоноры, король Швеции (с 1720).

Фриз — капитан-иноземец на русской службе, попал в плен под Нарвой.

Фустов Григорий Лаврентьевич — премьер-майор, попал в плен в 1713 году, вернулся на родину в 1721 году.

Хансон Нильс — бургомистр Стокгольма.

Харделоф Густав — шведский банкир, участвовал в переводе денег для каролинов в Россию.

Хилков Андрей Яковлевич (1676—1716) — князь, стольник, русский резидент в Швеции (с 1700). С началом Северной войны был интернирован. Умер в Швеции в 1716 году.

Хилков Юрий Яковлевич (1661—1729) — князь, генерал-майор.

Хорд Олоф — шведский лейтенант, попал в плен в 1708 году, вернулся на родину в мае 1722 года. Автор воспоминаний о пребывании в русском плену.

Цабелтиц Ганс Фридрих — поручик, отпущен из плена по просьбе прусского короля.

Цедергельм Йозияс (1673—1729) — барон, секретарь королевской канцелярии, попал в плен под Переволочной, вернулся домой в 1722 году, государственный деятель.

Цедеркрейц Герман (1684—1754) — барон, чрезвычайный посол Швеции в России (1722—1729), занимался отправкой шведских военнопленных на родину.

Чепелев (Шепелев, Шепелин) Иван — русский поручик, попал в плен под Нарвой. Помогал лингвисту Спарвенфельду в составлении словаря. Вернулся на родину в 1709 году.

Чередьев Иван — подьячий Владимирского приказа, участник делегации Хилкова. С началом войны интернирован. Вернулся на родину в 1718 году с телом Хилкова.

Черкасский Алексей Михайлович (1680—1742) — князь, стольник, губернатор Сибири (с 1719), сенатор.

Шамордин Авраам Григорьевич (? — 1739) — капитан Семеновского полка, участник Следственной комиссии по делу о казнокрадстве Гагарина.

Шафиров Петр Павлович (1673—1739) — барон (1710), государственный деятель и дипломат, вице-канцлер, президент Коммерц-коллегии, сенатор.

Шереметев Борис Петрович (1652—1719) — граф (1706), первый российский генерал-фельдмаршал (1701). Крупнейший военачальник Северной войны.

Шерценфельд Бригитта — шведская солдатская вдова, попала в русский плен под Полтавой, вместе с Г. Ренатом была у Аюки-хана.

Шёнстрем Петер — шведский рейтар, попал в плен под Переволочной, вернулся домой в 1722 году. Помогал Страленбергу составлять карту Сибири.

Щитовский Дмитрий — русский поручик, попал в плен в 1706 году, вернулся на родину в 1720 году.

Шилинг Венедикт Густав — приехал в Москву в посольстве барона Ю. Бергенгиельма для изучения русского языка. Был интернирован и поступил на русскую службу в Посольский приказ.

Шкруф Юхан (Иван) — шведский корнет, попал в плен под Нарвой в 1704 году, вернулся домой в 1722 году. Прославился в Сибири искусством изготовления серебряной посуды.

Шлиппенбах Хенрик Юхан фон — шведский подполковник, попал в плен в 1708 году, в 1716 году отпущен в Лифляндию.

Шлиппенбах Вольмар Антон фон — шведский генерал-майор, попал в плен под Полтавой, в 1713 году отпущен в Лифляндию и поступил на русскую службу.

Шмедеман Юхан — директор Почтового ведомства, занимался перлюстрацией русской корреспонденции.

Шнитцкер Юхан — шведский корнет, попал в плен в 1708 году, в 1712 году поступил на русскую службу и дослужился до подполковника.

Шульман — шведский пленный, чертежник, работал в экспедициях Страленберга и Мессершмидта.

Эмпорагиус Абель — шведский корнет, попал в плен под Переволочной, убит жителями Тобольска в апреле 1712 года.

Эннес Бартольд — шведский корнет, попал в плен под Полтавой, вернулся домой в июне 1722 года. Был известен в Тобольске как изготовитель обоев в резиденции губернатора Гагарина.

Эншельд Густав — шведский полковник, попал в плен под Эрестфером, в 1708 году отпущен на размен. Под Полтавой попал снова в плен и умер в 1719 году.

Юленкрук Аксель — шведский полковник, попал в плен под Черновцами, вернулся домой в мае 1722 года. Получал деньги по векселю в домах находящихся в Швеции князя Трубецкого и генерала Головина.

Юленстрем — шведский майор, начальник охраны русских пленных в Питео.

Содержание

Введение	5
I. НАКАНУНЕ.	7
На границе	7
Тем временем в Москве и в Стокгольме.	12
II. ВОЙНА	18
Первые пленные.	18
Нарва и Полтава.	21
Численность пленных и география плена.	28
III. ПЛЕН	38
Статус пленного.	38
Материальное положение	54
Борьба за выживание: предпринимательство, ремесло и торговля.	73
Побеги, обмен, отпуск «на поруки»	77
IV. МИР.	103
V. МОЗАИКА	113
Тайная война резидента Хилкова.	113
Губернатор Сибири М. П. Гагарин	130
«Дорогой друг» Ю. Г. Спарвенфельд	138
Студент Сергей Головин	142
Иоаким Дитмер: пленник и резидент	146
Открывая и изучая Сибирь	150
Заключение.	158
<i>Примечания</i>	<i>159</i>
<i>Указатель имен.</i>	<i>168</i>

Шебалдина Г.

Ш36 Заложники Петра I и Карла XII. Повседневный быт пленных во время Северной войны / Галина Шебалдина. — М. : Ломоносовъ, — 2014. — 192 с. — (История. География. Этнография).
ISBN 978-5-91678-228-8

Герои этой книги — пленные, русские и шведы, оказавшиеся во время Северной войны 1700—1721 годов в руках противника. Их судьбы — это истории мужества и предательства, переговоров и обменов, тайной борьбы разведок и борьбы отдельных людей за выживание, это истории тихого героизма не только военных, но и купцов, путешественников, даже женщин и детей, которых война застала на чужой земле и сделала своими заложниками. Немыслима стойкость шведов, высланных в Сибирь и сумевших не только сохранить человеческий облик, но и внести вклад в изучение неосвоенных российских земель. Поражает тоска русских по родине, их постоянные попытки бежать и — как венец этого стремления — побег безоружных пленников, захвативших шведский корабль и сумевших, не зная морского дела, пройти через всю Балтику до родных берегов...

Галина Шебалдина — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Средневековья и раннего Нового времени Российского государственного гуманитарного университета.

УДК 94(47).05

ББК 63.3(2)46

Книга изготовлена в соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ, ст. 1, п. 2, пп. 3.
Возрастных ограничений нет

История. География. Этнография

Галина Шебалдина

Заложники Петра I и Карла XII

Повседневный быт пленных
во время Северной войны

Редактор М. Чепельман
Верстка А. Петровой

Подписано в печать 03.04.2014.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 12. Тираж 1000 экз.
Заказ 1816.

ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3
Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов,
ул. Полиграфистов, д.1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, 8(495)988-63-76

история/география/этнография

В СЕРИИ ВЫШЛИ:

Лев Минц. Котелок дядюшки Ляо
Виталий Бабенко. ЗЕМЛЯ — ВИД СВЕРХУ
Ольга Семенова-Тян-Шанская. ЖИЗНЬ «ИВАНА»
Владислав Петров. ТРИ КАРТЫ УСАТОЙ КНЯГИНИ
Свен Хедин. В СЕРДЦЕ АЗИИ
Геннадий Коваленко. РУССКИЕ И ШВЕДЫ ОТ РЮРИКА ДО ЛЕНИНА
Лев Минц. ПРИДУМАННЫЕ ЛЮДИ С ОСТРОВА МИНДАНАО
Бенгт Янгфельдт. ОТ ВАРЯГОВ ДО НОБЕЛЯ
Олег Ивик. ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ
Анна Мурадова. КЕЛЬТЫ АНФАС И В ПРОФИЛЬ
Даниэль Клугер. ТАЙНА КАПИТАНА НЕМО
Валерий Гуляев. ДОКОЛУМБОВЫ ПЛАВАНИЯ В АМЕРИКУ
Светлана Плетнева. ПОЛОВЦЫ
Ким Малаховский. ПИРАТЫ БРИТАНСКОЙ КОРОНЫ ФРЭНСИС ДРЕЙК
и Уильям Дампир
Алексис Трубецкой. КРЫМСКАЯ ВОЙНА
Валерий Гуляев. ЗАГАДКИ ИНДЕЙСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ
Олег Ивик. ЖЕНЩИНЫ-ВОИНЫ: ОТ АМАЗОНОК ДО КУНОИТИ
Виолен Вануайек. ВЕЛИКИЕ ЗАГАДКИ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА
Яков Свет. ЗА КОРМОЙ СТО ТЫСЯЧ ЛИ
Лев Минц. БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ ХИМЬЯР И ПЛИССИРОВКА ЮБОК
Аксель Одельберг. НЕВЫДУМАННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ СВЕНА ХЕДИНА
Гомбожаб Цыбиков. БУДДИСТ-ПАЛОМНИК У СВЯТЫНЬ ТИБЕТА
Никита Кривцов. СЕЙШЕЛЫ — ОСКОЛКИ ТРЕХ КОНТИНЕНТОВ
Олег Ивик. ИСТОРИЯ СЕКСУАЛЬНЫХ ЗАПРЕТОВ И ПРЕДПИСАНИЙ
Виктор Бердинских. РЕЧИ НЕМЫХ
Светлана Федорова. РУССКАЯ АМЕРИКА: ОТ ПЕРВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ
до ПРОДАЖИ АЛЯСКИ
Стаффан Скотт. ДИНАСТИЯ БЕРНАДОТОВ: КОРОЛИ, ПРИНЦЫ И ПРОЧИЕ...
Геннадий Левицкий. САМЫЕ БОГАТЫЕ ЛЮДИ ДРЕВНЕГО МИРА
Георгий Вернадский. МОНГОЛЫ И РУСЬ
Наталья Пушкарева. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ЖЕНЩИНЫ В ДРЕВНЕЙ РУСИ
и МОСКОВИИ: НЕВЕСТА, ЖЕНА, ЛЮБОВНИЦА
Виталий Белявский. ВАВИЛОН ЛЕГЕНДАРНЫЙ И ВАВИЛОН ИСТОРИЧЕСКИЙ
Олег Ивик. ИСТОРИЯ И ЗООЛОГИЯ МИФИЧЕСКИХ ЖИВОТНЫХ
Лев Карсавин. МОНАШЕСТВО В СРЕДНИЕ ВЕКА
Владислав Петров. ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ СМЕРТИ

Олег Ивик. Еда Древнего мира
Стефан Цвейг. Подвиг Магеллана
Вашингтон Ирвинг. Жизнь пророка Мухаммеда
Владимир Новиков. Русская литературная усадьба
Отечественная война 1812 года глазами современников
Наталья Пушкирева. Частная жизнь русской женщины XVIII века
Сергей Ольденбург. Конфуций. Будда Шакьямуни
Фаина Османова, Дмитрий Стахов. Истории простых вещей
Генрих Бёмер. История ордена иезуитов
Алексей Смирнов. Скифы
Андрей Снесарев. Невероятная Индия: религии, касты, обычаи
Генри Чарлз Ли. Возникновение и устройство инквизиции
Олег Ивик, Владимир Ключников. Хазары
Вячеслав Шпаковский. История рыцарского вооружения
Лев Ельницкий. Великие путешествия античного мира
Юрий Чернышов. Древний Рим: мечта о золотом веке
Виктор Бердинских. Русская деревня: быт и нравы
Сергей Макеев. Дело о Синей Бороде
Борис Романов. Люди и нравы Древней Руси
Печенеги
Генрих Вильгельм Штоль. Древний Рим в биографиях
Алексей Смирнов. Несостоявшийся русский царь Карл Филипп,
или Шведская интрига Смутного времени
Александр Куланов. Обнаженная Япония
Валерий Ярхо. Из варяг в Индию
Институты благородных девиц в мемуарах воспитанниц
Владислав Петров. Древняя история секса в мифах и легендах
Михаил Мочалов. Древняя Ассирия
Константин Кудряшов. Александр I и тайна Федора Козьмича
Виктор Калашников. Русская демонология
Рафаил Нудельман. Прогулки с Библией
Московия при Иване Грозном глазами иноземцев
Георгий Вернадский. Русское масонство в царствование
Екатерины II
Олег Ивик, Владимир Ключников. Сюнну, предки гуннов,
создатели первой степной империи
Константин Иванов. Трубадуры, труверы, миннезингеры

все книги
издательства «Ломоносовъ»
в интернет-магазине
на сайте

www.lomonosov-books.ru

Доставка по Москве — курьером, по России —
почтой • Издательские цены • Скидки и акции
для постоянных покупателей • Оперативная
информация о новинках издательства

info@lomonosov-books.ru

**Галина
Шебалдина**
Заложники
Петра I
и Карла XII

Герои этой книги — пленные, русские и шведы, оказавшиеся во время Северной войны 1700–1721 годов в руках противника. Их судьбы — это истории мужества и предательства, переговоров и обменов, тайной борьбы разведок и борьбы отдельных людей за выживание, это истории тихого героизма не только военных, но и купцов, путешественников, даже женщин и детей, которых война застала на чужой земле и сделала своими заложниками. Немыслима стойкость шведов, высланных в Сибирь и сумевших не только сохранить человеческий облик, но и внести вклад в изучение неосвоенных российских земель. Поражает тоска русских по родине, их постоянные попытки бежать и — как венец этого стремления — побег безоружных пленников, захвативших шведский корабль и сумевших, не зная морского дела, пройти через всю Балтику до родных берегов...

Галина Шебалдина — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Средневековья и раннего Нового времени Российского государственного гуманитарного университета.

ISBN 978-5-91678-228-8

9 785916 782288